

НЕПРОСТОЙ ВЫБОР

АНГЕЛИНА ШИРЯЕВА

Главная героиня создаёт впечатление успешной женщины. Она давно замужем, у неё есть сын. Но никто кроме неё не знает, что стоит за этой фальшивой постановочной семьёй. Она отчаянно и безнадежно одинока. Ведь она вышла замуж не по любви и не за того человека. Спустя время, судьба наградила её встречей с настоящей любовью. Казалось бы, живи и радуйся, но обстоятельства против них. Они не могут быть вместе. Она разрывается между тем что правильно, и что хочется. Но всё ещё больше осложнилось, когда на горизонте показался третий...

Кромешная тьма прерывается яркими кратковременными вспышками и снова заполняет пространство. Воздух тяжелый, он давит на грудь своей широкой стопой. Продолжать дышать, несмотря на сдавившее горло. Продолжать верить в то, что скоро в груди разольется чистейший воздух, в котором слышно падение звезд. Туман в голове не хочет растаять, он окутывает сознание, держа его в запертой комнате, где можно ладонью коснуться боли и отчаяния. Сердце замедляет ход и словно вовсе желает прервать дорогу. Удар, снова удар, мелкими шажками оно неуверенно продолжает путь, медленно, обдуманно, словно боится оступиться. Стены в тёмной комнате, где страх почти задушил надежду в светлую действительность, постепенно сужаются, вытесняя все чувства и сумбур в остатках сознания. Дышать становится всё труднее. Несмотря на отсутствие контуров жуткой комнаты, есть ощущение, что она сузилась до размеров грецкого ореха. Протягиваю лёгкую, почти невесомую руку, не видя её перед собой в чернилах пространства. Она провалилась во что-то тёплое, воздушное. Мыслей нет, страх покидает сознание. Пытаюсь поднять ногу и не ощущаю её, она словно соткана из тончайшей паутины, направляюсь в тёплую, воздушную стену. Она манит своим уютом, притягивает, словно, обещая вечный покой. Не чувствуя тела, передвигаюсь в мыслях, вливаясь в ощущение воздушности. Не знаю для чего это, не знаю, что там меня ждёт, просто двигаюсь, чтобы не остаться в маленькой чёрной комнате, с размером в грецкий орех, наполненной страхом и отчаянием.

Впереди, словно в густом молочном тумане появляется огонёк. Он дрожит, словно вот-вот потухнет, продолжаю движение, не касаясь поверхностей, не чувствуя тела и пространства. Он стал гореть ярче, призывая не останавливаться, но не прекращая дрожать, намекая на то, что скоро совсем исчезнет и снова наступит кромешная удушающая тьма. От огонька не много света, но он даёт надежду. На что? Не знаю. Просто не так страшно, он успокаивает, не позволяя утонуть в море печали. Огонёк совсем близко, он обретает контур. Очертание его напоминает что-то до боли знакомое, но в сознании пустота. Я остаюсь рядом, замороженно глядя на него. Он говорит со мной бесшумно, не представляясь и не прекращая дрожать. Я не слышу слов, не понимаю его, все сливается в один сплошной звук. Силюсь разобрать хоть что-то в его непрерывном бормотании. Закрываю глаза. Снова кромешная тьма. Но мне не страшно, я разбираю отдельные слова. Огонёк просит идти, двигаться куда-то. Он не говорит куда, он просто просит.

Снова открываю глаза, исчезли звуки, тот самый спасительный свет, дающий надежду, всё исчезло. Паники нет, нет страха и боли. Больше нет ничего. Я не хочу уходить, боюсь никогда не увидеть тот самый огонёк, что наполнил меня светом и оставил уголёк надежды. Я остаюсь здесь, я обязательно его дождусь.

Глава I. Знакомство с Морем

— Знаешь, я всегда была очень правильной, с детства поиграв, складывала игрушки на свои места, не разбрасывая по полу. В школе училась хорошо, учителя не уставали хвалить меня, ездила по городским олимпиадам, занималась баскетболом и выигрывала в соревнованиях. Хотя в детстве у меня не было недостатка в друзьях, став старше, я осознала, что не каждого можно назвать другом. И настоящих друзей можно было пересчитать по пальцам одной руки. После этого осознания моими лучшими друзьями стали книги, их я прочла несчетное количество. С мальчиками отношения не заводила, они мне были совсем не интересны в подростковом возрасте. Позже, когда поступила в университет, я встретила свою первую любовь, он был моим однокурсником, очень популярным на нашем потоке, играл на гитаре на всех мероприятиях, занимался профессионально футболом. Отношения наши длились несколько лет, я готова была ради него на всё. Если бы нужно было ради него умереть, я бы умерла, не раздумывая. — я задумчиво, бесцельно водила по запотевшему боковому стеклу машины указательным пальцем. — Это было настоящее чувство, и по закону жанра, моя первая любовь меня чуть было морально не убила. Отношения были сложные, болезненные, встречались долго, впрочем, как и расставались, тоже болезненно и долго. Я думала, что не переживу разрыва, несмотря на то, что была его инициатором. — перестав водить по стеклу пальцем, только сейчас заметила, что вывела на стекле имя своей первой любви. — Но я не умерла, вопреки всем моим ожиданиям. Я научилась дышать без него. Думать, радоваться, мечтать. Я училась всему заново. Преодолевала сложности шаг за шагом, не замечая, как в кровь разодрала голые ступни, не привыкшие к ходьбе в одиночку. Я долго не могла научиться не думать о нём. — палец на стекле выводил уже другое имя. — И знаешь, если бы не один человек, я бы, наверное, потеряла веру в лучшее, в чистый воздух, в детский смех, в запах дождя на пыльном асфальте. Он спас меня от депрессии, вырвал из омута страданий и разочарованности. И я благодарна ему была за это. Я окунулась в новую любовь с головой, стараясь забыть о прошлом. Ты, наверное, думаешь, что я эгоистично поступила, забывшись в другом человеке, растворяя в новых отношениях боль и разочарование прошлого?

— Ты поступила так, как велело тебе сердце. Кто знает, быть может, не столько он тебя спас, сколько ты его? — любимый коснулся моей холодной ладони, обжигая кожу прикосновением. Я посмотрела на его большую ладонь, на фоне которой моя казалась такой детской.

— Не знаю. Я всегда стремилась поступать правильно, боялась причинять близким людям боль, хоть и неосознанно делала это. Это невероятно, но ты — мой единственный безумный поступок за всю мою жизнь.

— Безумный поступок? — он засмеялся, заставляя сердце бежать быстрее.

— Принципы, от них не убежать. У одних есть принципиальные позиции в жизни, другие не привыкли копаться в себе и живут хаотично, не задумываясь. У меня до встречи с тобой были принципы, от которых я и не думала отступить, только вот все изменилось, когда я обрела своё Море. — я плотнее закуталась в куртку.

— Ты замёрзла, мышка? — он включил печку в машине, притянул меня к себе. Я сидела, не шелохнувшись в его объятиях, зажмурив глаза, вдыхая аромат его одеколona, смешанный с запахом его тела, и боялась открыть глаза. Меня сковал страх, что всё, что

сейчас есть вокруг меня исчезнет. Этот страх не покидал меня никогда, когда я была с ним.

— Нет ничего приятнее дышать тобой. — я не открывала глаз.

— Нет ничего приятнее касаться твоих волос. — вторил он мне — Чувствовать тепло твоего тела и стук сердца, мышка. Но ты не договорила, я тебя перебил. — он чуть отстранился, и на мгновение на душе стало пусто.

— Да что, собственно, рассказать ещё, Море, я была счастлива совсем недолго. Он был моей тихой гаванью, моим островом в море страхов, разочарований и боли. С ним я чувствовала себя так уютно и спокойно... Спокойствие — вот, что его рознило с моей первой любовью. Я упивалась его спокойствием, оно меня исцелило от ран, что нанес Ураган. Я снова стала мечтать, чувствовать. Это так важно человеку, научиться снова дышать, убрав колено разочарований с груди. Но потом пришло насыщение спокойствием, я как, усталый обезвоженный путник, укрывшись в тени редкого дерева, напившись вдоволь ключевой воды, обрела силы идти дальше по своему пути. Жестоко звучит?

— Нисколько. — ответил он.

— Я не жалею ни о чем. — продолжила я после небольшой паузы. — Знаешь, это ведь дорогого стоит! Я не жалею о том, что было, что ушло. Что тогда забылась в объятиях другого. Теперь я могу с уверенностью сказать, что я исцелилась, благодаря ему тогда. Исцелилась от болезненных первых отношений. И я благодарна тому, что у меня теперь есть.

— Ты говоришь так, словно сама себя успокаиваешь. Ты счастлива с ним? — было видно, что ему тяжело дался этот вопрос. Он никогда не спрашивал меня об этом, но сегодня решился, видно, от того что наш вечер наполнен откровениями.

— Я счастлива с тобой. С ним — я просто есть. Просто живу, дышу, хожу на работу, ращу нашего сына, на выходные езжу с ним к моим родителям, делаю в доме ремонт и вечерами засыпаю в постели. С ним настоящее, каким бы хорошим или плохим оно не было.

— Ты первую любовь забыла с мужем, мужа пытаешься заменить мной? — в его голосе прозвучали ревнивые нотки, чего не было никогда. Многого не было никогда, до сегодняшнего вечера.

— С тобой я чувствую сердцем, я вижу мир настолько ярким, что хочется обнять его и крикнуть унылым прохожим, как я люблю тебя!

— Мышка, то, что чувствуем мы друг к другу не имеет счастливого конца. Ты же понимаешь? — в его голосе я услышала надежду, страх, отчаяние и что-то ещё неуловимое. — Мы с тобой встретились тогда, когда уже сложно что-либо изменить.

— Я понимаю, что не хочу, чтобы заканчивался этот вечер. В этот вечер я счастлива. — ушла я от ответа. Мне больно думать, что мы не сможем быть вместе.

С моих уст сами собой слетели слова любви. Но любовь слишком пошлое и банальное слово для наших с Морем чувств. То, что я испытываю к нему я не смогу описать одним словом "любовь". Я боюсь проснуться однажды утром и осознать, что всё закончилось. Закончились наши редкие встречи, которые мы пытаемся улучшить и провести вместе. Закончились ещё более редкие совместные поездки, где мы безумно счастливые бегали по набережной босиком, где с разбега неслись в водную гладь, и вода принимала меня и моего любимого, вбирая нас в себя, и унося в другую реальность, где были только мы вдвоём. Я боюсь, что вечерами, когда муж на работе, я не смогу позвонить моему Морю и сказать, как мне тяжело без его прикосновений и как хочу я стать ветром, касаться его лица, целуя ресницы, забираться к нему под куртку и греться у горячего тела. Я боюсь, что не смогу редкие выходные провести с ним валяясь в постели, читая Асадова и Бродского и жуя

мандарины, вытирая кисло-сладкий сок с подбородка. Боюсь, что мы с ним больше не выйдем на балкон, любоваться звёздами и придумывать им имена. У нас есть «наша» звезда. Даже, когда Море не со мной, я ищу на небе эту звезду, мы назвали ее «sevgi», что по-турецки означает любовь. Выходит, что мои чувства к Морю идут рука об руку со страхом потерять всё то небольшое, что я с ним приобрела. Ведь я так долго жила, не ощущая полноту жизни, что сейчас, обретя это, я до дрожи страшусь всё это утратить.

Я боюсь, что однажды у меня всё это исчезнет и не останется ничего кроме воспоминаний. Но я не буду говорить ему об этом. Он чувствует колебания моего настроения и без моих слов понимает, что со мной происходит. Он знает, что мы оба жаждем быть вместе, и жалеем только об одном-что встретились так поздно. Кто-то может скажет, что не бывает поздно? Если люди любят друг друга, то им всё ни по чем? Любая преграда-не преграда? Это юношеский максимализм, не более того. У обоих за плечами семья. И мы оба не покинем то, что так тщательно строили. Так случилось, что наши пути пересеклись только теперь. И нам суждено быть лишь узниками в собственных судьбах.

Мой телефон неожиданно зазвонил в кармане куртки, возвращая нас в реальность. На дисплее высветился номер мужа. Скорчив недовольную гримасу, я ответила на звонок.

Море касался моей руки своей тёплой ладонью, придавая мне сил. Я благодарно посмотрела ему в глаза. Всегда завидовала тем, кто мог лгать, не краснея и не чувствуя угрызений совести. Для меня всегда это было проблемой. Ирония судьбы, я патологически не переношу вранья, но живу в омуте лжи каждый день, она меня засасывает и, кажется, скоро накроет с головой. Я всегда презирала изменщиков, но теперь сама превратилась в одну из них. Пообщавшись с мужем и нажав на кнопку «отбой», удрученно покачала головой.

— Пора? — его голос был таким родным и словно обволакивал меня.

— Да.

Море обнял меня крепко, и в этом объятии угадывалась вся боль и тяжесть нашего положения.

— Наша история — как сюжет для дешёвого сериала. Они любят друг друга, но не могут быть вместе, потому что у каждого есть семья и дети. — я злилась от того, что нам предстояло сейчас вновь разлучиться. В горле стоял ком, от невыплаканных слез. Было одновременно так хорошо рядом с моим человеком, но так печально от того, что по факту он никогда не был и не будет «моим человеком».

— Мышка, я не хочу, чтобы однажды это закончилось. Но наступит день, и ты уйдёшь навсегда, хлопнешь дверцей машины, поцеловав на прощание, и больше не появишься в моей жизни. Ты стала моей зависимостью. Я просыпаюсь, думая о тебе, день проходит в делах и заботах, но я вспоминаю, как накануне ты обнимала меня, как шептала нежные слова на ухо. Вспоминаю твой звонкий смех, с которого всё началось, и сердце сжимается от боли.

Море вернул меня этой фразой мысленно назад в прошлое, где шумел прибой, зазывая в свои объятия, где звезды сверкали так ярко, где не давили на нас обязательства перед семьей.

«Мандарины всем навевают запах Нового года... — бархатистым голосом проговорил мужчина и присел рядом со мной на скамью. Я удивлённо посмотрела на него, ожидая продолжения, но вместо этого он протянул мне мандарин цвета солнца, даже не взглянув в мою сторону. Я приняла его из рук, едва коснувшись кончиками пальцев его горячей сухой ладони. В бульварных романах, когда встречается такой момент, описывают искру, которая

пробежала по телу героев, я не знаю, что там чувствуют в воображении авторов герои, но у меня словно сердце замерло на пару мгновений, и испуганно востепенувшись, помчалось галопом в груди. Часто задышав, я взглянула на него, силясь увидеть те же эмоции, которые испытала я секунды назад, но его лицо было непроницаемым. Он сосредоточил внимание на цитрусе, с которого счищал кожуру. Разочарование, оно настигло меня внезапно, как ведро воды, что ленивая хозяйка вылила с крыльца. Уже отводя от него взгляд, заметила, как дрогнула его ладонь, к которой я недавно прикоснулась. Мы сидели молча, как два старых друга, которым не обязательно озвучивать мысли, чтобы понять их ход. Проплывали мимо облака в форме корабельных парусов, проезжали редкие велосипедисты, шагали бодро, не замечая нас отдыхающие в купальниках, пробежали псы, в глазах которых читалась тоска. Никто из нас не смотрел на часы, не отмерял ход времени, не заговаривал первым. Мы наслаждались вместе тёплым ветром, который заигрывал с подолом моего цветастого платья. Любовались морем, волны которого ласкали песчаный пляж.

Он заговорил только когда солнце опустилось над морем так низко, что, закрыв глаза, можно было услышать, как оно шипит, касаясь кромки воды на горизонте. Его бархатный голос почудился родным, он вывел меня из сладкого состояния задумчивости.

— За что ты любишь лето? — Не было между нами наигранной вежливости, мы перешли сразу на «ты». Вопрос показался вполне невинным. Мне не над чем было размышлять, ответ был ожидаемым:

— За море.

— Тогда для тебя я буду Морем. — Это показалось таким логичным. Нет имен, нет прошлого, нет будущего, только то небольшое, что у нас есть, наше настоящее.

Я тогда прилетела на курорт без мужа и сына, они уехали в отпуск к бабушке, пожелав проводить дни на речке, любуясь как туман оседает на высоком камыше, внимая песням раннего соловья и погружаясь в загородную жизнь с головой. Я же мечтала отдохнуть на море, один вид которого вселял в меня чувство приближающихся перемен, непременно к лучшему. На семейном совете решили, что нам не повредит отдохнуть с мужем врозь. К тому моменту в жизни нашей ячейки общества наступил небольшой кризис и предполагалось, что разлука расставит всё по местам. Она и расставила, когда на моей скамье оказался он..., мужчина, перевернувший мой внутренний мир, и подаривший надежду, не меньше моря...

Воспоминания одно за другим мелькали в моей памяти, возвращая моё сознание туда, с чего всё начиналось.

Набережная открывала бесчисленным отдыхающим прекрасный вид, заглушая морской прибой льющейся из динамиков музыкой. Повсюду стояли аттракционы, катающие за символическую плату визжащий народ. Мы шли рука об руку по цветной плитке, обсуждали открывающиеся виды и места, где бы мы хотели побывать.

— Мечта моего детства так и не осуществилась до сих пор, хотел уехать в Индию, в седьмом классе на этой волне стал изучать индуизм, углубился в брахманизм, религию, которая была предшественницей и главным идейным истоком индуизма, всерьёз решив принять его как религию. Бабушка отговаривала меня как могла, потом, очевидно, осознав, что я перерасту это — оставила попытки что-то доказать глупому маленькому мальчику, хмутившему лоб над толстыми книгами, повествующими о религии, климате и населении Индии. Через пару лет мой запал прошёл, и я стал увлекаться историей Китая. Хотя в Китае я умудрился даже пожить немного, когда работал на одну фирму, пару лет назад. А вот Индия так и осталась для меня несбывшейся мечтой.

— Ты обязательно там побываешь, ведь тот, кто всем сердцем мечтает, обязательно достигнет своей вершины. Мы проводим свою жизнь в мечтах. В детстве всё достаточно невинно, велосипед, новые ролики, поездка к морю, тамагочи — предел, за который фантазия не заходит. Вырастая, меняются желания, потребности возрастают и мутируют вместе с мечтами. Нам уже не интересны те самые ролики, колёса которых стёрлись от асфальта. Нас не привлекает велосипед, раму которого мы погнули, когда пытались катать полную девочку из соседнего подъезда.

И только море... — оно в наших мечтах неизменно. И даже тот, кто сетует на него, говоря, что оно недостаточно чистое, недостаточно тёплое — лукавит. Мы рады морю не столько от того что оно нам даёт физическую удовлетворённость. Сколько от того, что дарит нам внутреннюю гармонию. Мы мечтаем каждый год поехать туда, где плещется прибой. Закрывая глаза, сидим на берегу, пытаюсь вобрать его в себя, впитать, как губка и увезти с собой его запах. Мы готовы часами гулять у его кромки, касаясь голыми ступнями тёплой воды, ласкающей нас, игриво стремящейся намочить выше того, где мы позволяем. Море дарит каждому своё. Я мечтаю о море, живя в городе Непогод целый год. Ведь только возле него я могу верить, что все трудности, происходящие именно сейчас пройдут, их смоеет волной времени и унесёт в океан памяти. Вдыхая его аромат, осознаешь, что всё, что вокруг тебя так мелко, да собственно, как и ты. Оно пережило много людей, видело много человеческих драм, поглотило несчетное количество монеток тех фантазёров, что мечтали к нему вернуться снова. Ты всего лишь один из великого множества душ, кто пытался найти в море гармонию и обрести душевные силы.»

Воспоминания о тех далёких днях не покидают меня, они словно кадры кинофильма, всполохами возникают на просторах сознания.

«— Боюсь проснуться. Боюсь, что всё это исчезнет, стоит мне открыть глаза. Это лето, наше море, ты..., всё не навсегда, всё временно. — я лежала на его плече, рассыпав ярко-рыжие волосы повсюду. Он перебирал прядь за прядью, накручивая их задумчиво на палец.

— Ты же знаешь, что наступит день нашего расставания. — с болью в голосе проговорил Море. — Как бы прекрасно нам не было друг с другом — всё закончится.

— Это не простой курортный роман, я не хочу ставить на наших отношениях этот банальный пошлый ярлык.

— Ярлыки — удел максималистов. Всё многогранно, нельзя приписывать всем то, что происходит каждый раз иначе. Мы с тобой переживаем сейчас прекрасное время, но оно непременно кончится. Ведь за пределами этой чудесной страны нас ждут те, кто зависит от нас, кто нас ждет.

— Неужели ты так просто сможешь всё забыть и жить дальше? Той жизнью, которой жил до меня? — я села, чтобы лучше видеть выражение его лица.

— Ты же знаешь, что для меня всё так же непросто, как и для тебя. Но мы не должны обманываться и ожидать того, чего никогда не случится.»

Я вспоминаю, как мы гуляли по городу. Море чистил яблоки, отправляя кожуру в рот, делил его на дольки и по одной скармливал мне. Я смеялась, чувствуя себя счастливой, не помня, когда ещё испытывала подобные эмоции. Мы обсуждали вкусы и предпочтения, делились фантазиями и рассуждали о вечной жизни так, словно бывали по ту сторону. Затем забредали на рынок Махмутлара и, гуляя вдоль бесконечных рядов, набирали столько фруктов, сколько могли унести с собой. Мы весь месяц, проведённый в Турции питались исключительно фруктами и кофе. А ещё очень много курили. В квартире, которую я

арендовала, всегда стоял запах сигарет и кофе.

Вспоминаю, как он поделился со мной своей фантазией, которая тронула моё сердце:

— Однажды мы встретимся «там» и уже не расстанемся. Уверен, что ты будешь так же потрясающе хороша, на тебе будет белоснежное платье, и оливковый зонт, «там» обязательно будет идти в этот момент грибной дождь и ты будешь выставлять ладонь из-под него, ловя капли.

— А ты улыбнешься мне при встрече, и я обязательно тебя узнаю по этой улыбке, ни на кого не похожей, улыбке чеширского кота.

— Мы станем гулять под пышными шапками деревьев, с которых будут сыпать крупные капли, они с грохотом будут разбиваться о наш зонт, и оттого будет весело у нас на душе. Я буду читать тебе стихи, цитируя моё любимое:

Лёгкой поступью ступая,
Ты приблизишься ко мне
Взглядом чёрных глаз сверкая,
Отдаваясь тишине

Ты теперь совсем другая,
Но надеюсь в глубине
Всё такая же родная
Близкая моей душе

Я страдал тебя теряя
Видел образ твой везде
Но потом всё понимая
Покорился злой судьбе

Сквозь года пройдя не зная
Где ты ходишь по земле
Миг прощанья проклиная
Потерял тебя во мгле

Теперь гляжу в глаза твои дотла сгорая
А ты напротив и во всей красе
Ты вроде та же, но совсем другая
Стоишь красивая в белой фате

Сегодня ты невеста, но чужая
Переплетенье лент в твоей косе
Я обниму тебя, за всё прощая
И отпуская с миром насовсем...

— Ты обязательно, подняв на меня свои прекрасные зелёные глаза, грустно скажешь о том, какое печальное стихотворение. А я поцелую краешек твоего носа, ответив, что наша история будет обязательно доброй. Там будет шуметь прибой, и пенная шапка будет разбиваться о берег, крики чаек будут не столь печальны как в жизни, и наши дети будут бегать вокруг нас, весело смеясь... И «там» мы никогда не расстанемся.

— Чудесная картина... — я сползла с подоконника, за которым шумела вечерняя жизнь курортного города. С окна открывался прекрасный вид на море, так любимое мной, оно чернело в ночи, волновалось, обещало грозу, но пока небо не соглашалось с шумным морем, оно было чистое, с россыпью бриллиантов на чёрном плаще. На мне были джинсовые короткие шорты и облегающая футболка в тон глаз. Я прошла мимо него на кухню, он лежал на подушках, разбросанных на полу. Мы принципиально не ложились на старенький диван квартиры, которую я сняла на время отпуска. Этот диван хранил слишком много чужих воспоминаний. Когда он первый раз пришёл в мое временное пристанище, окинул взглядом комнату, в которой было минимум мебели, только письменный стол, шкаф, фортепиано с потрескавшейся крышкой и этот продавленный диван. Единственное, что Море сказал тогда:

— Мы не станем спать на нём. В нём много ненужной энергии, много эмоций, что помещали в себя люди, жившие здесь до нас. Он оценил лишь огромное окно на пол стены. Из него открывался великолепный вид, захватывающий и набережную, и площадь внизу, и часть парковой зоны.

Чайник закипел на плите, огласив комнату громким свистом. Двери в комнату, где Море лежал были открыты настежь. Заварив ароматный чай с кусочками фруктов, я вышла к нему в комнату, прислонившись к прохладному дверному косяку.

— Море, всё в наших руках, не обязательно для достижения мечты ждать иной жизни. Мы можем всё устроить здесь. — шла третья неделя нашей сумасшедшей истории любви. Он вошел в мою жизнь так естественно, хоть и внезапно, что у меня было ощущение, словно мы всю жизнь жили в этой старенькой квартире вдвоём, а иной жизни у нас будто и не было.

— Ты права, можем. Но у каждого из нас свой груз ответственности. — он не любил говорить о нашем будущем, зная, что его не будет, а я не навязывала ему этот разговор. Хоть и страстно мечтала провести с этим человеком остаток жизни, несмотря, на то, что мы познакомились пару недель назад.

— Каждый выбирает для себя. — я прошла на кухню, разлила чай по кружкам, села за небольшой круглый столик, и задумчиво взглянула в окно. Там город жил своей вечерней бурной жизнью, где людям не было дела до одинокой девушки, глядящей на них из окна третьего этажа.

Одиночество — вещь непредсказуемая, можно быть в шумной компании, но чувствовать себя безгранично одиноким. Можно иметь семью, но не получать того человеческого тепла, которое растапливает любое одиночество в душе. Я была одним из тех узников одиночества, что имеют семью, друзей, знакомых, но в душе зияет дыра, размером с океан. Да, у меня есть муж, друзья, но никто из них не может дать мне чувства теплоты в душе, полноты чувств. Лишь маленький сынишка дарит моей душе теплые лучи. А в остальном, я, словно, искала что-то и не находила. Люди, находящиеся вокруг меня, не могли мне компенсировать этого. И вот уже будучи прочно замужем и родив малыша, разменяв четвертый десяток лет, я обрела то, что так долго искала, то, ради чего стоило столько ждать. Человека, рядом с которым чувствуешь цельность души, без которого не можешь представить свою жизнь, ради которого готов на все подвиги мира.

Беда в том, что повстречал ты его слишком поздно. Я была готова на рискованный шаг, бросить всё и кинуться в омут любви с головой. Конечно, мне было жаль своего мужа. Я понимала, что у сына не будет перед глазами модели полноценной семьи, но и жить врозь с человеком, которому теперь принадлежало моё сердце, я тоже не могла. Навязывать ему что-то я не хотела, прекрасно понимая, что он непреклонен и не сможет оставить свою семью,

даже ради меня. Но и смириться с нашим грядущим расставанием было невероятно сложно.

— Мышка моя, ты расстроилась? — он подошёл ко мне, присел рядом с моим стулом на пол, положив голову на мои колени. Вся нежность, что годами сидела глубоко в недрах души волнами стала подниматься к горлу, образуя комок. Мои глаза наполнились слезами. Они, слегка замирая на ресницах, произвольно стекали по бледным щекам.

— Не плачь, прошу тебя... — Море прижался ко мне ещё сильнее. — Мне больно видеть твои слезы.

— Не плачу. — упрямо проговорила я. Не в силах больше сдерживать эмоции, что годами жили в душе, не находя выхода, я расплакалась, как ребенок. Ощущая собственную беспомощность, безвыходность нашего положения. Как я могла сказать человеку, который был прочно женат, что безумно, до беспомыслия в него влюблена? Как сказать ему, что не могу и не хочу представлять жизнь без него? Что хочу чувствовать его рядом, касаться его, слышать его дыхание, смеяться с ним вместе и вместе грустить? Как глупо это, должно быть со стороны, но для меня это была действительность. Я полюбила незнакомца. Как всё это сказать тому, с кем стал близок за последние недели и на кого не имеешь никаких прав? Эти слова застревают в горле и вырываются хрипами вместе с рыданиями. Я с упоением жалела себя, Море гладил меня по спине, крепко обняв. Спустя какое-то время, мы, стараясь не бередить свежих ран, вновь отдались во власть чувств.

— Ты знаешь, я верю в то, что на жизненном пути нам попадаются те, кого можно назвать своей судьбой. — Море задумчиво потягивал виски, глядя как в вечернем небе оставляет белый след самолет. — Встречаются не каждому, не всем. Кому-то посчастливилось найти такого человека, а кто-то проживает жизнь преимущественно не с теми людьми. Мне дважды повезло. Я повстречал двоих людей, кто послан мне судьбой. Я знаю это наверняка. Нет, ты можешь сказать, что это иллюзия, моя особо бурная фантазия посылает мне ложные сигналы? Нет, мышка, я твёрдо знаю, что ты моя судьба. Это очень громкие банальные слова, но суть от того не слишком меняется. Ты послана мне небесами. Было много знаков, пока я осознал это. — самолет растворился в небе, стал расплываться след от него, а Море всё так же задумчиво глядел, подняв голову вверх и чему-то загадочно улыбаясь.

Я молчала, слушая его и не слыша. Это со мной всегда происходило, когда я была рядом с ним. Я старательно внимала каждому его слову, но слышала только биение собственного сердца, чувствовала только лишь, как пульсировала кровь в висках от напряжения, ощущала лишь только тепло от его прикосновений. Я, сама того не заметив, начала жить им. Борьба с этим было бессмысленно. Я всеми силами старалась не думать о нашем скором расставании, не хотела впускать в мой, воспалённый от мыслей о нём мозг, думы об отсутствии совместного будущего. Я, как могла, старалась не углубляться в философию, которую он сейчас мне хочет поведать. Мне хотелось крикнуть ему, что он моя судьба. Что я это поняла при первой встрече, когда достаточно было просто молча сидеть рядом на скамье, и чувствовать его не телом, а душой. Хотелось прокричать о своих чувствах, о переживаниях, разрыдаться снова у него на груди, прижимаясь всё крепче к любимому телу, сквозь слёзы пытаюсь передать то отчаяние, что охватывает меня, стоит лишь подумать о нашем будущем. Но я не могла озвучить всё это. Не могла свалить на его плечи эту тяжесть, никому не нужную правду, которая лишь отяготит. Я подсознательно ощущала, что это его отдалит от меня. Я молча слушала Море, периодически, поднося к губам стакан с апельсиновым соком. Боялась взглянуть в полюбившиеся мне глаза небесно-голубого цвета.

Стоило ему внимательнее взглянуть на меня, он бы увидел предательскую дрожь рук, уловил бы преданный взгляд.

Я мысленно отчитывала себя, не позволяя своим чувствам приходиться с огромными чемоданами в мою душу. Но, потом поняла, что эти чувства уже стоят на перроне моей души, с теми самыми потертыми чемоданами и приветливо мне улыбаются. Да, я знала, о чём он говорил. Прекрасно осознавала, что мы оба повстречали свою судьбу, будучи уже женатыми, только это ложилось тяжким грузом на наши сердца. Не всякая любовь окрыляет, я это поняла наверняка. Чувства, которым не суждено развиваться, приносят лишь тяжесть усталому сердцу. В умных книжках авторы пишут, что нужно получать удовольствие от каждого вдоха, от любого мгновения жизни, только этим мудрым авторам невдомёк, что мгновения эти имеют свойство заканчиваться и тогда наступает полнейшее разочарование...

Ещё одно яркое воспоминание:

— Самую большую боль может доставить только любимый человек, — изрекает Море в один из наших совместных счастливых дней. Мы сидим на полу, оперевшись о старый зелёный диван. Он играет с моими волосами, я пью глясе, заглядывая в такую же зелёную кружку с нарисованными на ней божьими коровками. — Только любимый человек знает тебя, как никто другой, и может причинить боль, точечно нажимая на самые болезненные раны. И только в нём ты так сильно нуждаешься, что стоит ему исчезнуть из твоей жизни, как сердце твоё уже рвется от отчаяния и потери.

«Не пропадай тогда из моей жизни!» — молча кричу я Морю, не глядя в любимые глаза, боясь обнаружить всю глубину своих чувств. Я прекрасно осознаю, что показывать ему свои эмоции глупо. Он не нуждается в этом. У него всё есть. Теперь есть еще и я. Но он даёт понять, что я есть только на время. Наша связь недолговечна, как цветы, срезанные в палисаднике. Она так же красива, с таким же волшебным ароматом, но через время завянет, растворившись в серых буднях. Я боюсь открыто говорить с Морем о любви, о чувствах, что съедают меня изнутри. Мне кажется, если я обнаружу всю глубину своей влюбленности, он отвернется от меня. Я покажусь ему глупым подростком, а не взрослой женщиной, способной контролировать свои чувства. Он либо сочтёт меня незрелой дурочкой, либо отдалится. Ведь от влюблённой женщины много проблем. Почему-то я даже в смелых фантазиях не предполагаю, что, открывшись ему, я встречу ответные заверения в любви.

Мы с ним словно фотография, закованная в рамку. Не можем перешагнуть её, не можем выйти за её пределы. Нас придавило стеклом безнадежности. И вроде стекло прозрачное, лёгкое, сдвинь его- и ты на свободе. Но на деле тебя прижали совсем не лёгкие обстоятельства. Душа рвётся на части. Так много в ней эмоций, что, лишь выпрыгнув из окна небоскрёба и летевши вниз, обдуваемый ледяным ветром, режущим тело, можно объяснить глубину моего отчаяния. Внутри меня горит огонь, я совершенно нестабильна. Мне хочется кричать и плакать оттого, что день нашего с Морем расставания неминуемо близится. Но в то же время я готова обнять весь мир от переполняющей меня любви.

И если внутри я стораю от буйства эмоций, то на деле мы всего лишь сидим на прохладном полу, и каждый из нас находится в своем мире. Море — в мире, где повсюду растекаются философские рассуждения, он плывет по этой реке на плоту, не опуская в воду даже ладони, боясь углубиться в этот мир и лишь озвучивает свои мысли, пробуя их на вкус. Я — в мире, где цветёт любовь к нему. Где хочется кричать, забравшись на гору, выпуская боль и отчаяние, посещающее меня всё чаще, когда остаются считанные дни до нашего расставания. Я сейчас в мире, где хочется запереться с ним в хижине у озера в глубине леса и

жить там, пока в реальности забудут о нас. Мы сейчас бродим в разных мирах, но это не мешает нам касаться друг друга, в комнате, что прятала нас столько дней от действительности, бушующей за её окнами.

Мы заперты в клетке своих сомнений, находимся в плену у своих страхов. Они не дают нам насладиться жизнью, делая нас заложниками и потешаясь над нами. Ведь именно страх порождает сомнения в лучшем исходе. Мы боимся менять жизнь, боимся двигаться навстречу своей мечте. Ведь есть вероятность того, что, дойдя до конца, мы не получим удовлетворения от воплощения мечты. И есть ещё больший страх не достигнуть того, о чём мы так грезим. Как это относится к нам с Морем? Всё очень просто. Мы боимся изменить наши жизни, боимся вернуться в свои родные города и продолжить нашу связь. Ведь «там» есть семьи, дети. Находясь здесь, так легко не думать о том, что придется возвращаться в серую реальность, к нелюбимым, к непониманию с их стороны, возвращаться туда, где не будет нас в полной мере, где будут лишь наши оболочки. Души же будут тянуться сюда, к морю, которое объединило нас раз и навсегда.

Всполохи воспоминаний о нашей первой встрече, о коротком совместном отдыхе, с которого все началось, оставляют меня, когда его машина останавливается у моего дома. Он довез меня до парадной, чего никогда не было прежде. Боясь того, что нас могут обнаружить, я всегда выходила за квартал до дома, но сегодня всё было иначе. Он тоже устал скрываться, наступила обречённость. И мы уже не боялись, что нашу связь обнаружат. Даже, как будто, хотели этого. Все лучше, чем играть в прятки с теми, кто этого не заслужил. Я вернулась из мира воспоминаний нашей первой встречи, забрав оттуда частичку той надежды, что теплилась тогда в моей груди.

— Мышка, можно я попрошу тебя? — Он касался моих пальцев губами, не желая их отпускать. — Никогда не бросай меня. — я думала, мне послышалось это. Море был нежным со мной, очень чувствительным, но он будто боялся показать свою слабость и выдать свои переживания. Глядя в его глаза, я поняла, что совсем пропала. Моя жизнь никогда не будет прежней.

«Как же страшно остаться без него, как дика мысль, что однажды он исчезнет из моей жизни. И это любимое лицо с изученными давным-давно морщинками в уголках глаз и губ, этих ласковых рук с тонкими пальцами пианиста, этих глаз по кошачьи-хитрых, этой улыбки чеширского кота больше не будет рядом со мной... Мы никогда не обсуждали наш возраст, но я думаю, ему около сорока лет. Он был красив в этом возрасте. Некогда смоляные чёрные волосы подёрнулись сединой на висках, но это придало его образу шарм. Двадцать лет назад, я готова была поручиться, он сводил с ума всех женщин контрастом чёрных густых волос и небесно-голубых глаз. Боже, сделай так, чтобы мы всегда были вместе... Я просто не смогу жить без него».

— Я не брошу тебя, Море, ведь я живу тобой. — поцеловав его в щеку, я спешно вышла из машины, никак не ожидая этого разговора. Я не знала, как реагировать на эту неожиданную откровенность. Но всё же я страшилась, что для него всё не так серьезно, как я могу себе надумать, что это какая-то игра. Забежав в парадную, сильнее укуталась в плащ. Осенняя прохлада пробирала до самых костей. Преодолев несколько лестничных пролётов, встала у своей двери в нерешительности. Я не могла больше лгать всем. Мужу, что задержалась на работе и сдавала несуществующий отчёт. Сыну, что мы с его отцом всегда будем вместе. Маме, что скандалы в нашей семье из-за того, что муж не вылезает из командировок, а не из-за того, что больше его не люблю. Устала бороться за свое счастье в

одинокую, приходя домой, улыбаться неискренней улыбкой, выходя из дома — прятать слёзы от всего мира. Моя душа стремилась к единственному человеку — моему Морю. Он всё ещё сидел в машине у моей парадной, не желая возвращаться к нелюбимой жене, надеясь, что я снова выйду к нему. Но я не могу. Не сегодня, не теперь...

Я стояла сейчас у входной двери собственной квартиры, не решаясь войти внутрь, где меня ждал муж. Устало прижалась лбом к прохладному железу дверного полотна. Мне нужно было немного времени, чтобы привести свои чувства в порядок, перед встречей с мужем. Быть может, Море сейчас сидит и курит в машине возле моей парадной, тоже не решаясь сразу ехать домой? Я невольно вспомнила время, когда я вернулась в город Непогод из Турции, где встретила самого необыкновенного мужчину в своей жизни. Мужчину, который смог окунуть меня в мир взаимной любви и душевной полноценности. Мужчину, который огласил себя Морем. Я вернулась в родной город с тяжёлым сердцем. Когда мы прощались там, где плещется прибой, то договорились с ним, что оставляем в этой стране всё, что было между нами. Я улетала на один день раньше него. Мы стояли в аэропорту, повсюду стаями проносились люди, обтекая нас, словно река обтекает пороги. Я не отрываясь смотрела в его, ставшие уже такими родными за этот месяц, глаза. Он держал мою ладонь возле сердца и с грустной, прощальной улыбкой смотрел на меня, будто хотел навсегда запечатлеть мой образ в своей памяти. Мы молчали. Слова были нам не нужны. Каждый из нас понимал, что это конец. Когда наши руки разомкнутся, мы исчезнем из жизни друг друга навсегда. Накануне, в той самой квартирке, которая приютила нас на этот месяц, мы договорились, что не станем называть свои имена, не будем озвучивать в какой части нашей Родины каждый из нас живет и куда возвращается. Я была слабее его в этом решении. Мне хотелось обменяться с ним номерами, узнать из какого он города, как зовут человека, который стремительно вошел в моё сердце. Но он был непреклонен. И в итоге я согласилась с тем, что для нашей истории любви — это только на пользу. Забрать это всё домой будет невыносимо тяжело. Там наши семьи, реальность, которая отрезвляет лучше ледяного ушата воды. А оставив здесь всю нашу историю, развеяв её по ветру, мы будто логично всё завершаем и даём нашей истории красиво раствориться, когда её ничего не опошило и не омрачило. Это была наша персональная красивая сказка. То, что мы обрели за время этого отпуска, мы пронесём через всю оставшуюся жизнь. Прощание было болезненным, но ещё более болезненным было ощущение потери, стоило мне подняться в самолет. Моя душа рвалась из груди, я хотела выбежать из самолета и бежать за моим Морем, как бы далеко он уже ни был от меня. Я не могла усмирить своё кровоточащее сердце, не могла унять ощущение, что я потеряла часть себя.

С таким тяжёлым сердцем я ещё никогда не возвращалась домой. В зале для встречающих меня ждал сын и муж. На душе немного потеплело, когда я увидела своего ребенка, который за этот месяц, казалось, совсем стал взрослым. По приезде домой дни потекли однообразно и уныло. Это был долгий год тишины и апатии. Тёмное время для меня. Я вышла на работу после своего продолжительного отпуска, но и она не принесла мне радости и покоя. Я каждую ночь засыпала в слезах, мысленно желая добрых снов своему Морю, где бы он ни находился.

День сменялся ночью, один сезон другим, я не могла забыть этих небесно-голубых глаз, этой улыбки чеширского кота, ощущения его кожи под своими пальцами. Я изо всех сил пыталась вырвать из своей памяти воспоминания о тех сладостных днях, когда мы были словно другими людьми, когда упивались новыми чувствами и казалось, что только теперь

мы живем. Старалась забыть всё словно и не было ничего, да только это было гораздо сложнее, чем мне представлялось при расставании с ним... Чем больше я желала всё забыть, тем сильнее воспоминания окутывали меня. Я жила с этим каждую секунду своей жизни. С мужем отношения совсем разладились, то, что я могла выносить до встречи с Морем, теперь больно отражалось на мне. Его безразличие царапало душу хуже колючей проволоки. Теперь я точно знала, чего была лишена все эти годы в браке с ним. То, что мне дал Море за месяц, мой муж и за сто лет не смог бы восполнить. Я стала отдаляться от него, а он, казалось, даже был этому рад. Если раньше я думала, что не способна на такие эмоции, которые испытала с Морем, и считала, что все живут так, как мы с мужем, то теперь я точно понимала, что теряю, живя под одной крышей с этим человеком.

Год прошёл в полусне, я стала осознавать, что уже ничего не изменить и не вернуть. Я поняла, что мне ничего не остается, как только принять свою потерю. После этого я всё чаще стала включаться в эту жизнь. Как старый телевизор с помехами, то совсем отключалась, то изображение появлялось и порой даже отчетливо и ярко. В основном это были моменты, когда мой ребенок был со мной рядом. Наступило лето, мы с ним стали чаще бывать на улице, проводить время на природе. Прятались от солнца в тени парков. В один из таких дней, гуляя с сыном в сквере, недалеко от дома, я услышала знакомый смех. Сердце моё мгновенно сжалось. Я присела на скамью, почувствовав слабость в ногах, закрыла глаза, убеждая себя, что мне почудился этот до боли знакомых смех. Но вот он снова зазвучал в моей голове. Я тряхнула головой, рыжие пряди волос разметались по плечам. Тишина. Да, мне всё это показалось, я схожу с ума, без сомнений. Но тут я услышала его голос! Оглянувшись на его звук, я увидела Море. И после не могла оторвать глаз, наблюдая, как он дурачится со своими детьми. Мы, по иронии судьбы год назад встретились за тысячи километров от дома, а дома наши оказались в одном городе, даже более того, как позже выяснилось, мы жили всю жизнь в одном районе и никогда не встречали друг друга прежде. Он был с дочерью и сыном, они беззаботно смеялись, по очереди пиная мяч. Голубое поло и белые брюки молодили его. Я неподвижно сидела на скамье, не сводя глаз с Моря и его детей, боясь, что эта картинка мне лишь мерещится. Мой сын катался рядом на качели, и я была рада, что ему я сейчас не была нужна. Я боялась отвести взгляд от мужчины, который для меня, казалось, был навечно потерян. Они так здорово втроём играли, так естественно это выглядело, видно было, что они часто проводят время вместе. Я не могла вспомнить, когда последний раз мой муж так играл с нашим сыном. Сын Моря споткнулся и упал, его отец сразу подсел к нему, что-то ему говоря, успокаивая. Его младшая дочь оглянулась, увидела меня, и какие-то мгновения смотрела мне в глаза. Потом отделилась от их компании, и направилась ко мне. Я с улыбкой заметила, что у неё много его черт, такие же небесно-голубые глаза, те же брови, пухленькие губы, которые в будущем наверняка сведут с ума немало мужчин.

Она забралась на скамью и деловито откинулась на спинку. Я отвела от неё взгляд, продолжив наблюдать как Море отряхивал с шорт сына пыль, мальчик уже успокоился и только изредка всхлипывал. Через пару мгновений дочь Море обратилась ко мне ангельским голосом:

— У меня красивый папа, правда?

— Конечно. — только и ответила я.

— Я тебя знаю. — её голубые глазки заглядывали, казалось, в самую душу.

— Откуда?

— Твои фотографии папа часто смотрит по вечерам. — просто ответила она, сердце моё замерло где-то в горле, я никак не могла его проглотить вместе с комом, что не давал мне дышать.

— Ты, наверное, ошиблась. — постаралась я взять себя в руки.

— Нет. Он рассказывал мне о тебе. — его дочь, была умна не по годам. С его слов я помнила, что ей в прошлом году было пять лет, соответственно, сейчас ей шесть. Но в глазах была не детская мудрость, а в голосе печаль.

— И что он говорил?

— Что ты хорошая и подарила ему счастье. — девочка во все глаза смотрела на меня. — ты красивая и даже добрая. — она не договорила, увидев, что он направляется к нам. Удивление на его лице сменилось счастливой улыбкой. Встретившись тогда в парке, мы не расставались дольше, чем на три дня.

Сейчас уже с улыбкой вспоминаю, как я волновалась перед нашим первым полноценным свиданием, после встречи в сквере. Дрожь волнения прокатывалась по телу, всё валилось тогда из моих рук. Чего боялась, ведь мы месяц прожили в одной квартире, спали в одной постели и разделили однажды чувства. Не знаю..., просто тогда в отпуске всё вышло спонтанно словно мы всю жизнь были знакомы, и не было у нас свиданий, нас объединило море, а сейчас я собиралась на самое настоящее свидание, примеряя то одно платье, то другое и терялась в догадках, будет ли эта встреча оправдана. Но я зря тогда волновалась, он встретил меня у метро, прижал к себе крепко, и я ощутила, что этих месяцев разлуки словно не было. Да, странно всё между нами было с самого начала. Мы встретились так будто всю жизнь были вместе, после этого потеряли друг друга, и вот волей судьбы, вновь обрели. Мы часто после этого гуляли все вместе с детьми. В такие моменты я представляла, что мы одна большая семья, и у нас общие трое детей. Наши дети удивительно быстро сдружились, мой сын был младше его детей, но, похоже от того-то он и вошёл в их маленькие сердца так быстро. Море украдкой целовал мою ладонь, а я во все глаза влюбленно смотрела на него, желая, чтобы этот миг длился вечность. Мы словно ходили по краю пропасти, получая удовольствие от риска быть обнаруженными, ведь нас в любой момент могли увидеть общие знакомые, мой муж, его жена. Да и дети случайно в разговоре дома могли обмолвиться об этих прогулках. Но если сначала и был какой-то страх, то чем больше мы виделись, чем прочнее становилась наша связь, тем больше хотелось, чтобы нас всё же раскрыли.

Я снова обрела себя, тогда, когда уже, казалось, всё было совершенно потеряно. Надолго ли мы снова вместе? Кто знает...

Анализирую свою жизнь, сидя на верхней ступени лестницы возле двери собственной квартиры. Я не хочу заходить внутрь и как могу, оттягиваю этот момент. За этой дверью совсем другая жизнь, тоже моя, но блеклая, будто выцветшая. Муж, как моя личная гавань, ждёт меня «с работы». Сейчас я войду в теплую, уютную квартиру, по которой распространился уже аппетитный аромат грядущего ужина, который он нам приготовил. Я сниму туфли на высоком каблуке с ног, повешу плащ на вешалку, ключи брошу на тумбочку возле телефона. Пройду на кухню, где только и горит свет в квартире. Муж мой будет стоять у плиты, на нём будет повязан фартук, а в руке его будет половник. Сын будет сидеть за столом и цветными карандашами неаккуратно заштриховывать раскраску. У них будет идиллия, которую не захочется нарушать. Я тихонько, чтобы они меня не заметили, пройду в спальню, переоденусь в любимые рваные джинсы и майку цвета спелого апельсина, завяжу

длинные волосы в хвост, сяду на кровать и уткнувшись лицом в согнутые колени. Так происходит практически каждый вечер, когда муж не в командировке. Меняются лишь раскраски и блюда, что он готовит, а в остальном удивительное завидное однообразие. Я буду сидеть так, уткнувшись в колени, и вспоминать его, моё Море, его теплые сухие ладони, привычную улыбку на лице, его глаза. Буду сидеть так до тех пор, пока не зайдет муж в эту чёрную комнату и не включит свет, разгоняя тьму по углам, не присядет на постель и не обнимет меня за плечи. На какой-то миг мне станет легче. В его объятиях я найду привычный покой. Забудусь на мгновение. Но совсем скоро меня станет терзать совесть, ведь я обманываю собственного супруга. Который, по сути, не виноват в том, что не в состоянии мне дать то, что я так жажду. Всё, что он может, он делает. Работает для нас с сыном, готовит ужины, даёт ощущение семьи. Любая женщина была бы счастлива, находясь в таком положении. Положа руку на сердце, я тоже была довольна своей жизнью, пока не встретила Море. Он за короткое время показал мне, что мир не серый, он наполнен буйством красок. Любовь, затронувшая моё некогда спящее сердце, придала смысл моему существованию. Но, возможно, если бы моё сердце было полно любовью до краёв, до встречи с Морем, то тогда, встретившись в чужой стране с ним, я бы просто не заметила его, не припала к нему, как к прохладной воде припадает обезвоженный путник. Но сейчас уже неважно, почему наша связь с Морем стала реальной. Это свершилось. Теперь остаётся разбираться с последствиями. Как бы я не силилась, как бы сейчас не терзала меня совесть, я не смогу выдавить из себя признание в собственной измене. И мы так и останемся сидеть с мужем на холодной постели. Он будет обнимать меня за плечи, а я всё так же буду сидеть, уткнувшись в колени...

Наша жизнь пронизана чередой однообразных событий, пропитана ставшим уже таким знакомым разочарованием. Создавая семью, мы ещё какое-то время боремся за разнообразие будней, разукрашивая их неаккуратно цветными карандашами. Но вскоре быт разбивает все наши стремления и желания, безжалостно и хладнокровно втаптывает спонтанные порывы и велит не выделяться. Все так живут. Нас будто приучают к этой мысли с детства. Семья равно стабильность, колоссальный труд и нечеловеческое терпение. И только в книгах и фильмах семью строят на фундаменте любви, который с годами не рассыпается. А в жизни из любого утюга кричат о том, что любовь живет три года. Что на любви далеко не уедешь. Испокон веков семьи создавали по расчёту. Но не по большой любви. А я, как человек, невольно проживающий по этому сценарию, могу сказать одно: без любви семья пустая, все равно что мёртвая.

Я встала со ступенек, когда услышала, что кто-то спускается с верхнего этажа. Не очень хотелось, чтобы кто-нибудь застал меня одиноко сидящей под собственной дверью. Город, ты безжалостен и скуп. Скуп на эмоции и чувства окружающих. Ведь всем по большому счету наплевать на меня, сидящую на пыльных ступенях в крошечной тьме. Соседи не знают, кто я и чем живу. Прохожие абсолютно безразличны к тем, кто падает среди бела дня на серый асфальт без чувств. Каждый спешит по своим делам. Всем хочется обойти чужое горе стороной, чтобы не замараться. Мы живем в этом мире, не задумываясь, что то, что происходит сейчас с кем-то на улице, может произойти с тобой через мгновение. Мы живем одной минутой, одним днем, радуясь прожитому, а порой и не задумываясь о прожитом дне. Важно научиться делать выводы, научиться быть добросердечнее к окружающим, научиться и научить своих детей эмпатии. В этих мыслях, под звуки шагов, доносящихся с верхнего этажа, я открыла дверь ключом и вошла в квартиру к нелюбимому мужу, утешаясь тем, что

сегодняшний день подарил мне встречу с тобой, моё Море.

Глава II. Знакомство с Ветром

Осень принесла с собой проливные дожди. За окном то и дело яркими вспышками озарялся небосвод. Стекла, по которым, как слёзы, стекала ручьями вода, царапали ветви деревьев, просясь в тепло квартир.

— Ветер, я думаю, ты поймешь меня правильно. Но порой меня посещают страшные мысли. Я не могу найти в себе силы жить. Ищу и не нахожу смысл утром открывать глаза. Я продолжаю лежать, притворяясь спящей. Для кого притворяюсь? Не знаю, скорее для себя. Или, быть может, для всего мира? Я лежу, ещё окутанная туманной дымкой сна, надеюсь, что за меня забудут все. Лежу и стараюсь разобраться в собственных чувствах. Уговариваю себя не думать о плохом, не поддаваться этим негативным мыслям, которые удушают, обвиваясь вокруг тонкой белой шеи змеей отчаяния и страха. Когда понимаю, что мне не удастся так легко себя убедить, что всё не так плохо, отчаянно вздыхаю и поднимаю своё расслабленное тело с постели. Я начинаю заниматься привычными делами. На автомате отвечаю на звонок, разрезающий хрустальную тишину квартиры. Ставлю чайник на плиту, забыв включить конфорку, находясь в паутине своих мыслей, которые гонят меня прочь из этой квартиры, этого города, этой страны, туда, где было хорошо. Невидящим взглядом устремляюсь в окно, за которым сереет утро, и продолжаю искать то, ради чего стоит жить. И, конечно, спустя какое-то время я нахожу это что-то. Я стыдливо вспоминаю, что ответственна в этой жизни за своего сына. Осознаю, что, имея ребенка, очень эгоистично допускать мысль о смерти. Ведь душевное состояние меняется ежесекундно, а жизнь одна. И вот в итоге, найдя то, ради чего стоит продолжить дышать, верить, жить, я снова по крупицам собираю себя. Вдох, ещё один, и я медленно обретаю утраченные душевные силы. Они восстанавливают треснувшую гармонию в душе. Проходит какое-то время, и мне становится страшно от того, в каком состоянии я недавно пребывала. И ведь с каждым хотя бы раз происходило нечто подобное, когда мысли о смерти посещали светлую голову. — я устало потёрла глаза. Это состояние меня посещает периодически, потому я знаю, о чём говорю. После встречи с Морем я осознала, что проживаю не свою жизнь. Глаза открылись на то, что моя прежняя жизнь была лишена любви и радости. И, казалось бы, теперь я должна ликовать. В моей душе пышным цветом расцвела любовь. Но нет, я не ликовала. Напротив, именно теперь у меня периодически случаются приступы, о которых я только что поведала Ветру. Эти приступы возникают оттого, что я не вижу выхода из ситуации, в которую себя вогнала. Я жена, мать, я не могу всё это изменить. Как бы сильно не хотелось мне быть с Морем, я не могу исправить свою жизнь и ждать, что он ради меня сделает тоже самое. Тогда накатывает это мое депрессивное состояние.

— Я понимаю, о чём ты говоришь. Но очень опасно поддаваться на провокации собственного разума. Он подкидывает тебе эти негативные мысли, лишает тебя воли к жизни. Необходимо прикладывать усилия, чтобы игнорировать эти подавляющие мысли. Мы же сами пишем свою судьбу. У кого-то это триллер, у кого-то детектив, а кто-то богат детской сказкой. Но абсолютно каждый из нас выбирает для себя свой сценарий. Я давно уже выбрал свою дорогу в жизни, свою философию, которой до сих пор верен.

— Хорошо бы смочь не допускать эти мысли в голову, но всё не так просто. И ведь я всё время анализирую свою жизнь, разбираюсь, от чего возникают те или иные переживания. Я бесконечно веду работу над собой. И понимаю, что появилось последнее время так много

вещей, которых я опасаясь. Вещей, над которыми я совершенно не властна. Не говоря уже о том, что я сейчас так часто мучаюсь угрызениями совести. Мою душу словно обнажили, и она будто обдувается ветром отчаяния. И этот вечный вопрос: как поступить? Как хочется или как правильно?

— Это сложный вопрос. Если ты поступишь так, как хочется, но это принесет боль другим, то это не выход. Если поступишь так, как правильно, и это принесёт боль тебе, то и это не вариант. — развел руками друг. — А вообще, существует лишь иллюзия важности наших поступков. Нам кажется, что от наших решений меняется всё, что слишком много от нас зависит. Но это не так. Есть высшая материя, существует что-то, что ведет нас по вечной дороге. Мы совершаем поступки, которые должны совершить. Всё заранее спланировано и записано до нас. А мы выполняем лишь роль. — Ветер вытянул длинные ноги, диван обречённо скрипнул под ним. Я наблюдала за бокалом красного вина в его ладони. Оно облизало прозрачные стенки, но не пролилось на белое покрывало, вопреки моим ожиданиям. Однажды далёкой морозной зимой я назвала его впервые Ветром. На удивлённый взгляд единственного друга ответила смехом и простым объяснением: «Ты как Ветер. Тебя не удержать, не обнять. Ты просачиваешься сквозь ладони. Ты появляешься и можешь закружить всё вокруг тогда, когда того захочешь. Тебя не приручить... Ты ветер, такой же безумно бушующий, и в то же время ты можешь быть ласковым, но никогда прирученным. Ты играешь по своим правилам, и никто не может тебя заставить играть по их нотам. Когда пытаешься тебя остановить, задержать, ты бушуешь... Ты мой ветер, дерзкий, своевольный, вечно свободный...». Он поднялся с дивана, под жалобные скрипы старых пружин, одним глотком осушил бокал вина. Сегодня пятница, и у нас традиционный вечер с бутылкой красного полусладкого, после которого мы всегда пьем турецкий кофе. Я сидела у круглого обеденного стола, допивая уже второй бокал. Ветер мягкой поступью прошёл к плите, разлил свежесваренный, ещё дымящийся кофе по кофейным чашкам. Молча достал из моей холодильной камеры мороженное, ложкой зачерпнул немного и добавил в ароматную жидкость. Мою чашку пододвинул ко мне поближе, сел напротив меня, задумчиво взглянул в глаза и задал вопрос, который, похоже, давно его беспокоил:

— Ты счастлива? — его глаза, казалось, заглядывали в самую душу. Я не сразу нашлась с ответом. Я уставилась невидящим взглядом в чашку с ароматным кофе, сделала несколько глотков, не замечая, что оно обожгло губы и горло. Была ли я счастлива сейчас? И что можно назвать счастьем? Ведь это достаточно сложный вопрос. И для каждого счастье исключительно своё. Нет меры, по которой можно определить степень счастья. То, что для одного является вершиной бытия, для другого — обыденность. Я покопалась в закоулках замутнённого алкоголем сознания, пытаюсь отыскать ответ на этот вопрос. И не найдя его, меня постигло разочарование.

— Я не знаю..., возможно...

— Нет, лучик, человек, ощущающий себя счастливым, точно может сказать об этом. Значит, ты не счастлива. — подвёл он итог. — Ты не думала, что сама можешь изменить свою жизнь. Не сиди на месте, сокрушаясь о несбывшихся мечтах и планах, не стой истуканом перед тысячью дверей! Они все подвластны тебе. — наши беседы практически всегда имели философский характер. Каждую пятницу мы сидели в моей гостиной и обсуждали то, что произошло за неделю. Часто затрагивали политические темы, религиозные и неизменно в самых тяжёлых вопросах сходились в одном едином мнении. Не обходилось и без споров, но нам хватало благоразумия быстро остывать и не доводить до

конфликта. — Сколько знаю тебя, ты словно лучик света, но в последнее время я тебя не узнаю. Что с тобой творится? — Я посмотрела на Ветра, на его нахмуренные густые чёрные брови. Похоже, он беспокоится не на шутку за меня. Это видно по лицу, слышно в голосе. Но что я могу ответить ему? Как рассказать своему другу, который обо мне хорошего мнения, что его мнение обо мне ошибочное? Что я не та, за кого себя выдаю? Я не порядочная жена, я обычная изменщица. Хотя я знаю своего друга достаточно долго, чтобы быть в курсе всех его дел, всех девушек, с которыми он когда-либо встречался, всех планов на жизнь, радостей и разочарований. Пусть знаю его ровно столько, что мы, не стесняясь, ходили друг перед другом в пижамах, не боясь быть непонятыми. Как бы долго я его не знала, как бы хорошо мы не дружили, я пока не могла найти в себе мужество признаться ему в своих грехах.

Ветер уже больше пяти лет живет на одной лестничной клетке со мной. Я часто слышу, как он играет на гитаре и что-то напевает. Тогда я перехожу со своего балкона на его. Захожу в комнату, где он поет и ничуть не удивляется моему приходу. Мы сдружились очень крепко с ним. И я настолько привыкла, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить всё, что угодно, что не могу уже представить свою жизнь без него. Муж не был против нашей дружбы, отчего-то не принимая Ветра всерьез. Да и я не рассматривала его как мужчину. Он просто был рядом.

Всё началось однажды, когда квартира соседей была продана и туда въехал новый жилец. В этот момент я была в роддоме и не познакомилась с новым соседом. Потом была выписка из роддома. Мы вернулись с новорождённым сыном в нашу с мужем двухкомнатную квартиру. Долгие бессонные ночи, муж, пропадающий в командировках, бесконечно плачущий ребенок. Я помню, что у меня уже наступил предел. Помню то отчаяние, что меня посещало всё чаще. Помощи не было. Родители жили не близко, мужа никогда не было рядом. Я не успевала ничего: ни поесть, ни поспать. Ребенок всё время плакал, и я отчаялась что-либо сделать.

В одну из таких бессонных ночей, сын оповещал всех вокруг, что он снова не спит, пронзительным плачем. Я, исхудавшая, с темными кругами под глазами, с безжизненным потухшим взором укачивала ребенка. Слезы усталости, зависая на ресницах на мгновение, срывались вниз по щекам. Уговоры, песни, ходьба с малышом на руках не могли его плачь унять. Я присела на пол, крепко держа сына на руках, целовала его лобик, давясь слезами. Вдруг услышала, сначала тихо, так тихо, что уже было подумала, что мне показалось. Затем всё отчетливее до нас доносились звуки гитары за стеной. Сквозь крик сына я слышала песню. Человек, поющий за стенкой, пел всё громче и громче. Слов я не могла разобрать, только голос, и мне казалось, что песня, которую пел сосед, была грустной. Заслушавшись этой музыкой, я не сразу заметила, что сын затих на руках и внимательно прислушивается к голосу, к песне. Мы просидели с ним на полу, пока звучала одна, затем другая композиция. Сын уже крепко спал, когда закончилась последняя песня. А я всё сидела на полу, держа на руках своего новорождённого сына, и не могла поверить в это чудо. Всё повторилось и на следующую ночь. Сын уснул лишь после того, как услышал пение за стеной и звуки гитары. Так продолжалось каждую ночь. И вскоре мой ребёнок стал засыпать под первые аккорды гитары. Однажды соседа не было дома, и нас с сыном снова встретила бессонная ночь. Не помогал магнитофон с песнями известных групп, не помогало ничего. Я всю ночь думала о соседе за стеной. Что с ним, почему его нет сегодня и как же плохо без него. На следующий день я случайно столкнулась с ним в лифте.

Мы ехали на один этаж, я была с сыном, и сосед с улыбкой спросил-не тот ли это

голосистый парень, что кричит у него каждую ночь за стеной. Я поняла, что вот он, тот самый мой ежедневный спаситель. Разговорившись, мы доехали до нашего этажа и ещё какое-то время стояли перед дверьми, обсуждая план действий на ближайшую ночь. Мы договорились, что в девять вечера он начнет играть и петь. Обнадёженная и воодушевлённая предстоящей спокойной ночью, я ушла к себе. С того дня началась наша дружба и длится по сей день. Мы стали захаживать друг к другу в гости. Потом посещения стали такими частыми, что пришлось пойти на то, чтоб убрать перегородку, объединяющую наши балконы. Муж был абсолютно не против, зная, как я всегда была верна ему, и появление ребенка для него стало гарантией моей верности. Сам он с моим новым другом не очень близко общался. Они были настолько разные, что общение сводилось только к общим темам. Зато для меня Ветер стал своеобразной отдушиной. У меня была лучшая подруга, но она уехала лет пятнадцать назад в другую страну и постепенно общение с ней прекратилось. Ветер же стал мне самым близким другом. Я делилась с ним своими мыслями, переживаниями, эмоциями, а он часто рассказывал о своей первой любви. И я слегка завидовала той девушке, ради которой он жил в то время. Ведь силу его любви к ней даже спустя годы можно было ощутить физически. Говоря о ней, он становился совершенно другим. А я лишь мечтала, чтобы меня любили также сильно. После неё у него не было серьёзных отношений и, как мне казалось, уже и не будет. Она оставила ему после себя лишь рваную рану в сердце, которую он не мог залечить до сих пор. И после её поступка, похоже, в нём что-то надломилось. И, как мне кажется, теперь он стал цинично относиться и к чувствам, и к любви в целом.

Мы часто гуляли с ним вместе, выручали друг друга из разных ситуаций. Он сидел с моим сыном, когда мне нужно было отлучиться из дома. Ребенок с детства в нём души не чаял. Я же помогала Ветру, отвечала на звонки, отшивая особо назойливых его девушек, представляясь его женой. Мы готовили по очереди, забирали почту друг друга и просто жили одной семьёй. Могли часами обсуждать разнообразные темы, вступать друг с другом в спор, слегка повышая голос, и просто сидеть молча, думая каждый о своём. Нам было комфортно вместе, спокойно и гармонично. Мы оба ценили такую дружбу, и никто из нас не переступал черту, разграничивающую дружбу от чего-то большего.

Ветер всё ещё ожидал ответа на свои вопросы. Он испытующе смотрел на меня. А я не знала, что ему сказать. Ну что тут ответить на его вопрос всё ли у меня в порядке и что со мной творится. Это долгий и очень неприятный для меня разговор. Возможно, если бы я с ним поделилась своей постыдной тайной, мне бы стало легче. Но на это нужно решиться. Я пока не готова это сделать. Но и молчать в ответ на его вопросы я тоже не могу. Так, что он ещё говорил? Я прокрутила наш разговор у себя в голове. Он говорил о счастье и что всё в наших руках, мы можем всё изменить. Да, это более безопасная тема. — решила я. — Ты наверняка прав, но что я могу поделать, если я не ощущаю себя счастливой. Да что уж там, я не ощущаю себя полноценной!

— Что ты имеешь в виду? — легкая улыбка тронула губы Ветра.

— Вот ты зря улыбаешься. Это грустная история. — я не сдержалась и тоже улыбнулась. Уж слишком трагично и пафосно звучали мои слова о неполноценности. При том, что руки и ноги были при мне. — Пойми правильно то, что я скажу сейчас. Я часто вижу на улице счастливые парочки. Они целуются, либо идут, держась за руки, и мне становится так тоскливо. Ты не подумай, я рада за людей, за то, что у них есть чувства и всё такое. Но я ощущаю себя в это время за бортом жизни. У меня так не будет. Вот что я думаю, когда вижу

это. Я перестала смотреть мелодрамы по этой причине. Когда я вижу чьё-то счастье, я отчетливее ощущаю собственное несчастье. И то, что я сейчас это озвучиваю тебе, меня немного удручает. Стыдно признаваться в собственной зависти.

— Ты человек, не забывай это. Ты можешь испытывать негативные эмоции, можешь завидовать и злиться. Это нормально. Ты просто человек. Хорошо, что ты проговариваешь это.

— Есть ещё кое-что. Что-то, что я пока не могу озвучить тебе. Придёт время, и я поделюсь с тобой. Это что-то даёт мне ощутить себя на короткий миг счастливой. Но когда это заканчивается, наступает ещё большее разочарование, чем если бы и не было вовсе этого кратковременного счастья.

— Ты меня заинтриговала на самом деле. — Ветер задумчиво вертел в руках пустую кофейную чашку. На город опускались сумерки. Мы не включали свет, оттого хотелось откровений. Я была близка к тому, чтобы поделиться с моим другом тем, что в моей жизни появился мужчина, делающий меня наконец-то счастливее и живее. Но я боялась раскрыться, боялась, что он не поймет меня и осудит. Я сама, наверное, себя бы осудила, но старалась изо всех сил не думать о том, насколько ужасно поступаю по отношению к мужу. И потому я молчала, а Ветер не настаивал и не давил на меня, за что я была ему безмерно благодарна. Я посмотрела на часы, ещё немного, и муж с сыном вернутся домой.

— Да ну, какие интриги. Просто пока не готова обо всем рассказать. Мне нужно разобраться в себе. Тебе сварить ещё кофе? — я встала, пошла к плите и включила подсветку на кухонном гарнитуре. Мрак отполз и спрятался по углам комнаты.

— Да, пожалуйста. Ты не думала от него уйти? — Ветер не поднимал глаз от маленькой чашки кофе в руках.

— Ох, вот уж не ожидала сегодня такого вопроса. — я пыталась засмеяться, но получился сдавленный, неестественный смех. Я продолжала заниматься кофе. Когда мы были в Турции с моим Морем, в тот самый месяц, когда мы стали так близки, я полюбила кофе. Мы пили его часто, то в кафе, то варили сами на нашей маленькой кухне в съёмной квартире на берегу Средиземного моря. И это так отпечаталось в моей памяти, что я до сих пор, когда пью кофе уже в городе Непогод, на душе становится так тепло и приятно. Словно прямо сейчас, обернувшись, я увижу за столом моего любимого мужчину. Но, обернувшись, я увидела затылок Ветра. Его спина была очень напряжена, и я понимала, что он терпеливо ждёт ответ. — Я думала об этом, очень часто думала. — поставила чашку с дымящимся ароматным кофе на стол перед другом, присела напротив него. — Но каждый раз, когда я об этом думала, перед моими глазами возникал образ сына. Я понимала, что он не поймет меня, когда вырастет. Мне будет трудно объяснить ребенку, что нам с ним гораздо лучше будет вдали от его отца, к которому он привязан. Ты же знаешь график работы моего супруга. Две недели он в командировках, две недели дома. И когда он дома, они неплохо общаются с сыном. Не хочу из-за своих внутренних терзаний лишать его этого.

— Ты думаешь, не заметно, что ты несчастна? Когда ребенок был младше и требовал твоего постоянного внимания, ты, растворяясь в заботах о нём, не задумывалась о собственном счастье. Теперь же, когда он стал старше и у тебя освободилось время для того, чтобы подумать о своей жизни, ты не выглядишь радостно или хотя бы удовлетворённо. Ты последнее время вообще мысленно будто не здесь.

— А я и не здесь. — честно ответила я. Послышался звук открывающегося замка из коридора, и следом, через минуту, едва сбросив свои ботинки, вбежал в кухню сын. Увидев

Ветра, он кинулся сразу к нему и обвил шею своими маленькими ручонками. Тот обнял его и посадил себе на колени.

— Как твои дела, наследник престола? — Ветер взъерошил волосы ребенка. Мне всегда нравилось, что они легко находят общий язык.

— Я был в саду, а потом папа отвёз меня есть сладкую вату в торговом центре. — радостно заявил ребенок.

— А маму целовать уже не надо? — я шутливо прищурилась, сделав вид, что собираюсь обидеться. В этот момент муж зашёл в кухню, поздоровался с Ветром и тут же ушёл в ванную.

— Ой! — сын спрыгнул с коленей Ветра и в два шага преодолел расстояние до моего стула, обнял меня и звонко чмокнул в щеку. — Мама, мы все вместе будем ужинать?

— Нет, я пойду к себе. Мне нужно ещё много дел переделать, а вы ужинайте. — Ветер встал из-за стола и, строго посмотрев на меня, сказал одними губами — Мы не закончили. — и удалился через балконную дверь.

— Он не станет ужинать с нами? — муж уже переодевшись и вымыв руки зашёл в комнату.

— Нет. — я понимала, что слишком сухо ему отвечаю, но не могла с собой ничего поделать.

— Если хочешь, завтра я могу после работы забрать тебя, и мы втроём поедem в торговый центр, проведём время вместе? — я осознаю, что муж ни в чём не виноват. Он, напротив, является жертвой обстоятельств, и я должна во что бы то ни стало стараться сделать его жизнь не такой ужасной. Раз уж я не могу изменить того, что люблю другого мужчину, я могу хотя бы общаться с мужем так, как он заслуживает.

— Да, конечно, дорогой. — он удивлённо поднял брови, не ожидая ласкового обращения к себе, но промолчал.

Утром я проснулась от того, что солнечный луч нашёл щель между занавесками и аккуратно светил в левый глаз. Я с головой укрылась одеялом, полежала немного и поняла, что уже не могу уснуть. Высунув нос из-под одеяла, я взглянула на часы. До будильника оставалось пару минут. Нужно уже вставать, ребёнка вести в детский сад. За две недели первый раз вышло утром солнце, недаром мы живём в городе Непогод. И как же я люблю дни, когда всё же солнце появляется на небосводе. Настроение поднимается вмиг. Я встала, вышла из комнаты, заглянула в детскую. Сын всё ещё сладко спал, и я решила, что ещё не буду его будить. Оставлю себе немного времени, чтобы сварить и выпить кофе. Зайдя в кухню-гостиную, машинально отметила, что муж уже встал и ушёл на работу. Диван, на котором он последние годы спал, был собран. Постельное бельё и одеяло с подушкой было уложено на нём же стопкой. Я подошла к плите, взяла турку, засыпала туда ароматный молотый кофе, залила воды и поставила на плиту. Рассеяно вспоминая, почему муж стал спать на диване. Насколько я помнила, это произошло пару лет назад. Я часто жаловалась на то, что он храпит, и он принял решение уйти на диван. Тем более, что у нас были разные привычки, и он любил засыпать под звук телевизора, а у меня всегда были проблемы со сном, и я просто не могла так уснуть. Думаю, это как нельзя лучше характеризовало нашу семейную жизнь с ним. Мы спим в разных комнатах, практически не общаемся из-за того, что его практически никогда не бывает дома. Да и в целом у нас разные интересы. Да, что-то невесёлые мысли у меня с утра, я усмехнулась, наливая кофе в чашку.

— С чего смеёшься? — голос Ветра так меня напугал, что я вскрикнула и дёрнула

рукой. Горячий кофе пролился и обжёг её. — Ну, ты чего? Испугалась? Больно? — он подошёл ко мне, посмотрел на ладонь. Пальцы и часть ладони уже покраснели и наверняка покроются вскоре волдырями.

— Ты что, прятался, чтобы меня напугать? — я недовольно смотрела на свою рану.

— Ну конечно, я там всю ночь стоял, ждал, когда же ты выйдешь. — он подул на пальцы и, взяв меня за локоть, подвёл к раковине. Включил кран. — Сейчас будет чуть легче. — подставил мою обожжённую ладонь под струю прохладной воды. — Я не думал, что ты так испугаешься, прости меня. Я знаю во сколько ты встаёшь и решил зайти поздороваться.

— Да ничего, я просто была вся в своих мыслях и совсем тебя не слышала.

— Ну как, ещё болит? — он вытащил мою руку из-под воды, осмотрел её и снова подставил под струю воды. — Не так всё страшно, как я боялся, даже волдырей не будет.

— Ты сегодня дома? — я выключила кран, убедилась, что с рукой всё нормально, вытерла пролитый кофе на стол.

— Да, у меня законный выходной, в который я, как всегда, поеду на работу. Мы близки к открытию, через пару недель запускаем ресторан. — Ветер присел на стул, вытянул ноги. Он уже несколько лет трудится шеф-поваром то в одном ресторане, то в другом. И вот наконец-то ему подвернулся хороший проект с интересной для него концепцией, и его наняли для нового модного ресторана. Он горел этим делом и всё своё время проводил теперь на работе. Всё там требовало его присутствия. А мне так нравилось, что он увлечён этим, что у него горят глаза. — Вот сейчас вы соберетесь, я закину вас с малышом в сад, дождусь тебя. Мы съездим на мою работу, и я привезу тебя домой. Как тебе такой план? — он выглядел очень довольным, и я не смогла сдержать улыбку, но, поднеся к губам чашку кофе, я постаралась её спрятать.

— Думаю, что твой план не так плох, как твоя рубашка. — тут уже не могла скрываться больше и засмеялась, потому что у Ветра было такое удивлённое и потерянное лицо от моих слов. — Я шучу, всё с твоей рубашкой нормально, кроме цвета. — заверила я его. И пошла собираться, оставив его с этим в одиночестве.

Через сорок минут мы втроём уже ехали в машине по пути в детский сад. Солнце по-прежнему ярко светило, и на душе от этого было так радостно, что я всю дорогу довольно улыбалась.

— Хочешь, вместе отведём его в группу? — Ветер припарковался возле ворот. Он не в первый раз нас с сыном привозит в сад, и мы даже вместе отводили его в группу. Потому я и сейчас согласилась, вместе веселее. Да и ребенок рассказывал Ветру, как они вчера с отцом ходили в торговый центр и что они там делали. И судя по рассказу, там до логической развязки было далеко. Я так рада была, что он пошёл с нами. Мне с ним всегда было невероятно легко. Солнце ярко светило, белые кучевые облака то тут, то там появлялись на небосводе, изредка прикрывая солнце и нагоняя тень на город. Настроение от такой солнечной погоды было непривычно приподнятым. Мы отвели ребёнка в группу, передали его воспитательнице и, весело болтая, пошли к машине. Спустя пять минут мы отъехали от детского сада в сторону центра, где скоро откроется новый ресторан. А вечером меня ждёт вечер в кругу семьи, где я буду очень стараться показать мужу всё своё доброе отношение.

Мы подъехали к роскошному ресторану в самом центре города Непогод. Ветер припарковался и помог мне выйти из машины. Меня это всегда в нём умиляло. Это было так старомодно, но одновременно выделяло его среди большинства мужчин. Вздых восхищения сорвался с моих губ, когда я рассмотрела здание, в котором вскоре откроется ресторан, где

Ветер будет шеф-поваром. Здание было современным, но построенным в античном стиле. Фасад был выполнен под мрамор с колоннами над центральным входом.

— Здание удивительной красоты. — я одобрительно подняла палец вверх.

— Да, мне тоже очень нравится место, где будет ресторан. — Ветер взял меня под руку и повёл к величественному входу.

— О, здесь так красиво! — воскликнула я, когда мы вошли через высокие двери будущего ресторана. Я с нескрываемым восхищением смотрела на его интерьер. Все было сделано со вкусом. Ещё оставались кое-какие недоработки, где-то не хватало светильников, где-то из стены торчали провода, но в целом уже сейчас мне нравилось то, что из себя будет представлять ресторан.

— Нравится? — было видно, как Ветру приятна моя похвала.

— Спрашиваешь! Конечно, нравится! — я осматривалась внутри с любопытством ребёнка.

— Пойдем, я покажу тебе самое главное, сердце этого места — кухню. — мы прошли мимо рабочих, которые устанавливали столешницу на барную стойку. Молоденькая славная девушка подошла к нам с какими-то бумагами, обратилась к Ветру, и в её взгляде, обращённом на него, я увидела восхищение и безмерную симпатию. Он отдал какие-то указания, и мы пошли вглубь ресторана.

— Ты ей нравишься. Она так на тебя смотрела, словно хотела съесть. — я усмехнулась, одновременно обходя кучу строительного мусора вслед за ним.

— Ой, не выдумывай. — отмахнулся он. А ведь он и вправду даже не обратил на это внимания и даже не замечает, как на него с восхищением смотрит девчонка. Скромность Ветра поражала. Мы зашли в кухню, и я потеряла дар речи. Если в основном зале были видны какие-то недоработки, то здесь всё словно сошло со страниц глянцевого журнала. Казалось, она даже сияла. Новая техника, новые разделочные столы. Светлый пол, стены, я осматривала всё с неподдельным интересом. И мне нравилось то, что я видела.

— Как же всё здорово вы здесь сделали! Я в восторге! Какое будет удовольствие работать поварам на этой кухне! Уверена, что ресторан будет пользоваться популярностью и произведет фурор! — я провела ладонью по новенькой столешнице.

— Я рад, что ты оценила. Мне хотелось тебе всё показать до открытия, на которое я официально тебя приглашаю. Ну и, конечно, твоего мужа тоже. — поспешно добавил он. — Я сейчас отлучусь на несколько минут, и мы можем ехать. Если ты не против, пока такая чудесная погода, давай прогуляемся вдоль канала. Не так часто мы с тобой вместе выбираемся куда-то.

— Я с удовольствием пройду с тобой. — расплылась я в улыбке.

— Отлично. — Ветер улыбнулся в ответ и удалился, оставив меня наедине с помпезностью новой кухни.

— Ты думала, что я забыл, о чем мы с тобой вчера разговаривали? — Мы вышли из ресторана и пошли в сторону канала Грибоедова. Я держала его под руку, и, хотя солнце уже практически не грело, оно всё так же ярко светило, несмотря на осень. Я щурилась от него, жалея, что забыла солнцезащитные очки дома.

— Ну вот, всё же было так хорошо. Но нет же, тебе обязательно надо испортить моё хорошее настроение. — я вздохнула. — Может, не будем об этом разговаривать? — умоляюще попросила я.

— Если настолько тебе эта тема неприятна, то, конечно, не будем об этом

разговаривать. — его голос звучал ровно, но я всё же посмотрела на него снизу-вверх, пытаюсь понять, обиделся он или нет.

— Ну хорошо, давай поговорим. — сдалась я.

— Спасибо. — также ровно ответил он, не глядя на меня. — Мне не нравится то, что ты выглядишь несчастной. Тебя обижает муж? — я почувствовала, как напряглись мускулы его руки под моей рукой.

— Нет! Ты что?! Он не обижает меня, ты же знаешь, он очень спокойный человек, он не кричит никогда, не пьёт, не бьёт. — я нервно засмеялась.

— Ты же знаешь, что можешь всегда ко мне обратиться в случае чего? — продолжал Ветер, не глядя на меня. Но я ощущала, что он напряжен.

— Конечно. Но он не обижает меня, тут уж скорее я его обижаю. — тихо добавила я.

— Что ты имеешь ввиду, Лучик? — он остановился и пристально посмотрел на меня. Он звал меня ласково лучиком едва ли не с момента знакомства. Говорил, что я как лучик света для него. Меня это умиляло, и я не была против этого прозвища.

— Я пока не готова тебе рассказать всё. Дело не в тебе. — поспешно добавила я. — Просто хочу разобраться в себе и набраться моральных сил, чтобы открыть эту страшную для меня тайну. — он всё ещё стоял среди тротуара и смотрел на меня изучающе. Мимо сновали люди, обходя нас.

— Хорошо. Я всегда рядом, помни это. И готов тебе помочь в любое время дня и ночи, ты же знаешь. — он взял мою ладонь и положил на свою согнутую в локте руку. Мы продолжили гулять дальше, говоря уже о чём-то не столь остром для обоих. Но на душе у меня отчего-то стало так спокойно. Я увидела то, что Ветер беспокоится обо мне. Почувствовала его поддержку. И хоть мне всё ещё было страшно ему признаваться в совершённых грехах, я осознала, что он будет изо всех сил стараться меня понять.

Глава III. Знакомство с Мужем

На город опустились сумерки.

Я забрала сына из детского сада и теперь ожидала, когда приедет муж с работы. Он предложил вчера провести время вместе в торговом центре. И сегодня я гадала, отчего он это сделал. Мы в последний раз вместе ездили только к моим родителям. И я не могу припомнить, когда мы выбирались куда-то ещё втроём. Я надела красное платье в мелкий горошек, заплела волосы в косу. Умыла сына и передела его в праздничный комбинезон. С минуты на минуту должен приехать супруг. Можно ли расценивать его предложение как желание наладить наши отношения? Не знаю, возможно. Но я должна сегодня постараться ради нашей семьи, ради сына. Я буду с ним предельно вежлива и открыта. Он заслуживает лучшую жену, чем я. Мне тяжело стало с ним общаться. Совесть сдавливает моё измученное сердце. Я пребываю всё время в состоянии стресса. С одной стороны, я безумно боюсь того, что он узнает обо мне с Морем. С другой стороны, я в тайне жажду этого. Потому как на моих плечах угнездилась такая тяжёлая ноша, что я не в силах её уже выносить. Как другие люди изменяют? Что они при этом ощущают? Мучаются они, как я или для них это как сходить в магазин? Я невыносимо устала от этой вереницы лжи, в которой живу. В которой запуталась уже как в липкой паутине.

Телефон снова зазвонил, прервав мои размышления. Я ответила на звонок. Муж сказал, что уже ожидает нас возле парадной. Надев куртку на сына, набросив на свои плечи плащ, я последний раз взглянула на себя в зеркало. По моему внешнему виду не скажешь, что внутри меня звенят осколки души, что совесть сковала сердце, и я ежесекундно ощущаю тревогу.

Мы с сыном вышли из квартиры, спустились по лестнице вниз и, выйдя из парадной в осеннюю прохладу, сели в машину.

Муж молча вёл автомобиль, даже не взглянув на меня, когда я села внутрь. Что и говорить, он никак не отреагировал, когда сын, сидя в детском кресле, стал ему рассказывать, как провёл день в детском саду. Супруг как таксист довез нас до торгового центра. Мы вышли из машины и пошли ко входу.

Торговый центр был полон людей. Нам приходилось часто останавливаться, пропуская людей с тележками, пакетами. Шум стоял, как на привокзальной площади. Мы дошли до большой игровой площадки. Молодая девушка увела нашего сына с собой, а это значит, что у нас появилось немного свободного времени, чтобы побыть наедине.

Мы нашли кафе, из которого видно было всю игровую площадку и можно было наблюдать за ребенком. Заказали кофе, есть обоим не хотелось. Муж достал телефон и уставился в экран, ожидая заказ. Я не знала, с чего начать разговор. Но и сюда мы приехали не для того, чтобы ребенок поиграл на площадке.

— Как день прошёл? — я улыбнулась мужу, который оторвал взгляд от телефона и вопросительно посмотрел на меня.

— Нормально. Работал много. — и снова отвел взгляд от меня.

— Ты так много работаешь, опять же постоянно не бываешь дома, ездешь в командировки каждый месяц на две недели. Может тебе нужно сменить работу или перейти на должность попроще? — я заполняла пустоту в нашем разговоре.

— Нет. Эта работа приносит нам деньги. И меня на работе уважают, другой не справится с этой должностью. — он отложил телефон, когда официант принёс нам кофе.

— Но ты же справляешься с ней, почему другой не сможет? Мы совсем не видимся, ты не бываешь дома.

— Вопрос решённый. Оставим этот разговор. — холодно ответил он.

— Хорошо. — я едва не плакала, не понимая, зачем он предложил совместный отдых, если всё равно общаться не планировал? — у сына в детском саду собрание на этой неделе. — я снова предприняла попытку завести разговор, но уже на более безопасную тему.

— Ты же сходишь сама? Я это не очень люблю. — он огляделся.

— Ты думаешь, я люблю ходить на собрания? — я чувствовала, что начинаю закипать.

— Я думал, тебе это нравится. Ты никогда не жаловалась. — ответил он.

— Кого ты высматриваешь? — не выдержала я. — Как мы приехали, так твоя голова крутится туда-сюда!

— Никого. Просто смотрю. Мне что, уже по сторонам смотреть нельзя? Или я должен смотреть только прямо?

— Нет. Не должен. — я почувствовала, что еще немного и я взорвусь. Надо сменить тему, иначе вместо того, чтобы наладить общение, мы только поругаемся. — У Ветра открытие ресторана выпадет на время, когда ты будешь в городе. Ты пойдешь? — я допила кофе и уже мечтала о том, чтобы мы уехали домой. Вечер явно не задался.

— Я не знаю, ближе к открытию спроси меня. Как можно соглашаться на что-то настолько заранее? — он пожал плечами, взял телефон в руки и снова замолчал надолго. Прошло минут двадцать, проведенных в молчании, не выдержав, я попросила официанта рассчитать нас. Муж не протестовал. Через десять минут мы забрали ребёнка с игровой площадки и направились к выходу. Я была в полнейшем замешательстве. Лавируя между людьми, я размышляла о том, что совершенно не понимаю собственного супруга. Для чего он вчера предложил нам провести вместе вечер, если я сегодня из него выдавливала ответы на свои вопросы? Может быть, вчера он предложил это из вежливости, не ожидая, что я соглашусь? Все мои планы быть нежной и ласковой женой разбились о холодную стену, которой себя окружил муж.

Прошло три недели с нашей вылазки с мужем в торговый центр. Отношения ни на миллиметр не продвинулись в лучшую сторону. Я старалась быть к супругу внимательнее, в ответ встречала всё тот же ровный бесцветный взгляд и тон.

— Ты завтра пойдешь со мной на открытие ресторана? — Я стояла у открытого шкафа и выбирала, что же мне надеть завтра. Муж в это время лежал в кровати и смотрел телевизор. Сын играл рядом на полу. Ответом мне было молчание. Я обернулась на мужа. Он, не отрываясь, смотрел в экран. Волна гнева начала подниматься во мне. Была у него одна особенность, которая выводила меня из себя. Он никогда не вникал в то, что смотрел по телевизору. Это был для него своего рода белый шум. Но при этом телевизор работал очень громко, и муж игнорировал все, что происходило вокруг. — Ау, ты идешь на открытие?

— Я не знаю еще, не хотел вообще идти. Да и с кем ребенка оставить? — наконец последовал ответ.

— Я договорилась, родители завтра заедут и заберут его. Если хочешь, пойдём вместе. Там так красиво в этом ресторане, тебе должно понравиться. — Я выбрала платье, в котором пойду завтра, и довольная закрыла шкаф.

— Ты же знаешь, что мне это не интересно. — он продолжал лежать и смотреть какую-то нудную передачу. «А что тебе интересно? Одно большое ничего»? — хотела я спросить, но не стала нагнетать. За эти годы скопилось столько невысказанных претензий, что стало

все труднее сдерживаться в подобные моменты. Ему всегда все было неинтересно. Совместные мероприятия, дни рождения наших друзей и родных, куда нам ехать в отпуск, чего не коснись, ему все было неинтересно. И если он и бывал где-то со мной, то его как будто насильно туда приводили. Везде он был с несчастным видом, ни с кем не общался и в основном сидел в телефоне. Это меня сначала расстраивало, потом стало выводить из себя. Не желая с ним ругаться, я просто перестала с ним посещать какие-то мероприятия и уже давно отпуска мы проводим врозь.

В другой комнате зазвонил мой телефон. Я пошла на его звук. На дисплее высвечивался номер Моря. Я не записывала его в контакты, помня наизусть все цифры. Закрыв дверь в гостиную, я ответила на звонок. Мы сейчас стали реже общаться. Он был в бесконечных разъездах по работе. Когда звонил он, я не могла с ним говорить. А когда я звонила, ему было неудобно разговаривать.

— Алло, мышка? — его голос медом растекся по моей душе.

— Да, это я. Как ты? Где ты сейчас?

— Я вернулся в город вчера. Хочу тебя увидеть, очень соскучился. — в груди ёкнуло, и в горле не проглатывался ком. Я тоже по нему скучала. Мы так давно не виделись с ним, что я уже не могла вспомнить, когда это было в последний раз.

— Я завтра буду на открытии ресторана в центре. Если хочешь, можем увидаться там. — Я услышала себя словно со стороны. Ну и зачем я предложила встретиться на открытии ресторана Ветра? Совсем забыла, что только что звала туда мужа.

— Скинь мне адрес, я приеду. В восемь вечера найду тебя там. Мне надо бежать, целую. — и он положил трубку. Я стояла посреди гостиной и невидящим взглядом смотрела в окно, за которым кружились в танце первые снежинки. Я пыталась понять себя и свои чувства. Я так рада была слышать его голос. Но всё равно не могла отделаться от мыслей, что я совершаю ошибку, и ощущала полную разрозненность в душе.

Я не понимала себя, запуталась в этом клубке эмоций и чувств. И совсем не узнавала себя, кто я, изменщица, жена, мать, любовница, обманщица? Или просто женщина, отчаянно мечтающая о том, чтобы меня любили. Чтобы любили так, как никого и никогда, и чтобы это было непременно взаимно.

У меня был законный супруг. Любил ли он меня? Думаю, что по-своему любил. Какой-то своей тихой и бесцветной любовью. Он не говорил слов любви, нежных слов от него дожидаться было сложнее, чем снега в мае. Где бы мы ни были, он держался немного поодаль, не брал за руку, не выражал эмоций. Он был таким всегда. Я после эмоционально тяжелых первых отношений сначала даже рада была, что теперь рядом со мной человек, который практически не выражает свои эмоции, не кричит, не выводит на скандал. Но шли годы, и его безэмоциональность становилась все более раздражающей и гнетущей. Я пыталась ему говорить о своих ожиданиях, что мне хотелось бы больше теплых слов. Просила обнять меня, но спустя пару вымученных раз все становилось на круги своя. Он был таким не только со мной, но и с нашим сыном. Порой мне казалось, что он и не любит вовсе. Будто он жил по заранее придуманному плану. Встречались год, далее он сделал предложение, женились. Через два года появился сын. Он не говорил, что хочет ребенка. Он всегда говорил, что нам уже пора завести детей. Пора. Кто придумал то, что человеку нужно делать все по времени? И почему всем непременно нужно жениться и рожать детей в определенные временные рамки? Женился он в тридцать пять лет, потому что уже было пора. Ребенок появился тоже, потому что нужен был наследник. словно это не от любви все,

а потому, что так положено. Я в первые годы семейной жизни очень старалась угодить ему, хотела, чтобы наша семья была образцовой. Спустя годы я понимаю, что для окружающих наша семья таковой и являлась. Но вот чувств в этой семье не было. Был один лишь фасад, а за ним ничего. Завидовала ли я женщинам, чьи мужчины целуют их при встрече? Да. Хотелось ли мне ощущать себя любимой и желанной? Да. Желала бы я, чтобы мой муж восторженно смотрел на меня? Безусловно. Но рядом со мной был словно манекен. Я устала быть одинокой рядом со своим мужем. Для него счастливый брак — это два человека, мирно сосуществующих на одной жилплощади, не более того. Романтика, нежность — это не про него. Скорее практичность, удобство. Мне кажется, для нас любовь означала совершенно разные вещи. И то, что для него любовь равнялась удобству нахождения друг с другом, для меня было особенно печальным.

Я мирилась с этим очень долго, слишком долго. Настолько, что уже почти смирилась с тем, что до конца дней не испытаю сладкого чувства любви. Задавалась ли я вопросом, для чего я терплю такие отношения и стоит ли уйти от него? Ответ на эти вопросы находился сразу, стоило взглянуть на нашего сына. Я не хотела, чтобы мой ребёнок в будущем затаил обиду на меня. Ведь именно я готова была разрушить брак с его отцом из-за собственной неудовлетворенности. И потому я годами существовала, а не жила. Я потеряла надежду изменить своего супруга, но и уйти от него не могла. Это был тупик. Я понимала, что мы можем превратиться в ту самую семью, где ждут, когда ребенок вырастет, чтобы развестись, не нанося психологических травм на неокрепшую детскую психику. Я была заложницей в собственной семье. А еще я годами несла это всё в себе. Родителям я не могла рассказать, что хочу развестись со своим супругом, потому как они были консерваторами. Для них брак — это когда один раз и навсегда. И поддержки и помощи в этом вопросе я бы не получила. Единственная подруга много лет назад вышла замуж и переехала жить в другую страну. И общение с ней постепенно прекратилось. Ветру я тоже не могла рассказать о своем несчастливом браке. Боялась, что он станет осуждать меня, испытывая к моему супругу мужскую солидарность.

Но нести это бремя одной было невыносимо тяжело. Я не чувствовала вкуса жизни, и моё будущее представлялось мне очень печальным. Именно в этот момент, когда я совсем отчаялась, в мою жизнь ворвался Он. Человек, рядом с которым я ощутила саму жизнь, будто я пробудилась ото сна. Любовь оглушила нас, пришла неожиданно и осталась жить в наших сердцах. Я не гнала ее, потому что очень долго ждала это чувство. Как обезвоженный путник, я припала к этому живительному источнику и не могла напиться. Моя жизнь стала более запутанной, но в ней появился смысл. Сначала я наслаждалась тем, что любовь поглотила меня, окутала и пропитала, как сухой корж. Но вскоре мне становилось мало моего Моря, мне хотелось чаще и дольше видеться. Ночами, лежа в постели, я грезилась, как разведусь с амёбным мужем, заберу сына и уйду в закат вместе с моей любовью. Но спустя мгновение я понимала, что это лишь мечты. Стоило более реально посмотреть на ситуацию, и мне становилось жалко супруга. Я понимала, что сын будет расти без отца, да и в конце концов, что Море не бросит жену и детей, я тоже понимала. Я запугалась. Окончательно и безоговорочно.

Спустя пару часов мы собрались всей семьёй за столом, чего не было очень давно. Мы перестали вместе есть после рождения ребенка. Точнее со времен, когда он научился ползать, а потом и ходить. Он был очень активным малышом, и полноценно поесть у меня просто не получалось. Я обедала и ужинала обычно стоя, всегда готовая подхватить,

удержать, защитить малыша. Ребенок подрос, а желание есть всем вместе уже не возникало. После разговора с Морем я чувствовала свою вину перед супругом, потому решила, почему бы нам в коем-то веке не поужинать вместе.

Пока наш сын увлеченно рассказывал нам, чем он завтра будет заниматься у бабушки с дедушкой, я внимательно посмотрела на мужа. Он осунулся и явно потерял пару килограмм. Ему это совсем не шло. Муж был человеком худосочным, и каждый потерянный им килограмм был очень невыгодно заметен на его фигуре. Черные волосы отрасли и были спутаны. Ему явно необходимо было постричься. Я давно не смотрела на него пристально. Последние месяцы я его вовсе не замечала. При своем высоком росте в метр девяносто он сутулился, имея комплекс с юности. Я рассматривала своего мужа, не боясь быть обнаруженной. Если я на него не смотрела в упор несколько месяцев, то он уже больше пяти лет не замечал никаких изменений во мне. Я меняла прически, цвет волос, наряды. Ему словно не было до этого дела. И когда я спрашивала, нравится ли ему моя новая прическа, он отвечал неизменно «да» даже не смотря на эту самую прическу. Я сначала обижалась, говорила ему, что мне хочется видеть его интерес ко мне и слышать от него комплименты. Но в ответ слышала лишь одно, что мне всегда все идет и он все замечает. Сейчас же я задумалась, а было ли когда-нибудь иначе? Проявлял ли он эмоции и интерес ко мне хотя бы в начале отношений? И поняла, что не особенно. Резонный вопрос: почему я, видя, какой он безэмоциональный, не рассталась с ним на начальном этапе отношений. На это ответить можно так: кто хоть раз был в нездоровых, высасывающих душу отношениях, когда каждый день были эмоциональные качели, тот оценит тихую гавань, которая была как глоток свежего воздуха. Но спустя время эта тихая гавань стала напоминать дешевую театральную постановку. Где моя задача была сосуществовать на одной жилплощади с человеком, который меня не замечал и не слышал вовсе. Я устала от того, что он всегда был словно равнодушен ко всему. Было ощущение, что его уже ничего не может удивить и тем более поразить. Как будто он проживал эту жизнь уже много сотен лет подряд. За все годы наших отношений было два события, вызвавшие эмоции у моего мужа. Это день нашей свадьбы и рождение малыша. Все. В остальное время он одинаково безэмоциональный. Раньше это злило и хотелось его встряхнуть, чтобы он проявил хоть какие-то эмоции. Но сейчас мне даже на руку его спокойный нрав.

— Я на следующей неделе уезжаю в командировку, меня не будет две недели. Справишься здесь без меня? — муж сидел напротив меня и с удовольствием поглощал ужин, не отрывая глаз от тарелки. Я всегда удивлялась его аппетиту, при своей худобе он очень много ел.

— Ну конечно, как и всегда. — я не понимала, почему он спрашивает меня об этом. За годы совместной жизни я привыкла в одиночку справляться со всем. Он всегда был в командировках. Он работал в головном офисе крупной фирмы, и ему приходилось ездить по филиалам с проверками, а я в это время оставалась одна с маленьким ребенком. В месяц стабильно две недели он был в командировке. Даже когда он был в городе, возвращался всегда поздно. И все бытовые трудности лежали на мне. Будь то поломанная стиральная машина и поиски человека, который мог бы ее починить. Будь то платежи за коммуналку или сбор документов для приема ребенка в сад. Собственно, что касалось ребенка, по умолчанию лежало на моих плечах.

— Как у тебя дела на работе? — неожиданный интерес к моей жизни вызвал моё легкое недоумение. Я удивленно посмотрела на мужа, но он по-прежнему не отрывал взгляда от

тарелки. Ага, как обычно. Мне кажется, я могу корчить ему рожицы, размазать по лицу шоколад, и он этого не заметит, ибо совсем не смотрит на меня.

— Да ничего, все хорошо. — бесцветно ответила я.

— Ну и отлично. — все, интерес к моей работе у него пропал.

— Так в итоге ты пойдешь завтра со мной на открытие ресторана? — я встала, собрала тарелки со стола, загрузила их в посудомоечную машину, обернулась на мужа, напряженно ожидая ответа.

— Так и быть. Пойду. Ты же хотела, чтобы я пошел. Я думаю, что выдержу эту вечеринку. — Ну почему именно сегодня он решил прислушаться к моей просьбе?! Как было бы просто, если бы он, как всегда, отказался со мной идти. И я бы спокойно встретила завтра с Морем в ресторане Ветра. Но начать его переубеждать туда идти будет слишком подозрительно. Я решила раньше времени не расстраиваться. До завтрашнего дня все может измениться, и он, вполне возможно, передумает ехать со мной.

Утром к нам приехали мои родители. Они очень часто брали внука к себе погостить. Порой я просила их об этом, а еще чаще они сами настаивали на том, чтобы мы привезли ребенка к ним. Они трепетно и беззаветно любили нашего сына, нередко обижались на меня, когда мы неделями не приезжали к ним в гости. Вот и сегодня они первым делом затискали внука, а потом уже поздоровались со мной. Но я была очень рада тому, как мои родители любят моего сына. Это была отрада для материнских глаз.

— Ты ешь хоть что-нибудь? Снова похудела сильно. — мама дотронулась до моих щек. — Куда они делись?

— Ну да, ем, а как же, почему нет? — тихо промычала я. В последнее время у меня совсем не было аппетита. Я вчера заметила, что супруг похудел, но, похоже, это и меня коснулось.

— Тебе не идет излишняя худоба, сегодня в ресторане поешь за троих. — пошутила мама и пошла на кухню.

— Па, ма, хотите кофе? У меня есть вкусные пирожные, Ветер принес вчера.

— О, пирожные, это я люблю. — папа удобно устроился на кухонном диване, улыбаясь, ожидая угощения. Папа у меня любитель всего вкусного, а я и рада, что могу отдать им пирожные, которые я не ем. Я, если честно, последнее время совсем не ем. Слишком много мыслей, слишком много переживаний и о том чтобы поесть я просто забываю.

— А где твой муж? — папа поглощал пирожные с таким удовольствием, что я даже улыбнулась.

— Спит еще, сегодня у него выходной. — равнодушно ответила я.

— Ну надо же ему когда-то отдыхать, а то он все время пропадает на работе. — мама отказалась от пирожных.

— И не говори. Но он старается нас обеспечить. — я не хотела обсуждать мужа. Вот просто не хотела и всё тут. — Я завтра заеду к вам, заберу сына. Спасибо, что согласились взять его к себе. — я действительно была благодарна своим родителям за то, что они всегда меня выручали и продолжают это делать. Я всегда знаю, что могу на них положиться. Это дорогого стоит.

— Ты что, это нам только в радость, когда в доме звучит детский смех, дом не кажется пустым. — мама улыбнулась широко, когда в комнату забежал ее внук с наполовину надетыми штанами. Я помогла ему одеться, поцеловала в ароматную щеку, поблагодарила еще раз родителей и закрыла за ними дверь.

В это время в коридоре появился супруг. Не глядя на меня, он бросил через плечо:

— Родители приезжали?

— Да. Уже уехали.

— Угу.

— Ты не передумал ехать в ресторан? — всё ещё моя надежда теплилась, что он откажется.

— Нет, я поеду. — он в одних семейных трусах чесал спину, стоя у открытого холодильника. Я отвернулась, испытывая к нему раздражение. Занялась уборкой со стола, продолжая злиться на него из-за того, что за ночь он не передумал со мной ехать на открытие ресторана Ветра.

— А ты не видела, куда делись пирожные? Хотел ими позавтракать. — он продолжал стоять перед холодильником.

— Нет, не видела. — солгала я и даже не моргнула глазом. Наверное, всё же, когда любви между людьми нет, на ее место не может прийти взаимное уважение. С течением времени скорее появляется раздражение. Меня всё чаще стали посещать мысли о разводе. Пока между нами хоть какие-то человеческие чувства есть. Но я гнала эти мысли, как стаю бродячих псов. Я должна сохранять семью ради ребёнка, который не виноват, что у него такая непутёвая мать.

Вечер наступил быстро. Я с нетерпением ждала встречу с Морем. Надела черное платье с открытой спиной, в уши вставила сережки кольцами. Волосы распустила, они изрядно у меня отрасли и теперь доходили до поясицы. Слегка подкрасила ресницы. Муж надел неизменные джинсы и рубашку, сверху пиджак, который на нем висел. Мы прибыли в ресторан на такси. На парковке ресторана был коллапс, не было ни единого свободного места. Возле входа стояли люди группками и курили, громко смеялись. Мы приехали в пол восьмого, а мероприятие началось в шесть. Пробки города Непогод в любой момент могли испортить все планы его жителей. Они появлялись внезапно и также внезапно исчезали.

Я оценила, что вход в ресторан был нарядно украшен живыми цветами. Пройдя внутрь, нас поглотил уютный полумрак ресторана. Людей было много, но внутри было не шумно. Играла приятная инструментальная музыка, и повсюду были радостные лица. Я бегло осмотрелась в поисках Моря. Но его еще не было здесь. К нам подошел молодой приятный парень и, услышав нашу фамилию, провел за дальний столик, который был несколько скрыт от посторонних глаз. Но одновременно с этого места был виден вход, где я могла бы видеть приход Моря.

Через короткий промежуток времени к нам подошел Ветер и следом принесли разные блюда и вкусное шампанское. Супруг ел и смотрел в телефоне какое-то видео. Я встала, когда Ветер собрался уходить обратно на кухню, немного постояв возле нашего столика.

— Постой. — я тронула его за рукав белоснежного кителя шеф-повара. Он обернулся на меня, и его губы тронула легкая улыбка. Он был очень красив в этом кители: стройный, высокий, с аристократически ровным носом, чертами лица, подходящими для модельного агентства. — Спасибо, что позвал на открытие, тут очень...

— Пойдем, здесь мы не поговорим нормально. — он кивком головы показал на моего супруга, у которого на всю громкость было включено видео, которое он, казалось, равнодушно смотрел. Я кивнула.

Мы прошли в кухню, а из нее в белую дверь справа. На самой кухне удивительно вкусно пахло. На сковородах что-то шипело, пар клубами шел из кастрюль, и в целом было шумно.

Но все повара были собранными, и их лица, несмотря на открытие ресторана и очень напряженный вечер, были сосредоточенными, но спокойными. За белой дверью оказался небольшой кабинет, там помещался только стол, стул и маленький, совсем крошечный диван.

Ветер закрыл за мной дверь и прислонился к ней спиной. Я видела его уставшие глаза, тени под ними. Он определенно устал. Накануне открытия он напряженно и не жалея собственных сил, трудился. Теперь состоялось долгожданное открытие, и это требовало очень напряженной работы и энергии.

— Спасибо, что позвал нас. У тебя очень красиво. Я не успела попробовать блюда, но выглядят они просто волшебно. — я убрала упавшую на лицо прядь волос.

— Я надеюсь, тебе понравится их вкус. — он улыбнулся и вокруг глаз появились мелкие морщинки.

— Тебе очень идет этот китель. — тут уже я улыбнулась. — В первый раз вижу тебя в рабочей форме.

— А ты выглядишь просто потрясающе! — кроме усталости в его глазах появилось что-то еще, но я не смогла распознать что это. — Это платье тебе невероятно идет.

— Спасибо, я же знала, куда иду. — я неловко засмеялась. Мы виделись практически каждый день уже много лет, дружили крепко и ходили друг перед другом и в повседневной одежде, и в пижаме, но неловкости при этом не испытывали. А сейчас, стоя в тесном кабинете ресторана, когда на мне было коктейльное платье, а на нем рабочий китель, словно между нами напрягся сам воздух. Он, казалось, тоже это ощутил, отодвинулся от двери и в пол шага подошел ко мне. Молча наклонился и убрал непослушную прядь волос, которая скользнула на лицо. Спустя мгновение я осознала, что перестала дышать. В этом жесте было столько нежности, что в груди сердце замерло и тут же пустилось в галоп.

— Ты просто невероятно красива. — Его горячее дыхание обожгло мою щеку.

— Шеф, вы нужны нам. — Дверь открылась, и в проеме показалась голова молодого парня азиатской наружности. — Ой, извините. — увидев нас двоих посреди кабинета, в опасной близости друг от друга, он прикрыл за собой дверь. Магия между нами ушла. Я отпрянула, а Ветер виновато улыбнулся.

— Прости, мне надо идти. Сегодня самый тяжелый день за последнее время, ты же понимаешь. — и он, открыв дверь, пропустил меня и вышел в кухню сам.

— Ты зайдешь после работы? — Я обернулась на него в дверях кухни.

— Будет слишком поздно, ты будешь уже спать. — в его взгляде была нежность.

— Я дождусь тебя. Нам надо поговорить, хотя..., наверное все же не сегодня. Разговор долгий и сложный. Но все равно я тебя дождусь. — и получив его реакцию на мои слова, я вышла из кухни и пошла к нашему с супругом столику. Дойдя до него, я поняла, что он даже не заметил моего отсутствия, все также продолжал есть и смотреть видео на телефоне. Я молча села за стол, но к еде не могла прикоснуться. Внутри меня все дрожало. Волнение, которое я испытала в кабинете Ветра, то напряжение между нами... Нет, мне стоит выкинуть это из головы. Всему виновато шампанское, которое я выпила перед этим. Мне нужно не пропустить Море. Достала из сумочки телефон, увидела, что он не звонил мне. На часах уже было начало девятого, а мы договаривались в восемь встретиться. Я выглянула из-за куста с фикусом, который стоял возле нашего столика, Море в поле видимости не увидела. Посмотрела на необычную подачу блюда, которое стояло передо мной, решила, что не прощу себе, если не попробую его, ведь команда Ветра так старалась для нас.

Хоть блюда в ресторане невероятно аппетитно выглядели, я не могла от волнения заставить себя проглотить и кусочек. Люди все прибывали и вот в дверях я увидела Море. Он появился там, казалось, заняв собой весь дверной проем. На плечах его кашемирового пальто блестели снежинки. Он оттряхнул их, обвел взглядом ближайшие столы. Не увидев меня, прошел вглубь ресторана. Я встала из-за стола, посмотрела на супруга, он никак не отреагировал. Не говоря ни слова, пошла к Морю. Он стоял у барной стойки уже без пальто. Я заметила, что волосы его, кажется, еще больше подернулись сединой. Широкие плечи были напряжены, он стоял ко мне спиной. Я пока шла к нему, могла беззастенчиво его рассматривать. Барная стойка находилась слева от входа в ресторан, и она не просматривалась с нашего с супругом столика.

— Привет. — я коснулась пальцами его плеча. Он обернулся. Улыбка чеширского кота преобразила его лицо.

— Прости, я опоздал. — он не выглядел виноватым. Скорее это слова, сказанные из вежливости.

— Я не могу долго быть здесь с тобой. Я приехала с мужем.

— Сколько у нас есть времени, пока он не заметит твоё отсутствие?

— Пять, десять минут, может пол часа. Я не знаю. — вот в моём голосе звучали виноватые нотки.

— Тогда давай выпьем, пока у нас есть время? — бармен поставил перед нами два бокала шампанского, сказав, что это за счет заведения. — Мышка, ты неплохо сегодня выглядишь. Это платье тебе идёт. — мы соприкоснулись бокалами, у Моря был тост. — За нас, пусть наши встречи случаются все чаще.

— Хороший тост. Мы не виделись больше месяца, что у тебя нового произошло за это время? — я сделала глоток из своего бокала, все время борясь с желанием оглянуться, переживая, не идет ли мой супруг.

— Много работал, а так, в принципе, ничего нового. Ну, разве что свозил детей в горы покататься на лыжах. Ах да, и я все же забрал проект дома, который хочу построить. — он сделал глоток шампанского.

— Проект дома? — я не понимала, о чём речь.

— Я хочу за городом построить дом. Мне сделали проект. Весной начну грандиозную стройку.

— ммм. — я почувствовала, как от ревности кольнуло внутри.

— Мышка, ты какая-то другая сегодня. — он, не отрываясь, смотрел мне в глаза.

— Да нет, просто устала. А как же квартира? — я пыталась унять свои чувства.

— В квартире будем жить зимой, а в тёплое время года будем жить в загородном доме. — он действительно не понимал, что мне неприятно это слышать. Я видела по его глазам и расслабленной позе, что он совсем не видит, как его слова ранят меня.

— Ммм. — снова промычала я в ответ, не зная, что тут ещё сказать.

— Нам надо бы с тобой на выходных следующих встретиться. Как думаешь? Я бы показал участок, который мы купили под строительство.

— Мне надо идти. — Я слезла с барного стула, поправила платье.

— Как уже? Ты же всего пять минут со мной посидела! — он, правда, не понимал, что со мной происходит. Да я и сама не совсем себя понимала. Для меня же не было секретом, что у него есть жена и двое детей. Мы обговаривали, что у каждого своя жизнь и не можем претендовать на что-то большее. Но одно дело думать, что у него с женой ничего нет, и он

сохраняет семью ради детей. А другое дело понимать, что у него есть совместные планы с женой. Такое семейное дело, как стройка нового дома. Меня оглушила ревность, я старалась её унять, но это было выше моих сил.

— Муж сидит буквально в десяти метрах. Я не могу долго отсутствовать. — голос дрогнул.

— Может, скажешь, что встретила знакомого и посидишь ещё со мной? — он выглядел таким своим, таким родным. Глядя в его ясные глаза, хотелось все бросить и так и сделать. Но душу еще сжимала своими ледяными руками ревность.

— Все же мне надо идти. Ты извини, что я тебя вырвала сюда.

— Ты все-таки сегодня не такая, как всегда. Точно ничего не случилось за этот месяц, что мы не виделись? — он прищурился, глядя на меня. — Мы только встретились с тобой, и ты уже убегаешь. Про себя даже не успела ничего рассказать.

— Мне правда надо бежать. — я, не попрощавшись, развернулась на каблуках и пошла прочь от Моря. Мне нужно было время. Все в моей душе запуталось, я уже не понимала себя вовсе. В моей жизни был муж, который меня не замечал много лет. И рядом с которым я ощущала, что увядаю. Был Ветер, который уже как моя третья нога или рука. Мы с ним так сроднились, что я не представляю свою жизнь без него. Но то, что сегодня было в его кабинете вызвало больше вопросов и ещё больше запутало меня. Есть Море, но он как призрак в моей жизни, редкие встречи, отсутствие совместного будущего. Мне иногда казалось, что я придумала себе его, что его на самом деле не существует. Этот вечер я провела целиком погруженная в свои мысли и переживания. Супруг меня вовсе не замечал, он съел всё, что было предложено официантом. Затем, видя, что я не притронулась к своей тарелке, доел всё у меня и сидел, смотрел футбольный матч на телефоне. Я ждала, что Ветер ещё раз подойдет к нам, но понимала, что ему совершенно некогда и он руководит сейчас кухней. Со своего места я видела, как Море вышел из ресторана и исчез за, красиво украшенными цветами, дверьми. От чего-то захотелось плакать, я чувствовала себя потерявшимся ребенком. В моей жизни было трое мужчин, а по факту не было ни одного.

Было уже четыре часа утра. Муж спал в спальне сына, пока тот ночевал у моих родителей. А я разместилась на диване в гостиной. Мне не спалось. Я ждала Ветра, выключив основной свет. И только торшер мягким светом обнимал комнату. В квартире было так тихо, что было слышно, как о стекло разбиваются снежинки. Поздняя осень принесла первый снег. Я размышляла о собственной жизни и о том, как она так успела запутаться. На самом деле я уже давно поняла, что вышла замуж по глупости, не прислушиваясь к своему сердцу. Ошибочно полагая, что к созданию семьи надо подходить рационально и не опираться на столь непостоянные чувства.

Вспомнился день свадьбы. Я была сама не своя. Меня лихорадило. Я понимала, что у меня последний шанс остановить этот ржавый поезд, несущийся на всех парах в семейную жизнь. Отчаянно боролась тогда с желанием сбежать. Кожей ощущала, как свобода покидает меня. И совершенно безуспешно успокаивала себя тем, что это обычное волнение невесты перед свадьбой. Тревога не отступала, а лишь плотнее зажимала меня в своих объятиях безысходности. За пару часов до росписи я, опустошенная и растерянная, хотела позвонить жениху и закончить эту агонию совместно с нашими отношениями. Но, едва набрав его номер, не успев отправить вызов, я подумала о своих родителях и о том, как они долго готовились к этой свадьбе, как они волновались и стремились сделать её идеальной. Представила, как я буду им говорить, что я передумала выходить замуж, и в душе разлилась

горечь от осознания собственной никчемности. Затем я представила моего будущего мужа и поняла, что просто не могу с ним так поступить. Он ждал этого дня, для него это было событие. Он часто говорил, что для человека очень важны всего несколько моментов в жизни. Это свадьба, рождение детей и похороны. Для того, чтобы расстаться, время ушло. Мне нужно было прервать наши отношения задолго до того, как всё станет так серьёзно. Я виновата сама была в том, что допустила эту свадьбу. И не могла теперь сойти с этого поезда. Не следовало начинать отношения до того, как боль от прошлых отношений не отступила. А я начала. И к моменту, когда я исцелилась от предыдущего токсичного опыта, я поняла, что прочно увязла в новых отношениях. Я словно впервые увидела человека, с которым уже год встречалась. Им оказался спокойный и знающий, чего он хочет, мужчина. Он расписал мне свой жизненный план и сказал, что хочет, чтобы я в нём участвовала.

Помню, как я собирала вещи, переезжая к нему. Как сидела долго на кровати и не знала, с чего начать сборы. В такие моменты, наверное, должны другие эмоции расцветать в душе, возможно, какое-то приятное возбуждение. А у меня было равнодушие с примесью горечи. Не было сил бороться с этим напором, с которым мой будущий муж настаивал на воплощении его жизненного плана. А я была марионеткой в руках опытного кукловода, в роли которого выступала собственная безвольность. Если бы я была более жесткой и решительной, я бы себя не загнала в эту ситуацию с грядущей свадьбой. Помню, как зашла тогда в комнату мама и, присев рядом со мной на кровать, пыталась со мной серьёзно поговорить. И как она, старательно подбирая слова, сказала о том, что я могу никуда не ехать. Но как же сложно человеку, стоящему перед судьбоносным выбором, определиться. Я сидела на кровати, руки безвольно лежали на коленях. Я собиралась с мыслями, силясь понять, чего я хочу, и не могла ответить на этот вопрос. Помню, как встала и стала медленно собирать свои вещи, а в душе была пустота. Да, меня никто не принуждал к сожителю и позже к семейной жизни. Но, положив руку на сердце, могу сказать, что по-настоящему мне этого не хотелось. К этому времени все мои одноклассницы и знакомые вышли замуж и завели детей. Я понимала, что мне тоже нужно определяться в жизни и лучшего варианта все равно у меня нет. Мужчин, которые хотели со мной отношений, было немало, но никто из них мне даже не нравился. Я мечтала о любви, сколько себя помню. Но любовь причинила мне недюжинные страдания в предыдущих отношениях, и я твёрдо решила, что лучше жить без любви, но с добрым отношением друг к другу. В итоге наша свадьба состоялась. А вскоре всё понеслось по накатанной. Одно событие повлекло за собой другую череду событий, которые я тоже не в силах была остановить. Сегодня же я осознала, что если бы мне тогда, несколько лет назад, не встретился Море, то совершенно очевидно, в моей жизни появился бы все равно кто-то. Потому как человек не может жить без любви. Он будет ее искать везде и любое внимание противоположного пола воспринимать как предложение. Если бы не Море, то сердце бы моё всё равно, как компас, указало стрелкой на кого-то ещё. Моё отчаянное желание любить и быть любимой в любом случае кинуло бы меня в объятия другого мужчины, будь то Море, или Ветер, или еще кто-нибудь. Как же это печально и противно. Но ничего с этим не поделать. Человек без любви может завянуть не хуже цветка. Дверь балкона в кухне, соединенной с гостиной, приоткрылась, и в проеме показался Ветер. Он был в пижамных штанах, которые я ему дарила, и в старой футболке. Выглядел он очень уставшим, но мне было так приятно, что он все-таки пришел, несмотря ни на что.

— Не спишь? — он подошел к дивану, на котором я лежала, поднял мои ноги, присел и положил на свои колени мои ступни.

— Я жду тебя, уснуть не получилось. Ты все же пришел, хоть и устал очень. — с благодарностью проговорила я.

— Я хотел лечь спать, но боялся, что ты ждешь и не будешь спать из-за меня. Что, собственно, и произошло. — он усмехнулся. — Сегодня был очень напряженный день, но я так рад, что ты пришла на открытие.

— Ты большой молодец, все было чудесно и вкусно.

— Но ты даже не попробовала, верно? — он с прищуром посмотрел на меня.

— Ну да. Я не ела, но я уверена, что все было вкусно. — мне стало стыдно, что я так и не попробовала ничего в ресторане. Его команда вместе с ним так старались, а я, получается, просто поступила по-свински.

— Почему ты не ела? — он прикрыл уставшие глаза, но стал разминать длинными пальцами мои ступни.

— Внутреннее волнение какое-то. — я замаялась, он промолчал. — Я хотела с тобой поговорить, но лучше этот разговор отложить. Вы только открылись, сейчас у тебя будет много работы, а этот разговор достаточно сложный и долгий.

— Угу, ты меня интригуешь или пытаешься запугать? — он продолжал массажировать мои ноги, но уже не так интенсивно. Было ощущение, что он вот-вот заснет. — Я тебе принес контейнеры с едой из ресторана, чтобы ты дома в спокойной обстановке поела вкусной еды. Они, правда, лежат в моём холодильнике. Приди, забери их и поешь. — я улыбнулась, мне очень была приятна его забота обо мне.

— Тебе надо поспать, ложись прямо здесь, на диване. Я тебе постелю. — я приподнялась, но он, удержав в своих ладонях мои ступни, не дал мне встать.

— Не нужно стелить, я подремлю прям так. Не уходи, пожалуйста. Расскажи что-нибудь, пока я засыпаю. — и он откинулся на спинку дивана, под голову подложил подушку и пока я думала, что же ему такое рассказать, уснул.

Я тихонько лежала и смотрела на профиль своего друга в полумраке комнаты, желая разобраться со своими эмоциями и чувствами. То, что произошло между мной и Ветром сегодня в ресторане, мне точно не померещилось. Но мозг отказывался давать этому определение. Я и так стояла перед непростым для себя выбором. С одной стороны, была моя семейная жизнь с её сложностями и нелюбимым, но привычным мужем. С другой стороны, был Море, который так полюбился моему сердцу, но всё равно не был всецело моим. А теперь и так этот непростой выбор осложнился неизвестными доселе чувствами к Ветру. Да, у меня сегодня не было возможности поговорить с ним и рассказать всю правду о Море. И тем более разобраться в том, что же такое произошло между мной и Ветром в ресторане. Но я обязательно со всем разберусь в ближайшее время...

Глава IV. Касаясь Моря

Зима всю набирала обороты. Снег окутал мой город Непогод белоснежным покрывалом. На улице стало меньше прохожих, а те, кто вынужден был выйти из тёплого укрытия домов и офисов, торопливо спешил по улице, закутавшись в тёплые одежды. Торговые центры напротив кишели народом, каждый спешил купить подарки своим близким. Через пару недель наступал Новый год. Я любила этот праздник. Мне, как и другим, казалось, что с нового года жизнь непременно изменится к лучшему и все невзгоды останутся в минувшем году. Но, как правило, наступал новый год, и тебе начинало казаться, что предыдущий по сравнению с этим был ещё очень даже неплохим. Прошло несколько недель после открытия ресторана Ветра, а я так с ним и не поговорила. Сперва потому, что он работал без выходных, и мы стали непростительно редко видеться. А потом прошло время, воспоминания о том вечере в ресторане и искре, возникшей между нами, стали уже не такими яркими, и в итоге я решила, что виной всему было шампанское. В те редкие короткие встречи, что мы с Ветром могли себе позволить, он тоже не заговаривал о той ситуации. И я вконец уверилась, что мне всё померещилось. Подходящего времени для откровенного разговора и моего постыдного признания тоже не было. Я терпеливо ждала, когда Ветер станет свободнее и мы сможем возобновить хотя бы нашу традицию собираться по пятницам и делиться всем, что только взбредёт в голову.

Ну а с Морем после нашей встречи в ресторане виделась всего один раз. Я столкнулась с ним на выходе из детского сада. Сын очень обрадовался Морю, он раньше любил с ним проводить время и особенно любил его детей. Вот и сейчас, увидев его, он кинулся расспрашивать, как поживает его подруга и по совместительству дочь Моря. Тот, смеясь, подхватил на руки моего сына. А я молча смотрела на то, как они тепло общаются друг с другом и думала, как было бы в моей жизни радостно и просто, если бы это был бы наш сын и мы бы с Морем были вместе.

— Что ты здесь делаешь? — я была в недоумении, наши дети ходили в разные детские сады.

— Моя фирма собирается строить новый корпус в вашем саду. Хотел приехать днём обсудить с директором все тонкости, но время появилось только теперь. — ему так шло классического кроя кашемировое пальто, в нём он выглядел таким деловым. — Это буквально на пол часа, не подождёте меня? Я бы вас отвёз домой? — глядя в его глаза небесного цвета, моё сердце замирало. Я соскучилась по нему, хоть и последнее время мы несколько отдалились друг от друга, так как редко удавалось встретиться и даже поговорить по телефону.

— Что ж, мы не особенно спешим. — я замаялась. Он был всё таким же родным, но долгий перерыв в общении сказывался, я не совсем понимала, как себя вести с ним.

— Машина не заперта. Присядьте, чтобы не замёрзнуть, сегодня мороз. — Мы с сыном сели в машину, прошло буквально пятнадцать минут и Море вновь показался в дверях детского сада. Он шёл по дорожке в направлении машины, где сидели мы с сыном, и я, глядя в боковое окно, невольно залюбовалась им. О таких мужчинах снимают фильмы, определённо. Крупный, коренастый, широкоплечий, тёмные волосы, подёрнутые сединой, но при этом на контрасте, эти голубые ясные глаза, которые просто сводили с ума. Он сел в машину, а вместе с ним меня окутал шлейф его парфюма, один аромат которого будоражил

мою память. Море провернул ключ в замке зажигания, запустил двигатель, обернулся на моего сына.

— Ты не торопишься? — он подмигнул ему.

— Нет! — задорно ответил тот и звонко рассмеялся.

— Вот и здорово, думаю, твоя мама не будет против, если мы съездим, покатаемся и поедим чего-нибудь вкусного. — я промолчала, не соглашаясь и не возражая. Я счастлива была с ним ехать куда угодно.

Детский сад находился в спальном районе, во дворах многоэтажек. Мы медленно двигались вдоль них. Море умело лавировал между припаркованными машинами и редкими замёрзшими пешеходами. Спустя пару минут, выехав на проезжую часть, наша маленькая компания немного повеселела. Я по-прежнему молчала, но Море с моим сыном что-то активно обсуждали. Я не слушала их, уносясь в своих мыслях далеко-далеко в те дни, когда мы с Морем, не боясь быть обнаруженными, беззастенчиво наслаждались обществом друг друга в другой стране, соединившей наши сердца.

Мы были тогда в нашей съёмной квартирке, выходящей окнами на море, я мыла персики, Море курил в окно.

— Я стал часто думать о том, что мы могли не встретиться с тобой здесь. — он выпускал клубы дыма изо рта. — Как-то однажды представил себе, что каждый из нас мог улететь в другую страну, в другой город. Мы могли в день нашей встречи идти по разным улицам и не встретиться вовсе. — он сделал паузу, а я не перебивала, лишь выключила кран. Из-за журчания воды я не так отчетливо слышала его. — Что было бы, если бы мы не встретились три недели назад? — он оглянулся, вопросительно посмотрев на меня. Я молчала, затаив дыхание, ждала, что он сам продолжит мысль. — Я ведь мог прожить остаток своей жизни без тебя, ты понимаешь? — он потушил сигарету в чашке, где было множество таких же окурков. — Я мог продолжать просыпаться каждый день с пустотой в душе, которая словно прописалась внутри меня. Мне уже так давно нет дела ни до чего. — устало потёр седеющие виски. — меня будто не трогает ничего. Все приелось, надоело и не вызывает эмоций. Жизнь течёт, дети растут, на работе проект за проектом, а меня это не трогает. Ощущение, что я смотрю фильм, наблюдаю со стороны за этой жизнью. И я мог жить так дальше. — он подошёл ко мне, провёл костяшками пальцев по щеке. — Ты меня разбудила от глубокого сна. Встреча с тобой для меня самое важное событие последних лет. И я знаю, что этот сладкий миг, длящийся месяц, закончится. Каждый из нас вернётся в свою действительность, но я никогда не забуду и не потеряю то, что приобрёл здесь.

— Помни, что в моей душе есть отдельная комната для тебя. Навсегда. И там всегда будет гореть пламя свечи. — я обвила его шею руками, приподнявшись на носочки. Он крепко обнял меня в ответ. Без пошлых фраз мы признали чувства, объединяющие и греющие нас.

Яркими картинками всплывают в памяти моменты радостных дней отпуска с моим Морем. Стараюсь не вспоминать, так легче, но память настойчиво предлагает окунуться в те дни, когда мозг не был окутан дымкой отчаяния, и когда я не ощущала муки совести так сильно, что хотелось наложить на себя руки.

Воспоминания поглощают разум, вытесняя иные мысли, доселе бродившие в сознании. Непроизвольная улыбка, слабая, едва заметная улыбка появляется на моём лице при воспоминании, как мы с Морем в лето нашего знакомства решили воплотить нашу общую, как потом оказалось, мечту-прыжок с парашютом. Все было спонтанно и оттого особенно

захватывающе. Мы шли по набережной, вокруг нас не спеша прогуливались отдыхающие, я тихо напевала песню, любимый шел впереди с фотоаппаратом, ища подходящие объекты для фото. И тут неожиданно налетел тёплый ветерок. Мгновение, и я вскрикнула от неожиданности. На лицо моё прилетела листовка и распласталась по нему. Я замерла как вкопанная. Море, обернувшись на мой крик, сфотографировал меня в этот момент. У меня до сих пор стоит эта фотография на рабочем столе, напоминающая мне о незабываемом времени, когда я была счастлива, когда эмоции были включены на максимальную мощность, когда не было запретов и блоков, когда чувства не нужно было скрывать. Я отлепила листовку от лица, прочла её и передала в руки моему спутнику. Он, пробежав глазами по листку, понимающе улыбнулся. Яркий текст приглашал всех желающих совершить прыжок с парашютом.

Это был знак, пришло время исполнения наших желаний. Это был наш первый прыжок. Подобного восторга я не испытывала прежде. Оцепенение перед прыжком, дикий, но тихий, парализующий страх. Ну а когда вдруг понимаешь, что летишь, тебя охватывает просто невероятный восторг, эйфория, хочется и плакать, и смеяться, только воздух распирает лёгкие. В тот самый первый наш прыжок даже не успели осмотреться, как следует полюбоваться землёй с высоты, потому что всецело были отданы во власть эмоций. А сквозь них пробивается страх приземления. Кажется, неправильно подвернёшь ноги, сломаешь чего-нибудь, отнесёт ветром на деревья. И это сочетание дикого восторга и страха непередаваемо и неповторимо. После приземления хотелось лечь на зелёную траву и просто почувствовать её прикосновения к телу, вдыхать её запах, ощущать себя в безопасности и просто выдыхать эйфорию через лёгкие. Мы долго молчали после прыжка. Обессиленные и довольные, мы сидели в такси, которое везло нас в наше временное пристанище, где не нужно было притворяться, где каждый из нас обрёл свою гармонию и свою часть души. После, сидя на полу возле старого зелёного дивана, мы рассуждали о нашей жизни, о мечтах, которым всё же суждено сбыться.

«Я мечтаю о домике где-нибудь в лесу, где будут горы, озеро с чистой водой, засыпать с песнями сверчка и просыпаться с щебетом ранних птиц, мечтаю об этой гармонии, уединении, спокойствии, только я, мой сын, природа и любимый человек.

— И ты не заскучаешь там? Чем ты будешь днями заниматься? — Море допил остатки кофе и теперь вертел в руках кружку, рассматривая рисунки на дне, оставленные гущей.

— Ты что, ведь у меня столько будет дел там! Я буду обустривать наше жилище, и наконец, займусь тем, что мне доставляет удовольствие — я буду рисовать, прочту столько произведений, которые мне вечно некогда читать в суете жизни. Я буду ловить рыбу с сыном, посажу на маленьком огорожке овощи и буду за ними ухаживать, заведу кошку, и мы будем с ней играть. Я буду счастлива там, занимаясь тем делом, которое доставляет мне радость. Живя в большом городе, вдыхая смрадный воздух выхлопов, ощущая себя частью муравейника, я не чувствую себя счастливой. Я двигаюсь по инерции, тороплюсь жить, хожу на работу, ращу сына и ношу ярлык примерной жены и матери, но не ощущаю внутреннего удовлетворения и покоя. Хочу сбежать, уехать, найти нужный лес с бревенчатой избушкой и поселиться там. Я всё время будто нахожусь в иллюзии. Я проживаю не свою жизнь, не с теми людьми, не там, где хотелось бы.

— Всё будет, стоит только захотеть, мышка. Ты заслужила лучшую жизнь. Если говорить о себе, то меня устраивала моя жизнь. Всё, что у меня было, казалось самым логичным и единственно нужным. Я добился многого. Семья, дети, открыл собственную

строительную фирму, много путешествовал. Я думал, что у меня всё есть. Пока не встретил тебя. Как бы банально и пошло это не звучало, но только повстречав тебя на своём пути, я ощутил то самое душевное спокойствие. Я будто, наконец, оказался дома. Всё, что было до тебя, теперь кажется таким далёким, таким искусственным. — я понимала, о чём он говорит, понимала, что это не пустые слова.

Воспоминания всплывают неуверенно, смутными картинками прошлого, одно за другим мелькают в голове, не задерживаясь, словно старый поезд со ржавыми вагонами без машиниста. Они оглашают своё появление, но не останавливаются на твоей станции, а идут транзитом, и ты успеваешь лишь ухватить взором отдельные надписи, картинки. Я вспомнила, как мы с ним однажды выехали за город, уже вернувшись на Родину. Сгустились сумерки, мы подъехали к небольшому озеру, вышли из машины и любовались звёздами. Из магнитофона в машине доносились едва различимые мелодии, и Море стал увлекать меня в танце. Мы танцевали ночью под одобрительно мерцающими звёздами. Это было так здорово, будто мы были на другой планете. Только он и я.

Затем я вспомнила, как мы гуляли с ним на побережье, как ходили по рынку и торговались с продавцами шелковых платков, как ели немые персики и веселились словно дети, когда Море купил воздушного змея. Позже каждый вечер мы запускали его в небо, наблюдая, как он лавирует между деревьями. У него оказался талант по части воздушного змея. Он мастерски уводил его от веток, то отпускал леску, то вновь наматывал катушку. Леска ранила его ладони, разрезая кожу, но он не жаловался и даже не замечал крови, капающей на асфальт, настолько азартным был полет ярко-оранжевого змея. Мы хохотали, когда в китайском ресторане нам подали совершенно несъедобных кузнечиков и каких-то личинок. Я морщила нос, а он меня в этот момент фотографировал. Со стороны, наверное, мы казались идеальной парой, но на самом деле мы-то с ним знали, что стоит за этой фанерной стеной лжи. Мы не принадлежали друг другу никогда, ни раньше, ни теперь. Он искренне относился к своей семье, жене, несмотря на то, что ему приходилось терпеть изо дня в день. Он уже давно не испытывал к ней чувств, но у него были обязательства. Он нечасто говорил о своей жене. А когда это происходило, каждый раз упоминал о том, что ее он давно не любит, но и уйти не сможет, потому что на нем обязательства, которые он взял на себя уже очень давно. У него дети от нее, за которых он отвечает и которые должны расти в полной семье. Я понимала его, но лишь отчасти. Я ведь была в том же положении, что и он, я так же не любила своего мужа, у меня тоже был от него ребенок, и я тоже считала, что дети должны расти в полной семье. Но я, наверное, была более эгоистичная, нежели он. Я думала и о себе, а может это от того, что я была моложе его на четырнадцать лет, и мне еще был присущ авантюризм. Мне хотелось сбежать с ним куда глаза глядят. Хотелось провести с ним остаток своей жизни. Но как это не было печально, я понимала, что нам не выбраться с ним из этой паутины.

Пока воспоминания туманили мой разум, мы подъехали к открытому катку. Море припарковал автомобиль и обернулся ко мне.

— Ты давно каталась на коньках? — в его невероятного голубого цвета глазах плясали веселые искорки.

— Если скажу тебе правду, ты все равно меня потащишь на каток? — я засмеялась.

— Конечно, мне кажется, мы сможем весело провести время. Как думаешь? — он обратился к моему сыну, который во все глаза смотрел на огоньки, освещающие залитую площадку, где катался народ.

— Мам, ну пойдём! Смотри, как там здорово! — я поняла, что мне придется уступить им, но я никогда не стояла на коньках, и мне кажется, что уже поздно начинать.

— Тогда вы, возможно, в первый раз в жизни, в твоей уж точно — я посмотрела на сына и серьёзно продолжила — увидите корову на льду. — они ещё секунду смотрели на меня, переваривая сказанное, и дальше залились оба хохотом.

Мы прекрасно провели вечер. Я не думала, что мне так понравится стоять на коньках. Хотя у меня не совсем получалось, я поскользнулась, Море поддерживал меня. Пару раз я едва не сбила его с ног. Мой сын встал на коньки более уверенно в отличие от своей матери. Море был, словно, профессиональный фигурист. Он ловко помогал мне, не забывая следить за ребёнком. Мы много смеялись, и я на эти мгновения забыла о том, что по Божьим и человеческим законам мы не можем быть вместе. Забыла я и о собственном муже, который в этот час ждал нас дома. Я забыла обо всем, и как же я была счастлива в своем забвении. Вечер был волшебным, в воздухе разливалось веселье, и мы втроем беззаботно проводили время. Позже, погрузившись в тепло машины, после мороза у сына стали слипаться глаза, он задремал в кресле на заднем сидении. Я же сидела спереди, рядом с Морем. Его ладонь лежала на рычаге переключения передач в опасной близости от моей ноги. Я не смотрела на Море, но всем своим существом ощущала его рядом с собой, вдыхала его парфюм, и у меня кружилась голова от воспоминаний, нахлынувших на меня во время этой встречи.

— Спасибо тебе за этот вечер, я давно не был так счастлив. — голос Моря вывел меня из задумчивости. — Мы стали так редко видеться, но это не значит, что я не думаю о тебе. — он легким движением коснулся моего колена. Мой взгляд устремился на его руку, покрывшую колени, затем на его лицо. Оно было таким родным. И вместе с тем между нами будто что-то изменилось.

— Я тоже не забывала о тебе все это время. Я понимаю, что тебе не до встреч со мной. Ведь ты строишь дом вместе с женой. Нелегко найти время для меня. — как только я произнесла эту фразу, тут же укусила себя за язык, жалея, что нельзя вернуть слова назад. Он молчал. Я подняла на него глаза, все ещё ожидая реакцию на свои слова. Он смотрел на меня тяжёлым взглядом.

— Если бы я не считал, что ты выше всего этого, то подумал бы, что ты ревнуешь меня к моей жене. — в его голосе появились доселе незнакомые мне жесткие нотки.

— Я знаю только одно, так жить очень сложно. Мы с тобой знали, что тот отпуск должен был завершиться расставанием, но мы встретились здесь, на Родине, и наши чувства не закончились. Только мы всё ещё продолжаем обманывать свои семьи, строя иллюзии, которым не суждено воплотиться в жизнь. — я не думала, что такой хороший вечер может закончиться таким тяжёлым разговором.

— Я чувствую, что ты обижаешься на меня, мышка. Но я ведь с самого начала был с тобой честен. Я признался тебе, что у меня есть жена. — после долгого молчания начал Море. — У меня есть обязательства. Я не живу полноценной жизнью со своей женой. С ней я ради детей, ты должна это понять. Я не хочу, чтобы они воспитывались чужим мужчиной, когда у них есть отец, который их любит. Помнишь, я тебе говорил очень давно, что, если бы я не встретил тебя тогда, я бы до сих пор жил во тьме. Ты как глоток свежего воздуха для меня. Да, я понимаю всю избитость этих фраз, но все так и есть, мысли о тебе не дают мне сойти с ума.

Я молчала. Не знала, что ему сказать. Он, видя, что я не отвечаю, продолжил:

— Я расскажу тебе одну историю. И прошу поверить в те слова, что я тебе сейчас скажу,

потому что всё, что я скажу — правда. Я увидел тебя тогда, в чужой стране, издалека и ощутил, как сердце сдавило словно оно попало в тиски, кровь скорее побежала по венам, пульсируя в висках, я глядел на тебя, не в силах оторвать взгляд.

Мне казалось, что вот-вот и видение исчезнет. Но вот я моргнул, а ты по-прежнему была перед моим взором. Я шёл к тебе сквозь поток людей, видя только тебя, не замечая никого вокруг. Присел рядом с тобой на скамью и замер. Боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть тебя ненароком. Сидел на скамье, как школьник, трепещущий от страха, что его вызовут к доске. Только этот страх был гораздо глубже. Я боялся, что спугну тебя, и ты исчезнешь, будто не было тебя вовсе. Набравшись смелости, я заговорил тогда с тобой, и время остановилось. Ты вошла в мою жизнь, стремительно заполнила все мысли собою. У меня появилось ощущение, что наша встреча была предначертана. Иначе отчего, встретившись тогда на морском побережье, мы, как два погибающих от жажды путника, упивались друг другом? Будто мы долгие годы ждали этой встречи. Я не помню себя более счастливым, чем в тот месяц, проведенный рядом с тобой. С человеком, которому принадлежит отныне моё сердце. Ты особенная, не с этой планеты, дитя другого времени. В тебе есть стержень. Я ощущал твою силу всегда. С самого знакомства, ты напоминаешь мне сирень, ствол которой кажется таким тонким и хрупким, но на поверку оказывается, что ни один ветер его не сломает. Он может гнуться, заворачиваться, приобретая узловатую форму, но все же не сломим. Так и ты, мое видение, которое мне посчастливилось удержать возле себя короткое время. Не было мгновения, когда я не думал бы о моменте неизбежного расставания с тобой в дни, когда мы жили в другой стране, в квартире с этим старым зелёным диваном. Смотрел в твои яркие зеленые глаза и не понимал, как буду жить без их блеска. Впервые за сорок лет понял, что означает фраза «горящие глаза». Они будто освещали мне путь в темноте будней. Ты была нежной, как цветок магнолии, которую обожала. Твоё сердце было мягким, а душа ранимой. Я не могу забыть даже спустя несколько лет, как мы проезжали по парковке торгового комплекса уже в городе Непогод. Стояли зимние морозы, и ты, замолчав на полуслове, прижалась к боковому окну машины, сжавшись на сидении. Я тогда не понял, что произошло, пока не увидел лежащую на тротуаре большую бродячую собаку. Срывающийся снег покрывал ее косматую шерсть, окутывая, словно одеялом. Я до сих пор помню, как ты обернулась на меня. В твоих всегда таких ясных и улыбающихся глазах стояли непролитые слезы, как дрожал твой голос, когда ты просила меня остановить машину. И как я мог сопротивляться тебе? Хотя остановка была затруднительна, машина в случае остановки мешала движению по парковке, но я повиновался твоему умоляющему взгляду. Едва машина остановилась, ты выбежала из нее, открыв заднюю дверь, порылась в беспокойно шуршащих пакетах, достала мясную вырезку, которую мы купили для ужина, и побежала к лежащей, замерзшей на морозе собаке. Свет фар освещал твоё светлое пальто. Сумерки не позволяли разглядеть твоего лица, но я знал, что на нем отпечатана боль за всех бродячих животных. Сзади скопившиеся, не имеющие возможности проехать машины стали нервно сигналить, моргать светом фар, желая поскорее сменить неприветливый холод улицы на уютное домашнее тепло. Я помню, как ты негодуяще обернулась на них, как в последний раз погладила пса, благодарно жующего вырезку, и уже спокойная, вернулась в машину.

Я не сказал тебе тогда ни слова. Всё было так естественно, твоё желание помочь ближнему, пусть даже бродячему псу. Все было так правильно, что я просто молча повел машину на съемную квартиру, где в городе Непогод мы могли быть лишь вдвоем. Но я часто

вспоминал твою доброту. Она для меня всегда была примером добродетели и справедливости. — Море устало прикрыл глаза, казалось, ему тяжело давалось это признание. — Кто придумал, что мужчинам нельзя плакать? — он ухмыльнулся, не открывая глаз. — Наверняка тот, кто просто не способен чувствовать, у кого черствая душа. Ведь мужчины тоже люди. У нас есть эмоции которые порой достигают невообразимого накала. Но в обществе не привыкли к мужским слезам. Это всегда было признаком слабости. Я готов поспорить с этим фактом, ведь сердце мужчины так же может болеть, как и сердце женщины. Но лично я с детства привык держать все чувства в себе и уже даже если бы захотел, не смог бы расплакаться, как дитя, хоть и понимаю, что это наверняка принесло бы хоть небольшое утешение. Потому мужчины топят свою печаль в алкоголе. Им так проще. Это по-мужски. Во всяком случае, нам так кажется. — он замолчал на какое-то мгновение. Затем, открыв свои небесно-голубые глаза, проговорил: — Мышка, я взрослый мужчина, который как мальчишка влюбился в чужую жену. Но я не могу ничего изменить. Я не лгал тебе никогда. Ты моя душа. Но у меня есть обязательства. Я не могу отказаться от них.

Я невидящим взглядом смотрела, как снежинки падают на лобовое стекло и тают, превращаясь в ручейки, стекают на капот. Я была оглушена его признанием. Я не была разбалована чувственными речами мужчин. И не знала, что ему на его слова ответить. Что я хотела бы, чтобы мы не были обременены семьями, а жили вместе? Что я готова была бы воспитывать всех наших детей, не разделяя на его детей от первого брака и на наших общих? Что я с каждым днем все больше понимаю, что не могу жить на одной территории с собственным мужем? Что я, в конце концов, ревную Море к его жене и поэтому отдаляюсь от него самого? Что я с каждым прожитым днем все больше злюсь на него из-за его благородного желания растить детей в семье? Ведь я, похоже, не столь благородна, я уже не вижу в себе сил сохранять семью ради ребенка. Все эти мысли я не могла озвучить, ведь это могло осложнить наши и без того сложные отношения.

— Ты благородный человек, и я тебя очень уважаю за твою позицию. Ты действительно не лгал мне никогда. За что я тебе очень благодарна. — только и смогла я выговорить. Я не поднимала на него глаз, но чувствовала, что он сверлит меня взглядом.

— Всё, что я тебе только что сказал — истинная правда.

— Спасибо тебе за признание. — едва слышно я произнесла.

— Что тебя беспокоит?

— Ничего. — проговорила я.

— Мы будем сидеть в этой машине, пока ты не скажешь мне правду.

Я помолчала, обдумывая сказанное им. И решила, что уже терять нечего, я не могу хранить все это в себе дальше.

— Мы не сможем это долго продолжать. Меня тяготит моё положение. Я испытываю чувство вины перед мужем и твоей женой. Но при этом невыносимо хочу быть с тобой. Дешевый роман. Даже грустно как-то от того, что я оказалась в эпицентре этого.

— Я понимаю, но что мы можем изменить? Я же говорю, что не могу бросить жену. У тебя тоже семья, наша ответственность перед ними-быть с ними до конца. Хотя бы пока дети не вырастут. Мышка, ты просто устала. Давай запланируем отдых где-нибудь за городом? Отдохнем, расслабимся, снова погрузимся в наши романтические отношения? Мы так давно не были наедине друг с другом, что я и не помню, сколько времени прошло с тех пор. Естественно, у тебя появились эти мысли, но стоит нам провести время вместе, ты снова успокоишься. — уверенно заговорил Море.

— Я не думаю, что после совместных выходных что-то изменится. — медленно начала я. — Скорее, я еще больше буду чувствовать утрату после того, как мы разъедемся каждый в свою семью.

— Я настаиваю всё же на том, что нам нужно провести время вместе. Ты отдаляешься от меня, я это чувствую. Давай на этой неделе? Я улажу дела со своей работой и конец недели освобожу для нас. Только представь ты, я и единение с природой? — как же он ловко заманивал меня в свои сети, как умело он вел меня по моим же страстям. Я уже чувствовала, что не могу сопротивляться.

— Муж уезжает в командировку в пятницу, я могу отвезти сына к родителям. — мой тихий голос был ему ответом. Я шла, словно по тонкому льду. Вот-вот и он треснет под моим весом, и я провалюсь в ледяную реальность, где у моего Моря нет для меня места. Где есть его семья, жена и дети, где я разлучница и просто любовница. А пока я медленно и неуклюже ступала по тонкой корке льда в надежде, что по нему я смогу добраться до того места, где мы с Морем будем вместе и будем непременно счастливы.

— Вот и договорились, мышка. — Море заметно повеселел, когда услышал моё согласие. Мне надо ехать домой, давай я малыша отнесу к квартире хотя бы? — он кивнул на сладко спящего сзади ребенка.

— Да нет, мне надо его разбудить. К тому же, если ты его понесешь, мы можем встретиться случайно с мужем или моим другом, и тогда сложно будет объяснить это все.

— Я тебе позвоню ближе к выходным, чтобы подтвердить наши планы.

— Хорошо, я буду ждать.

Я вышла из машины. Мороз крепчал. Я застегнула пальто на все пуговицы и открыла заднюю дверь машины. Не без труда разбудив сына и дождавшись, когда он вылезет из машины, направилась к парадной, держа в руке ладошку малыша.

Поднимаясь медленно по лестнице, ведя за руку сонного сына, я прислушивалась к собственным ощущениям. Силясь понять, что пробудила во мне сегодняшняя встреча. Сперва мне казалось, что мы отдалились с Морем, и я даже не знала, как себя с ним вести. Но по мере того, как проходил вечер, сердце в моей груди теплело к нему. Затем произнесённое им признание выбило почву и под моих ног. Он был так открыт сегодня, так откровенен. Мы всегда с ним были осторожны в признаниях. Но сегодня он как никогда поразил меня своей честностью и силой своих чувств. Что побудило его признаться? То, что я стала отдаляться? Или то, что стала озвучивать своё недовольствие нашим положением? Кто знает..., но я до сих пор оставалась оглушенной его словами. Он не лукавил, когда напомнил мне, что был с самого начала честен со мной, признавшись, что он женат, что не бросит свою жену. Он обо всём предупредил меня заранее. Но я так сильно была в него влюблена, что ничего и слышать не хотела.

Я помню, как сегодня момент, когда Море признался мне в своей маленькой тайне. Мы сидели в нашем любимом уютном кафе. Был жаркий полдень. Альтан, хозяин кафе, с которым мы в итоге за месяц проживания в его стране очень сдружились, успел принести нам две чашечки ароматного кофе, кюнефе, (в нем сочетается нежное тесто, щербет и сыр, который и придает блюду необыкновенный вкус) и блюдо с ванильным рахат-лукумом, как комплимент от кофейни и самого Альтана прекрасной Meleğim — так он называл меня с нашего самого первого посещения его кофейни.

— Что означает слово Meleğim? — спросила я после ухода Альтана.

— Это означает «мой ангел».

— Прекрасное слово, надо завести блокнот и записывать все новые слова, которые я здесь слышу. — проговорила я, подхватив пальцами рахат-лукум. — Эти турки знают, чем порадовать женщину. — я улыбнулась.

— А по мне, так лучше бы у Альтана была тарелка борща или блюдо домашних пельменей с жирной сметаной. Вот тогда бы я их заведение действительно зауважал. — ответил он, отпив кофе, и от неожиданности прикрыл глаза, испытав прилив наслаждения. — А вот кофе у них потрясающий, надо признаться. — произнес он. — Не могу разобрать вкуса. Мне кажется, здесь есть алкоголь, корица и ваниль. — он снова отпил кофе и закрыл глаза, наслаждаясь запахом и вкусом.

— Я ощущаю нотки пряного кардамона, имбиря, и... — я поднесла чашку к кончику носа, вдыхая аромат — конечно, мускатного ореха.

— Потрясающий вкус, я удивлен. — После он сказал, что не столько вкус кофе его поразил, сколько порадовала возможность маленькой передышки перед его признанием. Я с упоением ела восточные сладости, запивая невероятно вкусным кофе, и не догадывалась, что в его душе скребутся когтями тысяча кошек.

Он потянулся через небольшой столик, коснулся моей ладони, привлекая внимание к себе. Ответом ему был взгляд, полный нежности.

— Я должен тебе кое-что сказать... — начал он неуверенно. Я удивленно подняла левую бровь, ожидая продолжения.

— Не хочу тебя обманывать, не хочу давать ложную надежду...

— Говори, Море, ты наврядли сможешь мяня удивить. — я вытерла пальчики, на которых была сахарная пудра рахат-лукума, салфеткой и откинулась о спинку стула, не отрываясь глядя ему в глаза.

— Никогда мне еще не было так сложно говорить об этом. — честно признался он. — Я женат. — потом он признался, что у него было страстное желание зажмурить глаза, чтоб не увидеть мой осуждающий взгляд. Но, приглядевшись, он увидел лишь облегчение в моём взгляде. Удивленный, он продолжал:

— Я не хочу, чтобы ты думала, что я обманул тебя. Ты должна знать обо мне все. У меня двое детей, сын и дочь. И я в браке уже восемь лет. — он не отводил взгляд от моего лица, наблюдая за реакцией после этих новостей. — То, что произошло между нами, меня поразило не меньше твоего.

— Спасибо тебе за эту искренность. — проговорила я, медля. — Правда в том, что я тоже несвободна. Я благополучно замужем уже четыре года. У меня есть сын, по которому я безумно скучаю. — Я говорила тихо, и ему приходилось наклоняться ближе к столу, чтобы разобрать все слова.

— Вот так неожиданность. — только и сказал он, пораженный информацией. — Я эгоистично хочу сказать, что мне эта новость не пришлась по душе. — Он прикрыл на мгновение глаза, пытаясь успокоить сердце, которое пустилось в бешеный пляс.

Через пару секунд, взяв себя в руки, он даже засмеялся.

— Прости, мой разум покинул меня сейчас на мгновение. Я чуть было не обиделся на тебя за то, что ты замужем, хотя сам нахожусь в браке. Абсурдная логика и чувство собственности. Извини меня за эту вспышку ревности. Беря во внимание то, что ты сказала, мы находимся в равном положении. — он залпом допил остатки кофе в чашке и улыбнулся мне уже как раньше, обезоруживающе и искренно. — Я рад, что ты появилась в моей жизни, несмотря на то, что судьба была явно против этого изначально.

Пока воспоминания терзали моё сердце, мы с сыном кое-как дошли до двери квартиры. Лифт не работал, и нам пришлось идти пешком на седьмой этаж. Я подумала о том, что с Морем у нас так мало настоящего, мы непростительно редко видимся, потому мне остается только придаваться воспоминаниям. Одни дарят радость и утешают даже в самые трудные времена, а другие — как это воспоминание просто есть.

Я открыла дверь квартиры, щёлкнув замком в замочной скважине. Звук эхом отразился от стен в тишине подъезда. Ребенок, буквально засыпая на ходу, перешагнул порог. Я последовала за ним. В квартире было темно. Я потянулась к стене, нащупала выключатель, включила свет. Тьма расплзлась по углам. Переодев сына, а потом себя, я умыла его, решив, что сегодня он ляжет спать без душа. Он накатался на коньках и очень утомился. Вечер был для него очень насыщенным. Уложив его в постель, я всё же удивилась, что он уснул мгновенно, стоило его голове коснуться подушки.

Я наконец-то осталась одна, мне необходимо было привести в порядок свои мысли. Встреча с Морем сегодня снова окунула меня в этот водоём чувств к нему. Я прошла в кухню-гостиную, попутно думая о том, где мой муж. Он не звонил сегодня мне и не встретил. В командировку он уезжает только в пятницу и обычно он всегда встречается нас, когда находится дома. Тем более сегодня мы с сыном очень поздно возвращаемся из детского сада.

Пройдя, погружённую в полумрак, гостиную на ту половину, где находилась кухня, я щёлкнула выключателем подсветку на кухонном гарнитуре. Достала из шкафа турку и кофе, намереваясь приготовить его себе. Спать всё равно не хотелось, и наврядли после встречи с Морем, взбудоражившей мою кровь, я смогу сегодня быстро уснуть. Поэтому кофе не повредит, решила я. Включила кран, набрала в турку, поставила на плиту. Обернулась, чтобы присесть на диван, так как ноги после катка гудели, и вскрикнула от неожиданности. За полукруглым обеденным столом сидел мой муж. Пока я не включила подсветку, он сидел в кромешной темноте, и я его совсем не заметила. Когда я вскрикнула, он даже не посмотрел в мою сторону, продолжая сидеть, уставившись в дверь балкона, находящуюся с левого бока от него.

— Ты почему сидишь в темноте и тишине? Ты напугал меня! А я криком могла разбудить сына! — накинулась я на него с упрёком.

— Где вы были? Уже десять вечера. — вопросом на вопрос ответил он.

— Мы после детского сада поехали кататься на коньках. — сказала я ту правду, которая не могла меня скомпрометировать.

— Зачем? — он не смотрел на меня.

— А зачем ходят на каток? Чтобы покататься. — холодно обронила я, снова поворачиваясь к плите, боясь, что кофе может выкипеть.

— Ты же не катаешься на коньках. — не отставал муж.

— А сегодня решила покататься, к тому же нашему ребёнку будет не лишним научиться это делать. Или ты хочешь, чтобы он, как я, встал в первый раз на коньки, разменяв четвертый десяток? — "Ну почему он не унимается с этими расспросами?" раздраженно подумала я. "Что за невиданная вспышка интереса к моей жизни? Или это просто показательное выступление, чтобы я не расслаблялась?"

— А кто тогда вас подвез к парадной? — Я замерла.

— Или это новая услуга на катке — доставка на дом? Я видел, как ты выходила из дорогого мерседеса. На такси не особенно-то похоже. — едко, заметил он.

— Интересно, что именно тебя беспокоит: то, что я вернулась домой так поздно, или то, что вернулась на дорогом мерседесе? — я обернулась и в упор посмотрела на мужа. Он тоже смотрел на меня, не моргая.

— То, что моего сына подвозит к дому какой-то мерседес.

За спиной зашипел выкипевший из турки кофе. Я резко обернулась, но было поздно, плиту уже залило.

Я не была готова сегодня к этому разговору. Когда-нибудь непременно признаюсь мужу в том, что уже давно его не люблю. Да что уж там, что никогда его особо не любила. Я обязательно расскажу ему о всех своих грехах и конкретно о романе с Морем. Но не сегодня. Я не готова к этому признанию.

— Это мой знакомый. Он любезно подвез нас, чтобы мы не добирались по морозу пешком. — Ну вот, я ведь практически и не соврала. Он же знаком мне? Знаком. Где же здесь ложь?

— Почему ты не позвонила мне? Я бы вас встретил. — я слышала по его голосу, что он уже успокоился. Объяснение "чтобы мы не добирались по морозу" сработало, оно было логичным, а следовательно для него правдивым. А последний вопрос задал просто из вежливости.

— Не хотела тебя напрягать. — просто ответила я, вытирая кофе с плиты. В кармане завибрировал телефон, я вздрогнула от неожиданности. Достала его из кармана, в руке он снова завибрировал, разблокировав его, увидела, что пришло два сообщения от Моря. Сердце сжалось и стало стучать где-то в горле. Я не открывала сообщения, пытаюсь уравновесить свои чувства, чтобы волнением себя не выдать. Искоса взглянула на мужа. Он откинулся на спинку дивана и не смотрел на меня. Казалось, не заметил, что мне пришли сообщения. Лицо было непроницаемо, он даже не обернулся, когда я посмотрела на него. Отдышавшись, я открыла сообщения. Там было всего две строчки: «я помню каждую морщинку на твоём лице и хочу провести по ним губами». Я снова и снова перечитывала. В душе что-то оборвалось и полетело в пропасть. Возможно, это было моё сердце. Я читала сообщения, и мне начало казаться, что я не умею дышать. Просто разучилась. Я, оказывается, всё это время стояла, затаив дыхание. Маленькими глоточками я вновь стала вдыхать спасительный кислород.

— Кто написал? — муж, оказывается, заметил, что мне пришло сообщение.

— Да так, ошиблись номером. — сказала я и тут же пожалела об этом. Такая нелепая отговорка могла бы спровоцировать ещё большие подозрения. А я пока не готова открывать душу. Мне отчасти стыдно, что приходится лгать из раза в раз собственному мужу. Но я всё ещё не готова к этому глубокому погружению. К нему надо подготовиться. Сегодняшнее поведение супруга тем не менее меня очень удивляло. Это было на него не похоже, он всегда равнодушный, казалось ко всему, сегодня же проявил хоть и слабую, но всё же эмоциональную реакцию, похожую на ревность. И это меня очень озадачило. Правда, он совсем скоро успокоился. Но вот это уже меня не удивляло. Вернулся, так сказать к заводским настройкам, к спокойному и безэмоциональному себе.

Прошло три дня. Наступила пятница. Муж собрался и уехал в командировку на две недели в область. В эти три дня до своего отъезда он, как и раньше, поздно возвращался с работы и по-минимуму контактировал со мной. А это меня только радовало, не нужно было претворяться образцовой женой. И чем меньше мы общались, тем слабее меня мучила совесть.

В день отъезда мужа мне позвонил Море и спросил, не изменились ли у меня планы на выходные. Я колебалась. С одной стороны, моя душа всё ещё рвалась к нему, но с другой стороны, я понимала, что после проведённых совместных выходных мне будет ещё труднее с ним разъезжаться в разные стороны.

— Ну что ты, Мышка? Только представь, как нам будет хорошо вдвоём? Я снял домик с видом на круглое озеро, во дворе есть чан с водой, под ним можно разжечь огонь, чтобы вода в чане нагрелась, и можно будет в нём искупаться под холодным зимним небом. Окна в пол, вокруг снег и ни души на несколько километров. Только ты и я.

— Ты знаешь, чем меня завлечь! — я засмеялась. — Помнишь же, что я люблю природу и от такого заманчивого предложения наврядли откажусь, хитрец! — с ним я всегда чувствую себя юной девушкой, зная его уже несколько лет, общаясь с ним, не перестала кокетничать.

— Ты удивительная, и конечно, я знаю твои предпочтения и желания. — проговорил Море бархатистым голосом, от которого у меня бегали по телу мурашки.

— Завтра заедешь за мной с утра? Мне нужно будет отвести сына к родителям сейчас. Я их даже не предупредила ещё, что приеду и привезу внука.

— Я думаю, они только обрадуются этому. — слышно было по голосу, что он улыбнулся.

— О да, это точно, они даже мне не так рады, как ему! — смеясь, воскликнула я.

— Это же здорово! Завтра заеду за тобой. Будь готова в девять, Мышка. Мне надо бежать, ещё много моментов надо успеть решить. Ты же знаешь, как мне тяжело освободить для отдыха целые выходные. Работы столько, что с понедельника придётся туго, буду работать, не поднимая головы. — он усмехнулся. — но наша встреча того стоит! До завтра, Мышка. — и он отключился.

Я продолжала сидеть с телефоном в руке и задумчиво смотреть в окно. За которым крупными хлопьями сыпал снег. Как же я люблю это время года! Особенно, когда зима снежная. Вот так проснёшься утром, надо собираться на работу, перед этим бежать в детский сад с ребёнком наперевес. За окном тьма непроглядная. Но, проходя мимо него, за стеклом заметишь какое-то движение. Отодвинешь штору, взглядишься во тьму, а там, на фоне одиноко стоящих фонарей идёт снег. И как-то радостно делается. Как в детстве. Скоро Новый год — время чудес и исполнения желаний. И вроде выросла уже давно, у самой ребёнок появился, а всё ещё верю в чудо. И моё собственное чудо случится завтра. Целые сутки я проведу вдвоём с Морем.

Утром я проснулась в приподнятом настроении. Через пару часов за мной заедет Море, и мы, как когда-то, будем наслаждаться каждым мгновением, проведённым вместе, вдали от всех. Я снова буду представлять, обманывая себя, что нашей реальной жизни не существует. Что есть только он и я. Конечно, тем больше будет возвращаться в воскресенье в вязкую холодную реальность. Но об этом сегодня я даже не хочу думать. Об этом я подумаю завтра.

Я размеренно собирала вещи, гадая, какие из них мне понадобятся на выходных. Решила, что надену белый свитер крупной вязки и узкие джинсы с завышенной талией. А также возьму с собой два комплекта нижнего белья и махровый халат, чтобы в нём пробежать от чана с водой до дома. Подумала, что набирать вещи, когда мы едем всего на сутки, очень глупо.

Слегка подкрасив брови и ресницы, расчесала до блеска ещё влажные после душа волосы. В последний раз взглянув на своё отражение в зеркале, я осталась довольна своим

видом. Но я могла сегодня совершенно не краситься. На моём лице и так выделялись ярко блестящие глаза. Поистине, женщине очень идёт влюблённость.

За окном уже было не так темно, как когда прозвенел мой будильник, но небо было хмурым. Очевидно, ожидался снег. Я надеялась, что не будет метели, и мы благополучно доберёмся до нашего временного пристанища.

Есть мне совсем не хотелось, на редкость и кофе меня сегодня не привлекал. Я посмотрела на часы на стене, ровно девять.

На телефон пришло сообщение. Море написал, что я могу спускаться, он уже ждёт под домом. Я в очередной раз поразила его пунктуальности. Он очень не любил опаздывать и когда опаздывают другие. Благо, я сегодня встала пораньше и уже была готова. Подхватив спортивную сумку с вещами, в последний раз оглядев квартиру, я выключила свет и закрыла за собой входную дверь.

Спускаясь в лифте к моему Морю, я набрала сообщение Ветру, на случай, если у него появится время и он захочет прийти ко мне, зная, что мой муж в командировке. Написала ему, что я уехала на выходные и жду его в воскресенье вечером, так как мы практически не виделись после открытия ресторана.

За дверью в парадной меня встретил крепкий мороз и срывающийся снег. Машина моего спутника была припаркована максимально близко ко входу. Сегодня он не опасался, что нас заметят, зная, что мой муж сейчас в командировке.

— Ты вовремя, я уже хотел уезжать. — пошутил Море. Он сидел в машине в толстовке и джинсах, куртка лежала на сидении сзади.

— И тогда ты потерял бы возможность насладиться нашими совместными выходными. — не растерялась я.

— Это точно! — усмехнулся он. — Ну что, поедem, пока не началась метель.

Я глядела на него, не отрываясь, пока мы ехали среди потока машин. Смотрела, словно желая запомнить его навсегда. Сфотографировать и сохранить в памяти каждую морщинку на его лице, запечатлеть каждый обращённый на меня взгляд. Я счастлива была, что встретила его тогда далёким летним днём. И не жалею ни об одной секунде, проведённой рядом с ним.

Я попраала свои принципы, когда встретила его. Безжалостно растоптала их. Сколько себя помню, никогда не допускала даже мысли об измене, не говоря уж о том, чтобы связаться с женатым мужчиной. У нас всё случилось быстро и так естественно, словно, мы тысячу лет ждали этой встречи. Сперва даже не было угрызений совести, ведь мы встретились, будто после долгой разлуки. Совесть дала о себе знать уже когда я вернулась на Родину и вновь окунулась, пусть в не любимую, но семью.

Я нашла в Море то, чего не было в муже. Душевное пламя, эмоциональный пожар — вот то, что было в нём. Надо ли говорить, что рядом с ним я чувствовала себя иначе — окрылённой, живой. Всё имело краски и запахи. Это как после просмотра черно-белого фильма включить цветной яркий анимационный фильм.

Чувства к нему нахлынули на меня с новой силой. Я больше не хотела молчать о них.

— Ты — моё Море навсегда. Знай, что ты подарил мне намного больше, чем привычное слово счастье. Ты подарил мне новый мир, более яркий, добрый, с искренним желанием жить. Спасибо тебе за ту радость, что я испытала рядом с тобой, за эту любовь. — замолчав, я подалась вперёд и прижалась лбом к его плечу, вдыхая мой любимый аромат, запах дорогого утончённого мужского одеколona и его тела. Мы медленно двигались в пробке. Он

свободной ладонью нежно приподнял моё лицо за подбородок и взглянул в мои глаза своими невероятными небесно-голубыми глазами.

— Твои слова звучат как прощание. Не прощайся со мной, у нас всё только начинается. — и он легонько коснулся моего носа губами, не забывая следить за дорогой.

А в моей груди мёдом растеклось ощущение безграничного счастья.

Снег крупными хлопьями сыпал с хмурого неба. С каждой минутой видимость ухудшалась. Море крепко держался за руль, пытаюсь различить хоть что-то перед собой. Машина скользила по укатанному снегу. Периодически ветер бросал нам в ветровое стекло звонко разбивающиеся льдинки.

Я была напряжена, не зная, как долго нам осталось ехать по такой непогоде. Море время от времени убирал правую руку с руля, успокаивающе пожимал моё колено и снова брался за него, умело ведя машину.

Казалось, прошла целая вечность прежде чем мы с ним свернули с основной дороги на расчищенную аллею, по обеим сторонам которой росли сосны. Здесь и снег уже не так щедро сыпал с неба, и ветер перестал терзать машину своими порывами.

Мы въехали на ровный участок, окружённый деревьями. И моему взгляду предстал сказочный деревянный а-образный дом-шалаш. В этот пасмурный день он подсвечивался гирляндой из лампочек и создавал праздничное настроение. Мы подъехали практически к самому входу. Мне так нравились такие дома, они были такими волшебными для меня, много лет живущей в многоэтажном доме.

Панорамные окна выходили с одной стороны на озеро, а с другой на маленький дворик среди хвойных деревьев, где расположился банный чан.

Я в восторге смотрела из бокового окна машины на это великолепие. Казалось бы всё так просто устроено, но как же мне это нравилось!

— Готова посмотреть что там внутри? — я услышала слева от себя улыбающийся голос Моря. Его явно забавляла моя детская реакция, но похоже, также радовала.

— Ещё бы! — я не дожидаясь повторного приглашения, поспешно вышла из машины, подняла голову вверх, подставив лицо мелко идущему снегу. В этот момент я была так счастлива, что хотелось обнять землю.

— Иди внутрь, простудишься ещё! — Море обошёл машину и взяв меня за локоть, стал уводить в сторону, выглядящего таким уютным, нашего временного пристанища.

— О, Море, как здесь чудесно! А аромат хвои! Даже голова немного кружится! — я не могла насмотреться и надыхаться всем вокруг.

Мы прошли по деревянному помосту, открыли стеклянную дверь, зашли внутрь. В носу защекотало от аромата древесины. внутри дом был просто обставлен, на первом этаже была небольшая гостиная с диваном, маленьким портативным электрическим камином. Здесь же небольшая кухня с самым минимумом вещей и душевая.

На втором открытом этаже большая двуспальная кровать, две тумбочки, и больше ничего.

— Спасибо, здесь так здорово! — я встала на носочки, чтобы поцеловать Море. Он обнял меня одной рукой, другой провел костяшками пальцев по моей щеке, глядя на меня с нежностью.

— Это самое малое, что я мог сделать для тебя. Нам необходимы эти выходные, чтобы напомнить себе, как мы важны в жизни друг друга. — Я пойду заберу из машины наши вещи, а ты пока осмотришься. — он вышел на улицу, из-за двери на меня пахнуло морозом.

Я сняла сапоги и с интересом обошла весь дом, внутри кажущийся ещё более компактным, чем снаружи.

Надев, предусмотрительно лежащие возле входа тапочки, вышла во внутренний дворик, где стоял банный чан. Мне не доводилось раньше в таком купаться и уже нетерпелось опробовать эту диковинку.

— Хочешь прямо сейчас я подогрею воду в нём и мы его испробуем? — Море обнял меня сзади, и я почувствовала себя самой счастливой женщиной на всём свете.

— Ты делал что-то подобное раньше?

— Вообще никогда, тем интреснее будет попробовать. — он ещё крепче обнял меня, в его объятиях даже стоя на морозе было не холодно.

— Грей воду, а я подготовлю закуски. Скажи, мы здесь совсем одни? — я высвободилась из сладкого плена его объятий.

— Да, дом наш до вечера воскресенья. Можем делать здесь всё, что заблагорассудится. — он озорно мне подмигнул.

— Я пошла. Растопи костёр под этой шуковинной. — хмыкнула я и вошла в дом.

Пока Море колдовал над баннным чаном, я разлила шампанское по бокалам, сделала бутерброды с привезенной Морем икрой и красной рыбой.

— Вода готова. Можешь переодеваться и окунаться. — зашел Море в дом, раскрасневшийся с мороза.

— Ты же говорил, что мы здесь абсолютно одни? — я стягивала с себя свитер.

— Ну да, на несколько километров никого.

— Зачем тогда я буду переодеваться и мочить свой купальник почему зря?! — я прошла мимо ошеломленного Моря с гордо поднятой головой совершенно обнаженной. Открыв дверь на улицу, меня обдало ледяным ветром. Не теряясь ни секунды, я вошла по ступеням и окунулась в горячую воду банного чана.

Море не заставил себя долго ждать. Он предварительно накидав внутрь душистых трав опустился рядом со мной в воду, где мы с упоением целовались, пока вода не стала слишком горячей.

Позже, когда мы валялись на огромной кровати и ели виноград, он рассказал мне притчу, которую рассказал ему в детстве его отец:

«Это было во времена гонений на христиан. В одном селении жила христианская семья. Отцу трудно было прокормить жену и маленьких ребятишек, хоть он и работал, не покладая рук. Но всю свою печаль он возложил на Господа и верил, что когда-нибудь все изменится к лучшему. Как-то, чтобы и себя, и семью свою подбодрить, выгравировал отец на дощечке слова: "ТАК БУДЕТ НЕ ВСЕГДА". И повесил надпись на видном месте в доме.

Прошли годы гонений, и наступило время достатка и свободы. Выросли дети, появились внуки. Собрались они за богато накрытым столом в родительском доме. Помолились, возблагодарив Господа за посланные дары.

Старший сын вдруг заметил старую табличку.

«— Давай снимем», — говорит отцу, — так не хочется вспоминать о тех тяжелых временах. Ведь теперь все позади.

— Нет, дети мои, пусть висит. Помните, что и ТАК тоже будет НЕ ВСЕГДА. И учит этому своих детей. Нужно уметь за все благодарить Господа. Тяжкое время — спасибо за испытания. Легко тебе живется — спасибо за достаток. Только тот умеет быть благодарным, кто всегда помнит о вечности”.

— Как красиво и с таким глубоким смыслом. — я была впечатлена этой притчей.

— Мышка, я хочу чтобы ты понимала, так будет не всегда. — он отложил гроздь винограда на прикроватную тумбочку. — Я не представляю свою жизнь без тебя. Но отдаю себе отчёт, что когда-нибудь всё это — он обвел руками комнату — может исчезнуть.

— Я не хочу и думать об этом. Когда двое влюблены друг в друга им все нипочем. Любая преграда не преграда! — горячо воскликнула я.

— Возможно, Мышка. Но я предпочитаю верить в лучшее, готовясь к худшему.

Я лежала рядом с ним озадаченная. Что он хотел всем этим сказать? Что готов расстаться со мной? Что не боится меня потерять или что понимает, что так не может продолжаться вечно и когда-нибудь настанет пора прощаться? У меня появилось больше вопросов, чем Море мог мне дать ответов.

— Ты помнишь нашу поездку в горы? — в домике так уютно потрескивал электрический камин, а за окном бушевала непогода. Снег сыпал с неба, не прекращая. Ветер подхватывал его своими порывами и разносил по округе. Я полулежала на диване, обложившись подушками, а Море тем временем мариновал шашлык на небольшой кухоньке, которая была в двух метрах от меня.

— Конечно, помню. — он разрезал большой кусок мяса на маленькие кусочки. — А почему ты спрашиваешь?

— Эти выходные мне напоминают о той нашей поездке. Тоже была зима, за окнами снег. Домик, правда, был не такой сказочный и уютный. Мы с тобой приехали всего на несколько дней туда. Но воспоминания меня греют до сих пор. Поэтому так важно наполнять нашу жизнь событиями. Создавать их. А мы с тобой за последний год виделись всего пару — тройку раз. Это преступно мало.

— Согласен. Но, Мышка, у меня своя фирма, которая требует много времени и моего личного присутствия. Каждый раз, когда мы с тобой уезжаем на несколько дней, рабочий процесс останавливается. Я не могу никому перепоручить свои обязанности и потом приходится усиленно нагонять упущенное время. Плюс у меня есть семья, как и у тебя. И не всегда мы можем сбежать от них так, чтобы это не было очень подозрительно. А с весны и вовсе своё свободное время я буду проводить на стройке собственного дома. Я так много построил домов людям, что теперь настало время для своего собственного. — Проговорил Море, одновременно нарезаая лук для маринада.

А я, слушая его слова, поняла, что моя жизнь проходит от встречи к встрече с ним. В остальное время, пока мы не видимся, моя жизнь слово стоит на паузе. Но его жизнь не стоит на месте, она насыщена и для меня в ней так мало выделено времени.

— То есть мы ещё меньше станем видеться, пока ты не построишь дом?

— Я что-нибудь придумаю, не переживай. — Море снял наручные часы и разминал теперь лук руками.

— Ты мне это уже обещал в ту поездку в горы. — едва слышно проговорила я.

— Что, Мышка? — он перемешивал мясо с луком.

— Ни-че-го. — бесцветно ответила я. Море продолжал размешивать мясо, а я вспомнила, как в ту поездку впервые ощутила укол собственной совести.

Я думала, что воспоминания о нашей поездке уже не такие яркие и не так болезненно будет вспоминать об этом. Но я ошибалась. Стоило потревожить их, и они как стайка испуганных голодных скворцов, которых прогнали с урожайного поля, разлетелись и снова осели в памяти.

«— Мышка, возьми в моём чемодане фотоаппарат, хочу, чтобы сегодня было много фотографий. — Море резал рыбу на стейки, хотел пожарить её на углях. — Я был здесь в 2008 году. О, знаешь, какие потрясающие здесь закаты! Хочу оставить на память как можно больше фотографий. Постарею и вспомнить не смогу. А так, взглянул на фото, и всё в памяти освежилось. — он улыбнулся своей же шутке, но я этого не увидела, а услышала по голосу. Прошла в соседнюю комнату, достала из-под кровати его чемодан, открыла. Сверху лежал хороший полупрофессиональный зеркальный фотоаппарат, а под ним рисунок на белом листе. Я не хотела что-то разглядывать в его чемодане, но увидела надпись «Папочке» на листе сверху. Сердце болезненно сжалось. Я взяла в руки рисунок. На нем детской рукой были нарисованы человечки: папа, мама и двое детей. Солнышко неровным оранжевым кругом выделялось в углу листа. Сзади нарисован был дом, а внизу неаккуратно, но старательно было выведено «люблю». На рисунок упала и разбилась капля. Я вытерла глаза, провела ладонью по нему, убирая слезинку, убрала лист обратно в чемодан и закрыла его. От слабости ноги подкосились, я присела на пол и закрыла ладонями лицо, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Он нужен детям. А сейчас он рядом со мной, буквально за стенкой, готовит нам ужин и планирует сегодня фотографировать со мной закаты в горах. Кто я такая? Разве могу я его просить быть рядом со мной? Разве могу претендовать на него? Нет, не могу. Я ощутила себя такой несчастной. Нет, не то чтобы я не знала, что у него есть дети и жена. Просто они для меня всегда были призрачны, будто нет их. А когда я увидела прямое доказательство того, что они есть, что они из плоти и крови..., как же оказалось больно падать вниз, взобравшись так высоко. Слезы струились из глаз и разбивались о вельветовые коричневые спортивные брюки, в которых я сегодня была. Захотелось оказаться где угодно, но только как можно дальше от этого чемодана, который хранил в себе частичку семьи Моря. Хотелось перестать ощущать себя такой испорченной.

Я в одночасье стала себе так противна, будто на меня вылили ушат грязной воды, помоев каких-то. В горле стоял комок, слезы струились по щекам, я перестала их вытирать, плечи беззвучно тряслись. Я со всей полнотой чувств ощутила, что наша связь с Морем может причинить кому-то боль.

— Что такое, Мышка? Ты плачешь? — он зашёл в комнату и обнаружил меня сидящей на полу и отчаянно жалеющей себя. Слезы промочили брюки, нос покраснел и распух, а глаза щипало от попавшей в них туши. — Что произошло? — голос его был как мёд сладок и нежен. Он обволакивал меня.

— Я п-плохая и мне н-надо уехать сегодня ж-же. — от рыданий началась икота, как со мной бывало с самого детства, и я не могла с этим ничего поделать. Я понимала, что выгляжу не лучшим образом, но мне было решительно всё равно.

— О чем ты говоришь? Почему ты плохая? Я ничего не понимаю. — что мне нравилось в нем, так это то, что он никогда не повышал голоса. Даже когда всё шло непонятно как, он всегда себя держал в руках и не унижался до крика. Вот и теперь спокойно и рассудительно спрашивал, в чём причина моей истерики. Но я не могла говорить не икая, а это меня саму начинало раздражать. Потому я молча открыла его чемодан одной рукой, всё ещё сидя на полу, и, вытащив рисунок его дочери, протянула лист. Он молча смотрел на рисунок и по тени, пробежавшей по красивому лицу, я поняла, что он его не видел. Очевидно, уже после того, как он собрался, ребёнок положил его в чемодан.

— Ты нашла это в моем чемодане?

— Д-д-а.

— Мне жаль. Если бы я знал, что он там лежит, я бы не просил тебя заглянуть в него и взять фотоаппарат. — я слышала искренность в голосе, и оттого еще горше стало на душе. Я поняла, что и Море испытывает те же эмоции, и ему тоже невообразимо тяжело так жить, как живём мы. Иметь семью, улыбаться родным детям, говорить, что все хорошо, но ощущать, как ты несчастен в браке и желать быть далеко от всего с единственным человеком. Нет, это не значит, что дети не нужны, разве это возможно? Но как хочется забрать детей, его и моих, и оказаться вместе с ними далеко-далеко, пусть даже здесь, высоко в горах. Ощущая себя одной большой семьёй. Но это невозможно. Дети бесхитростны и могут, даже не желая того, выдать неверных родителей.

— Почему всё так? — слёзы перестали струиться из глаз, но состояние было такое, словно меня за ноги привязали к лошади, и она протащила меня по земле великое множество километров.

— Я не знаю, Мышка. Не знаю, почему судьба так жестока. И отчего мы встретились с тобой так поздно. — Он не касался меня, очевидно, не зная, как я отреагирую на это после своей истерики. — Я так запутался. Я не знаю, как нам с тобой быть. У обоих есть обязательства перед семьями, но это не значит, что я не могу мечтать и хотеть быть рядом с тобой. — Море впервые за долгие минуты коснулся моей щеки, вытер слезинку, вновь сорвавшемуся с ресницы. Я смотрела на него тогда во все глаза, желая запомнить лицо, морщинки у глаз, ласковую улыбку. Как мне хотелось запечатлеть в памяти всё, что никогда не будет принадлежать мне. Сердце гулко стучало в груди. Казалось, что его удары слышны повсюду. Порывисто обняв Море, я ощутила то тепло, которого мне не доставало всё это время, которое я позже одинокими вечерами хранила в памяти. Тепло разлилось по телу, и сердце наполнилось радостью. Да, связь эта, пусть и запретная, грешная, но, быть может, именно благодаря ей я могу свободно дышать и видеть яркие краски. Две души словно слились воедино. Нам больше не нужно было сейчас ничего. Только быть рядом, сидеть на полу у открытого чемодана, на котором лежал детский рисунок, и ощущать друг друга.

— Я обещаю тебе, я что-нибудь придумаю! — горячо проговорил он, крепко обнимая меня в ответ.

Это воспоминание было заперто в моей памяти, я не желала, чтобы оно вылезло на поверхность. Но сегодняшней вечер был так схож с тем, что я не в силах была остановить его.

Море мыл руки, шашлык мариновался. А я сидела и смотрела на красиво горящий электрический камин, который весело потрескивал в домике.

"Что-нибудь придумаю" какая многообещающая и вместе с тем не имеющая конкретики фраза. Я взглянула на высокого статного взрослого мужчину рядом с собой и подумала о том, что готова довольствоваться даже этими крохами ради него, ради нас.

Глава V. Касаясь Ветра.

Вечер воскресенья наступил так быстро, что мне хотелось плакать. За единственную отведенную нам ночь субботы, я, как жадная губка, старалась впитать Море в себя. Мы той ночью, как могли, силились не уснуть, чтобы как можно больше сказать друг другу, как можно сильнее прочувствовать этот вечер и насладиться объятиями. Я не отрываясь всматривалась в его лицо, жадно ловя каждый его взгляд и вбирая в себя каждое его

прикосновение. Внутри меня что-то сладко сжималось, когда он целовал мои ладони, когда нежно проводил пальцами по моему лицу и крепко обнимал.

Мы собирались в тишине. В той же тишине ехали обратно в город Непогод. Он всю дорогу держал меня за руку и когда прощались возле моего дома, как-то по-особенному меня целовал.

Я вышла из его машины со своей спортивной сумкой и почувствовала, что больше не в силах держать всю тяжесть своего положения в себе. Сейчас я как никогда готова рассказать Ветру обо всём.

Поднявшись в квартиру, автоматически отметила оглушающую тишину, которой она меня встретила.

Я соскучилась по сыну. Завтра вечером родители его привезут ко мне, а пока есть время разобрать вещи после поездки, постирать их, приготовить еду на ближайшие дни и немного поработать.

Сбросив сапоги, сняв куртку и повесив её на вешалку, я устало посмотрела на себя в зеркало. Глядя вчера с утра на своё отражение, я отметила, как у меня горят глаза. А после поездки появилась какая-то обречённость. Я знала, что мне будет ещё тяжелее расставаться сегодня с Морем, чем до этих совместно проведённых выходных. И тем не менее поехала с ним куда глаза глядят. Мне было с ним так хорошо, так спокойно и радостно, что прощаться было выше моих сил. К тому же я знала, что прощаемся мы надолго. Он ясно дал понять, что у него так мало времени, которое он может проводить со мной.

Я прошла в спальню, переделалась в домашние вещи, туго завязала волосы в хвост.

Хандра напала на меня из-за угла и стала душить. Я знала лишь один работающий лично у меня способ сбросить её с себя — включить громко музыку и начать танцевать. Заставляя себя это делать вначале, затем же я знаю, что уже будет не остановиться.

Я посмотрела на настенные часы. Половина девятого. Время, когда я могу позволить себе включить музыку и не бояться, что помешаю соседям. Где-то там, по снежному городу Непогод пробирается к себе домой Море. Его встретят дети и жена. А мне мой Муж за три дня командировки не позвонил ни разу. Такому мужу удобно изменять, мимолетно подумала я. Ему даже не нужно лгать и придумывать какие-то легенды. Он не звонит и не интересуется вообще ничем, ссылаясь на дикую занятость в командировке.

Я включила музыку, на пульте прибавила громкость, и в полумраке комнаты — свет шёл только от торшера, стала танцевать. Сначала медленно, не попадая в такт, отягощённая собственными проблемами. А затем всё более отдаваясь во власть музыки, подхваченная её волнами и уносимая в ритме, дарящем освобождение от мрачных дум.

Сколько прошло времени с момента моего погружения в музыку и танцы, я не знаю. Но закончила я полностью обессиленная и готовая упасть прямо на пол. Мои шаманские танцы принесли мне хоть и временное, но такое желанное освобождение от переживаний.

Изнемождённо рухнула на диван. Руки, ноги распростёрлись по поверхности. Я смотрела в потолок невидящим взглядом. Эти танцы — моя личная медитация.

— Привет, Лучик. — Я услышала улыбающийся голос Ветра. Привстав на локтях, увидела его ухмыляющееся лицо.

— Только не говори, что ты это видел. — я рухнула головой на диван и подушкой закрыла лицо. Мне было так неловко.

— Что видел? — по голосу слышала, что он подтрунивает надо мной. Он определенно наблюдал мою "медитацию" и теперь откровенно смеялся.

— Ты дождешься, я заварю эту дверь на балкон. — промычала я в подушку.

— Лучик, я не так давно пришёл. Чего ты там застеснялась? Всё было весело, в какой-то момент я хотел присоединиться к тебе, но подумал, что могу только помешать. — он ухмыльнулся. Я почувствовала, как диван просел под его весом рядом с моим бедром. — Выходи из своего укрытия. — он попробовал убрать подушку с моего лица, но я ещё крепче схватилась за неё.

— Никогда отсюда не выйду теперь. — несчастно проговорила я. Затем, убрав подушку из-под полуопущенных ресниц, посмотрела на Ветра. Он улыбался во весь рот. Я не сдержалась и тоже заулыбалась. Ещё на один шаг мы стали ближе друг к другу. Ещё одна моя маленькая тайна раскрыта перед ним. Пусть и не осознанно. Я помрачнела. Осталась ещё одна тайна, которая будет совсем не милой в его глазах. Как эта, с которой он только что познакомился.

— Я скучал по тебе, Лучик. Мы не виделись так долго, и пропустили несколько наших пьяных откровенных пятниц. — Ветер помог мне подняться, из гостиной мы прошли в кухню. Я плюхнулась на диван, Ветер сел напротив на стул. За окном чёрным покрывалом укрылся город Непогод.

— Я тебя не видела с самого открытия твоего ресторана! Сколько прошло времени? Месяц?

— Да, около того. — он с теплотой смотрел на меня. — Прости, я сейчас так был занят, что просто не было времени забежать к тебе.

— Ничего, я всё понимаю, ресторан требует много энергии. Но, я надеюсь, когда вы встанете на ноги, у тебя появится больше времени для себя и, возможно, для меня? — поинтересовалась я.

— Ты знаешь, мы достаточно неплохо начали. У нас уже есть постоянные гости, практически всегда полная посадка. Так что, я думаю, когда мы найдём хорошего управляющего и су-шефа, я смогу немного расслабиться. Ведь сейчас у нас ни того, ни другого нет. Управляющий, которого наняли незадолго до открытия, ушёл от нас, не потрудившись об этом даже уведомить, просто не вышел на работу. С кадрами сплошные проблемы. Но мы боремся с этим. — он посмотрел на наручные часы. — Ты давно ела?

— Эм, да, в обед, кажется. — я вспомнила, как ела в последний раз с Морем и сразу стало грустно.

— Хочешь я приготовлю что-нибудь?

— Уже поздно, всё это нездорово отразится на фигуре. — я улыбнулась.

— Ой, брось, ты идеальна. Паста твоей фигуре не мешает. — Ветер бодро поднялся со стула и прошёл к холодильнику. По-хозяйски открыв его и взяв что ему необходимо, пошёл к мойке. — Так где ты провела свои выходные? Когда ты мне в субботу написала, у нас была полная посадка, я не смог тебе сразу ответить. Так и не понял, куда ты уезжала. К родителям? — он мыл овощи под проточной водой.

— Нет. — Только и ответила я.

— Так. А где ты была, если не у них? Насколько я помню, твой муж в командировке, да и сейчас его дома нет. Значит, ты была не с ним. — он нарезал мелким кубиком томат, время от времени поглядывая в мою сторону.

— Помнишь, я тебе как-то говорила, что есть одна вещь, которой я хочу с тобой поделиться уже давно. Но всё время одёргиваю себя, боюсь, что ты меня осудишь и я потеряю единственного друга, который у меня есть? — начала я медленно.

— Помню. — коротко ответил Ветер, уже очищая баклажан, который нашёл у меня в холодильнике.

— Я должна поговорить с тобой. А тебя прошу попробовать меня понять, ну если не понять, то хотя бы не осуждать. — как же сложно было признаться в связи с Морем даже Ветру! Но и держать это всё в себе я больше не могла. Меня тяготила эта тайна и я хотела очистить свою совесть.

Невыносимая усталость навалилась на моё тело, сердце ныло, но я не отрываясь смотрела на друга. Он хозяйничал на кухне, замочил в воде уже нарезанный баклажан, теперь отделял на соцветия брокколи. Я и не знала, что у меня в холодильнике была брокколи! Ветер молчал. Вероятно, давал мне время собраться с мыслями и поделиться тем, что в душе лежит тяжёлым камнем. Благодарение Богу, в моей жизни были лишь достойные мужчины, будь то Муж, Море или мой драгоценный друг.

— Понимаешь, я всегда была слишком правильной. — зашла я издалека. — делала только то, что от меня ждали другие. Родители от меня ждали, что я с отличием окончу школу, и я закончила её с золотой медалью. Затем, они ждали, что я поступлю в престижный университет, и я туда поступила. Да ещё окончила с красным дипломом. Ждали, что я найду достойную работу, и я её нашла. Потом я встретила своего будущего мужа. Тут уже он ждал, что я выйду за него замуж и я таки вышла. Не испытывая особой радости от этого, просто привыкла всегда делать лишь то, что от меня ждали. Я ДОЛЖНА была это делать. Это всё так глупо, но для меня было само собой разумеющимся. Так будто было правильно. Единственно правильно. Все от меня этого хотели. Я родила ребёнка потому что этого захотел муж, и потому что так положено, родить ребёнка в браке. Не смотря, на то, что тогда я к этому совсем не была готова. Я живу так, как того хотят другие, по законам и правилам своих близких. Я играю роль приличной жены, матери своего ребёнка, финансового аналитика в компании, в которой десять лет работаю. Но я не живу полной жизнью. Я словно замурована в этом теле, в этой действительности, которую мне диктуют окружающие. Я не вижу ярких красок жизни, я не ощущаю дыхание природы, солнце в моем мире тусклое, деревья из пластмассы, а пения птиц вовсе не слышу. Я не живу, я не чувствую этого. Я словно во сне, в каком-то глупом и очень утомительном сне. И вот, я всё жду, когда же я проснусь. Когда же я снова начну дышать этим миром. Когда буду слышать щебет птиц, ощущать теплые лучи солнца на своём лице и дуновение тёплого весеннего ветра. Я жила в ожидании, все эти годы будто проживала не свою жизнь, играла роль. Будучи, наверное, хорошей актрисой, заставила поверить всех вокруг, да и себя, собственно то же, что я удовлетворена этой жизнью, что у меня всё хорошо. Я перестала засыпая, представлять свою идеальную жизнь, жизнь, которая уже никогда у меня не будет. Ведь я сделала неправильный выбор выйдя замуж не за того, и живя чьими-то ожиданиями. Однажды, я проснулась от этого сна. Сна, в котором всё было словно в чёрно-белой замедленной киноплёнке. Я стала ощущать всё, всю прелесть внешнего мира, Ветер, представляешь??? Я стала собой, это было странное чувство, я могла дышать полной грудью. Где-то читала, что человек использует лишь двадцать процентов своих лёгких для дыхания. Так вот я, дышала на все сто процентов! Я чувствовала тепло этого мира. Это было летом несколько лет назад. Научил меня дышать один человек, который, казалось, всегда был в моей жизни. Он так гармонично вписался в неё, что я даже не сопротивлялась этому вторжению. Я сама того не осознавая, впустила его в самую глубину своего сердца, туда, где не был никогда мой муж, туда, куда уже никто и никогда не зайдёт. Он принёс чемоданы в моё сердце, намереваясь,

надолго в нем обосноваться. Я понимала его, а он понимал меня. Это был не совсем обычный роман, это было словно воссоединение тех самых двух частей одного целого. Тогда нам не казалось, что мы совершаем что-то запретное, что мы не должны этого делать, понимаешь? Всё было так, будто мы не виделись много-много лет и вот, наконец, произошла наша встреча. Миллионы лет наши души искали друг друга и только в этой жизни встретились. Мы упивались днями, часами, минутами, проведёнными вместе. Мы боялись потерять связь друг с другом даже на несколько часов, порой не спали целыми сутками, чтобы не потерять драгоценного времени и успеть насладиться друг другом. Спросишь, не приходило ли нам в голову, что наша связь неправильна и может причинить боль нашим семьям? Я отвечу тебе, Ветер. Но начну издалека...

— Когда я вышла замуж за своего Мужа, в моей душе теплилась надежда, что я смогу его полюбить. Да, я понимала, что это не совсем тот человек, которого я ждала всю свою юность. Но мне с ним было хорошо, спокойно, уютно, что ли. Я осознавала, что любовь со всей бушующей страстью, которая ей присуща, всё равно рано или поздно у всех проходит. И наступает то, что чувствовала я к своему Мужу — доверие, благодарность и уважение. Да-да, то самое уважение, которое вытекает из бурной бушующей любви. Так вот, когда я ставила подпись в свидетельстве о браке, я осознавала, что мы перешагнули через одну ступень. Любви-то не было. Было всё, кроме неё. Тем спокойнее казалась семейная жизнь. У нас не было недопонимания, не было даже ссор. Мы спокойно существовали вдвоём. Но в том-то и дело, что только существовали. Это была странная пародия на отношения и на брак. Я не могла спокойно смотреть на пары, пропитанные романтической любовью, которые видели то тут, то там. Я немного даже завидовала им, понимая, чего лишена. Как я ни старалась, не могла ничего с собой поделаться. Ты думаешь, я не пробовала убедить себя в том, что мне не нужна никакая любовь? Что я и без неё счастлива со своим Мужем? Я пыталась, видит Бог, я пыталась, как могла. Я осознавала, что мне достался в мужья хороший человек, добрый, понимающий, честный, щедрый. Все положительные стороны будто бы собрались в нём. Но этого оказалось для меня мало. Я хотела любви. Понимала, что и он заслуживает её также, как и я. Но не могла с собой нечего поделаться. Я была с ним чёрствой и сухой. Порой чувство вины душило меня своими холодными руками, и я становилась с ним ласковой, но только из жалости и всепоглощающей вины. Я пыталась с ним говорить, старалась объяснить, чего я жду от отношений, чего хочу. Он понимающе кивал головой, но я осознавала, что ему не под силу понять безумства отчаявшейся женщины. Была ли я честна с ним, когда выходила за него замуж? Да. Он знал, что я не ощущаю той самой чистой и светлой любви. Но он, как и я, надеялся, что всё к нам придёт. Он всегда говорил, что это не самое главное в отношениях, важнее уважение, которое мы испытываем. И его чувств хватит на нас двоих. Я всё равно ждала, что любовь постучится в мои двери, когда мы станем жить вместе, потом, когда распишемся с ним. Последней надеждой стало рождение малыша. Я надеялась, что после этого точно придёт в нашу семью любовь. Но, видно не суждено было... Я стала отдаляться от него, не забывая играть роль хорошей жены. Но это была пародия. А знаешь ли ты, что без любви жить нельзя? Думал ли ты про это? О том, как невозможно жить на одной жилплощади с мужчиной, которого не хочется обнять, поцеловать, с которым тебе не хочется говорить, ждать его с работы? Это невыносимо, должна я тебе сказать. Ежедневно выполнять механические действия, когда в душе пустота. День за днём играть роль, чуждую тебе. Если бы я не встретила человека, благодаря которому я стала дышать, жить, я, наверное, рано или поздно просто сломалась бы. Если бы не появился он тогда в моей жизни, я бы погибла.

Погибла, так и не узнав, что любовь существует не только в сказках и фильмах. Ты осуждаешь меня, наверное. — я не дала ему и секунды для ответа — Думаешь, что я обычная изменница, которая оправдывает себя? Твоё право. Но знал бы ты, как я была счастлива эти несколько лет, живя пусть даже не полноценной счастливой жизнью. А лишь урывками, имея возможность быть рядом с тем, с кем хотелось дышать одним воздухом, с кем хотелось поделиться всем, что у тебя есть.

Ветер молчал. Замолчала и я. Осуждал ли он меня? Кто знает. Весь свой монолог я проговорила на одном дыхании, боясь посмотреть ему в глаза и увидеть в них презрение ко мне. Так и не услышав от него ни слова, тяжело вздохнув, я продолжила:

— Можешь ли ты представить, у него тоже была грустная история любви. Его жена резко изменилась после свадьбы и на смену спокойной, умной и понимающей женщины пришла жёсткая, властная и грубая стерва. Она не давала ему сделать шага. Бесконечный контроль и подчинение. Он думал, она смягчится после рождения ребёнка. Но всё только усугубилось. Она стала неуправляемой, и порой ему казалось, что она сходит с ума от ревности и агрессии. Все попытки вразумить и успокоить заканчивались плачевно. Вскоре он отчаялся что-либо сделать с ней и просто ждал, когда это у неё пройдёт. Однажды ему необходимо было ехать в командировку в соседний город. Сколько было проклятий послано в его адрес, сколько ему пришлось пережить перед отъездом. А ведь он действительно должен был там работать. Поэтому, отвечая на твой невысказанный вопрос — нет, мы тогда совсем не жалели о том, что встретились. Нас не мучили угрызения совести. Мы жили, упиваясь теми мгновениями, что нам были с ним отпущены. Ты осуждаешь меня? — я первый раз за весь мой долгий рассказ взглянула Ветру в глаза, в них я увидела то, что боялась увидеть. В них плескалось разочарование и усталость. Похоже, он не ждал от меня подобных откровений, А я не могла больше держать все переживания в своей душе. Ни один человек не знал обо мне с Морем, и порой мне казалось, что сердце треснет пополам от невысказанной боли.

Ветер молчал. Он перестал нарезать овощи, почти с самого начала моего рассказа сидел напротив и глядел на меня как-то странно. Но вот, наконец, тяжело вздохнув, он тихо спросил:

— Когда ты окончательно поняла, что не полюбишь своего Мужа почему ты не развелась?

— Я понимала, что так живут многие семьи. Тем более мне даже грешно было жаловаться. Муж-то мой не пьёт, меня не бьёт, не изменяет мне. Просто нет любви между нами. Но так многие ведь живут, правда? Вот и я решила, что ради сына мы будем считаться нормальной семьёй.

— А когда ты встретила того..., того кхм, мужчину? Почему ты не ушла от Мужа? — Ветер устало потёр глаза.

— Если бы я видела, что мой уход от мужа приблизит меня к совместному жительству с Ним..., я бы ушла. Но я понимала, что он-то жену и детей своих не бросит. Даже ради меня. Даже ради любви. Долг для него стоит на первом месте.

— Я думаю, сейчас тот самый случай, чтобы рассказать тебе о том, как я оказался твоим соседом... — Ветер поднял на меня свои глаза, цвета расплавленного шоколада и в них я увидела то, от чего по телу побежали мурашки.

Ветер встал из-за стола, достал из моего шкафа бутылку виски, которую он как-то принёс со старой работы. В наши пьяные откровенные пятницы мы пили либо вино, либо

виски добавляли в кофе. Эта бутылка была даже не распечатана. Взяв со стола два бокала, он наполнил каждый из них наполовину. Один поставил передо мной, второй держал в руках, слегка покачивая, наблюдая, как янтарная жидкость лизала стеклянные стенки.

— Я никогда тебе не рассказывал о том, как переехал сюда, стараясь забыть свою прошлую жизнь. Но сегодня мне хочется с тобой этим поделиться. Думаю, моя история откликнется у тебя в душе.

Мои родители развелись, когда мне было восемь. У меня в памяти до сих пор встают образы из прошлого: страшная ссора, слёзы и мольбы отца не уезжать, гневные речи мамы и её решимость, когда она собирала наши вещи. Мы взяли с собой лишь одну лёгкую полупустую сумку на двоих. В которой была одна моя игрушка — синий заяц с оторванным ухом, пара моих скомканных вещей и несколько наспех брошенных платьев моей мамы, которые она в гневе сорвала с вешалки, повреждая ткань. Мы на последние деньги купили билеты в далёкий город N, о котором в своей незрелой жизни я ни разу не слышал. Помню перрон, серые равнодушные лица прохожих, все толкаются, гудок поезда и жёсткое сидение плацкартного вагона. Мы приехали в незнакомый мне до этого город, в котором жила мамина сестра. Я видел её всего несколько раз за свои восемь лет. Помню, уже смеркалось и срывался мелкий снежок. Холодно было очень, а на мне была лёгкая осенняя курточка. Я ёжился и всё бежал за мамой, которая решительными шагами пересекала привокзальную площадь. Я семенил за ней до автобусной остановки и, сойдя со старого ржавого скрипучего автобуса, до дома тётки. Мы прожили у неё тогда два долгих года. Тётка оказалась сварливой и отчего-то люто невзлюбившей меня. Сказать, что я был сильно балованным ребёнком, я не могу. Но моё присутствие раздражало мамину сестру до головной боли, от которой она потом лежала в своей постели и жалобно, даже скорее не жалобно, а надрывно, с укоризной стонала. У нее не было своих детей, и присутствие в доме ребёнка было для неё тяжёлым испытанием. К счастью, через два года мы съехали в комнату коммунальной квартиры на другой конец города. Это было неплохое для меня время. Мы с мамой были вдвоём и, нуждаясь друг в друге, духовно сблизились. Но и здесь мы надолго не задержались. Маме предложили работу в соседней области, и нам пришлось переехать. Отца я не видел с восьми лет, но он и не рвался к общению со мной. Переехав в ещё больший город, чем тот, в котором мы несколько лет прожили, жизнь потекла совсем иначе. Мама устроилась в крупное предприятие и перестала практически интересоваться моей жизнью. Она поздно возвращалась домой, уезжала в длительные командировки, и в свой переходный возраст я влился самостоятельно. Не горжусь своим поведением в то время, но без того меня не было бы сейчас настоящего. Не стану описывать всего, но скажу так, что вспоминать об этом мне неприятно по сей день. Когда я был на последнем году учёбы в школе моя мама вышла замуж во второй раз. Плотная занятая своей личной жизнью, она практически самостоятельно отрезала все нити, связывающие нас в моём детстве. Муж ей попался неплохой, но она была из тех женщин, что отдавались эмоциям на все возможные проценты. И я ей, как это ни грустно, только мешал. К тому времени она полностью утратила контроль надо мной и моей жизнью, а я, как это свойственно подросткам, которые росли на улице, был неуправляем. Мы много и серьёзно ругались. И наши отношения с мамой дошли до того, что она меня выставила из дома, заявив, чтобы я больше никогда не появлялся в её жизни. Ужасный, необдуманный поступок, не правда ли? Но ещё более безрассудным было с моей стороны поддаться юношескому максимализму и, собрав сумку, с несколькими смятыми вещами, и синим зайцем с оторванным ухом, ставший моим талисманом за эти годы, уехать

куда глаза глядят. Уже отойдя от билетной кассы вокзала, я осознал, что в руке у меня был смятый билет в город, в котором я родился и рос восемь лет. Город, в котором я был счастлив и несчастлив одновременно. Город, который я потерял в одночасье.

Я приехал тогда к отцу ранним утром. Помню, как стоял у калитки его дома, в котором некогда жили мы с родителями. Калитка была не заперта, но входить я боялся. Отец не звонил мне девять лет, а пара звонков, которые делал я, встречались его сухим тоном, и вскоре я перестал звонить. Теперь же, будучи взрослым, я боялся, что здесь меня снова не ждут. Что отец, так же, как и мать, меня выгонит из дома, где мне не место. Не знаю, сколько я тогда стоял, прислонившись лбом к холодной железной калитке, не осмеливаясь войти. Мимо меня проходили люди. Кто-то даже спросил у меня, что мне нужно и могут ли мне помочь. Были ли это соседи отца или просто прохожие люди, я не знаю, но я не отзывался. Мне нужны были силы. Мне, юному парню семнадцати лет, выросшему практически на улице, было по-настоящему страшно, что от меня сможет отказаться второй родной человек вслед за мамой. Калитка скрипнула, когда я, набравшись смелости, толкнул её от себя. Двор был небольшой, но сильно запущенный. Мой детский мозг запомнил его совершенно другим, намного больше и чище, чем он предстал моему взору. Тут и там лежали груды мусора, металла. Под худым навесом, прислонённой к западной стене дома, стояла старая железная, с пружинами кровать. Тут же лежал на боку поломанный деревянный стул. Тут и там росла огромная, с меня ростом, трава. Вид у двора был нежилой.

Ветер встал из-за стола, где я напряжённо его слушала. В его голосе сквозила печаль и давняя, но не забытая боль. Он подошёл к окну и невидящим взглядом устремился в густую зимнюю тьму. Я послушно ожидала продолжения его рассказа. Но он так долго молчал, что мне казалось, уже не станет продолжать. Однако Ветер отделился от окна и снова сел напротив меня за стол, продолжая:

— Я подошёл к входной двери, слегка нажал на ручку, и она отворилась с протяжным жалобным скрипом. В нос мне ударил неприятный запах. Подавляя в душе тревогу, я скользнул в полумрак дома. Старые ссохшиеся половицы скрипели под моим весом. Глаза не сразу привыкли к полумраку, и я то и дело спотыкался о разбросанные на полу вещи. Дом был небольшой, старый. Здесь когда-то жили родители моего отца. В доме было всего две жилые комнаты, кухня и ванная, уборная была на улице. Минуя первую комнату, я прошёл во вторую, готовясь к худшему. Здесь было немного светлее. Из маленьких, плотно зашторенных окон слабо пробивался свет. Среди беспорядка на диване лежал отец. Я подбежал к нему, страшась самого ужасного, но когда коснулся его, понял, что он крепко спит. Видно, от страха, я боялся все это время дышать и не ощутил запаха перегара, повисшего в комнате. Всё встало на свои места. Отец был беспробудно пьян. Не стану долго описывать всю свою жизнь в отчете доме, но одиннадцатый класс я всё-таки окончил, проживая с ним. Он пил много и запойно. Я, как мог, его пытался вытащить из этого состояния. Сначала он пил от радости, что я приехал. Потом, потому что соседская младшая дочь вышла замуж, а потом и вовсе просто так. Я убирал дома, готовил отцу и себе, разобрал хлам, выкинул со двора весь мусор и навёл везде порядок. Но отцу, казалось, было всё равно. В редкие моменты между запоями он говорил со мной о маме. Это была единственная тема, которая его интересовала. А я не мог отказать ему, а главное, себе, в том, чтобы по-человечески поговорить с ним. Он рассказал мне о своей молодости, о том, что очень любил мою мать. Но был он человеком слабым и не мог перестать пить. В один из таких дней, когда он не помнил себя от пьянства, он замахнулся на свою жену, и это стало последней

капель для неё. Он клялся, что не ударил бы её, но это уже было неважно. Она в спешке собрала вещи и вместе со мной навсегда исчезла из его жизни. Отец догадывался, что она сбежала к своей единственной сестре, но ехать за нами не стал. Понимал, что пить бросить он не сможет, а на других условиях она не вернётся. Так и прошли эти девять лет, пока я не приехал к нему. И порой — он сделал паузу — лучше двум людям развестись сразу, чем тянуть ради детей бессмысленные отношения. И ты знаешь, мы так и не стали с ним близки. В день моего выпускного вечера он умер, оставив меня в одиночестве. Я прожил после его похорон в старом доме лишь неделю. Потом приехали дальние родственники отца, о которых я никогда в жизни не слышал. И попросили, а вернее потребовали, чтобы я покинул дом, в котором теперь будут жить они. Я был молод, неискушён в наследственных делах, и больше в этом городе меня не держало ничего. Я купил билет в город, в котором осталась жить мама с отчимом, но по приезде понял, что не сильно им там нужен. Пошёл учиться, окончил высшее учебное заведение, сходил в армию, успел поработать. Я старался с мамой не прекращать общения все эти годы. Приезжал к ней раз в месяц стабильно. Но она всё время была чем-то занята, и наше общение сводилось к сухому обмену информацией. И вот, встретив прекрасную девушку, решив жениться, долго думал, приводить её знакомиться с мамой или нет. Честно скажу, эта идея не вызвала у меня положительных эмоций. Чувствовал, что может всё пойти не так гладко, как хотелось бы. Но, успокоив себя тем, что это же моя мама, мой родной человек, я отбросил страхи и сомнения, и мы поехали знакомиться. — тут голос его стал тише и печальнее. — С самого начала всё пошло не по плану. Мой отчим, когда мы пришли, слишком много стал уделять внимания моей избраннице. Я с трудом её отдираю из его цепких объятий. Это, разумеется, повергло мою мать в бешенство. Сначала разговор с трудом клеился, но с каждой минутой в воздухе все больше ощущалось приближение грозы. Не хочется это всё детально вспоминать, но если вкратце, то мама моя обвинила меня в том, что я специально привёл с собой развратницу, чтобы совратить её мужа. Был жуткий скандал, финалом которого было заявление мамы, что она никогда не благословит нашу пару и больше ноги в её доме, чтобы не было этой...эм, женщины. После этого дня избранницы у меня больше не было. Как я ни силился ей всё объяснить, она и слышать про меня и мою семью не хотела. Я не винил её в этом, но сложно переживал этот момент своей жизни, силясь понять поступок мамы и не позволить этому событию испортить всё. Много работал, появляться стал в отчем доме раз в год под Рождество. Всё время теперь моё занимала работа. Параллельно заканчивал аспирантуру. И там, среди бесчисленных запруженных людьми коридоров, я встретил прекрасную девушку, с которой какое-то время был счастлив. Но это счастье продлилось недолго. — он откинулся на спинку стула, запрокинул голову и закрыл глаза. В таком положении он просидел пару минут.

Я молчала и боялась пошевелиться, не хотела спугнуть его откровенный поток мыслей. Но буквально нутром ощущала этих демонов, что преследовали его всю жизнь. Они сейчас вышли из его души и кружили вокруг его измождённого тяжёлыми воспоминаниями тела. Я так хотела, чтобы они его оставили в покое, что сделала первое, что пришло на ум. Подалась к нему через стол и взяла его за руку, безвольно лежащую на столе. Мне хотелось этим жестом передать ему сил, чтобы он смог и дальше бороться со своими демонами. Он среагировал не сразу. Сначала продолжил полулежать на стуле, затем его ладонь едва ощутимо встрепенулась под моей. Я, не отрываясь, смотрела на его измученное неприятными воспоминаниями красивое лицо. Его веки вздрогнули, и глаза приоткрылись

на мгновение. Затем снова ресницы опустились на щёки. Но спустя пару секунд Ветер поднял голову и в упор посмотрел на меня. Я, подавшись незадолго до этого через стол к нему, оказалась буквально в паре десятков сантиметров от его лица. Виски, выпитые мной во время его монолога, сыграли со мной злую шутку. Я почувствовала себя как-то странно. Глядев в его глаза цвета расплавленного шоколада, ощущала тёплую волну нежности, которая подступала всё выше к горлу. Сегодня я взглянула на него другими глазами. И была поражена до глубины сознания от увиденного и своих ощущений. Я заворожённо рассматривала его, словно никогда не видела прежде. Глаза цвета растопленного шоколада с тем же удивлением глядели на меня. Я словно впервые заметила в своём лучшем друге высокого, статного, красивого настоящей мужской красотой мужчину. Я легонько коснулась его щеки ладонью, провела ею в нерешительности по едва пробивающейся щетине, убрала руку, непонимающе взглянув на ладонь. Доселе не существующие эмоции начали просачиваться наружу, но я к ним не была готова. Ветер глядел на меня не менее удивлённо и как-то устало, будто до него уже успел дойти смысл этих ощущений. Он положил свою руку поверх моей. Я перевела взгляд на неё. Ладонь его была большая и тёплая, она закрыла мою полностью. Он слегка сжал мою руку. Я снова взглянула ему в глаза. В них было столько эмоций, которые я никогда не замечала прежде. Я хотела бы всё это списать на алкоголь, но мы немного выпили. Да и положила руку на сердце, мы выпивали с ним прежде, а таких ощущений не было. В квартире стояла звенящая тишина, Было слышно лишь наше дыхание. Мы говорили глазами, нам не нужны были больше слова...

Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, и я кожей ощущала, как воздух вокруг нас накалялся. Как тогда, в его кабинете ресторана.

Пронзительный звонок в дверь оглушил нас с Ветром и раскинул в разные стороны друг от друга. Сердце лихорадочно стучало в груди от испуга. Никогда прежде не замечала, что у нас в квартире такой громкий звонок. Вздохнув, я встала из-за стола и прошла в прихожую. Даже не взглянув в глазок, открыла дверь.

— Здравствуйте! Пылесос нового поколения с мощностью... — я, не дослушав, захлопнула перед носом торговца пылесосами дверь. Надо же, испортил такой момент. Я понимала, что уже его не вернуть. Это что-то новое для меня. То, с чем нужно ещё разобраться. Возможно уже не сегодня, но я обязательно разберусь с этими эмоциями. Потёрла лицо ладонями, пытаюсь себя привести в чувство, прошла в кухню.

— Прости, продолжай, пожалуйста.

Ветер выглядел уже как прежде, словно не было между нами мгновение назад никакого напряжения. Он похлопал по дивану напротив себя, приглашая меня присесть. Я повиновалась. Он продолжил:

— Я любил её безумно. Это была какая-то нездоровая юношеская влюблённость, от которой я сходил с ума. Не мог заснуть без её голоса, не мог смеяться, когда её рядом не было. Казалось, даже не мог дышать, пока она не позволит. Она тоже казалась влюбленной в меня, выглядела счастливой. Вскоре все мои друзья мне периодически стали намекать на то, что она мне изменяет. Я ругался со всеми, доказывая, что этого не может быть. Спустя время у меня не осталось рядом друзей. Я всех разогнал. Они ведь пытались меня с ней рассорить. Зато была рядом та, которую я боготворил. Мне этого было достаточно. Я жил и радовался, пока однажды сам не увидел подтверждения её неверности. Сначала это были сообщения, приходящие на её телефон. Она говорила, что это ошиблись номером и всё такое. Затем пошли странные звонки глубокой ночью. Она говорила, что кто-то разыгрывает её и это

просто чьё-то баловство. Я вовсе не дурак. Просто легче верить в сладкую ложь, чем услышать горькую правду вопреки поговоркам.

Не думал, что когда-нибудь окажусь внутри дурацкого анекдота про неудачника мужа, который вернулся раньше из командировки. Правда, не совсем из командировки. Я уехал на несколько дней к матери в другой город. Она оставалась одна дома, прощаясь со мной, плакала, говоря, что не хочет расставаться со мной даже на несколько дней. Я два дня разлуки места себе не находил. В итоге решил ехать на ближайшей электричке, не в силах больше быть без неё. Приехал на день раньше. Зашёл в квартиру, положил ключи на столик у входа, снял туфли, бросил дорожную сумку рядом. До меня донеслись обрывки фраз. Я решил, что она говорит то телефону с кем-то в ванной. Решив сделать ей сюрприз, я заранее купил её любимые цветы и с веником из белых роз распахнул дверь ванной. Мгновение я молчал, молчали и они, она всё прикрывала лицо руками, возможно, ей было стыдно, но скорее всего просто страшно. На моём лице была лишь малая доля той ненависти, что я ощутил, увидев их. Первым моим порывом было убить и его и её, но здравый смысл, как ни странно, возобладал. Я наотмашь кинул розы о стену, они, ударившись, рассыпались по ванной. Вышел и захлопнул за собой дверь. Я не помню, как собирал вещи, не помню, что делали они в этот момент. Я двигался быстро и точно, словно всю жизнь уходил от неё. Вещи брал только те, которые мне пригодятся в ближайшее время. Удивительно, но на все сборы я потратил не больше десяти минут. Не взяв ничего лишнего, покинул квартиру навсегда. Я больше не появлялся в ней ни сразу, ни потом. Не видел в этом смысл. Лишь однажды я вновь её встретил. Встретил, чтобы уйти, наконец, навсегда. Ветер замолчал и тяжело вздохнул. Было очевидно, что ему нелегко далось это признание. Похоже, он ещё никому не рассказывал этого. Он встал, прошёлся по кухне взад-вперёд и снова сел на стул.

— Понимаешь, я не жалею, что жил с ней, что так ушёл, что вообще повстречался с этим человеком. Я понял вот что: всё, что происходит с нами, необходимо для становления нашей личности. Нам не посылаются те испытания, которые мы не можем вынести. Эта история показала мне, что нельзя растворяться в человеке без остатка. Что слепо верить кому-то глупо. Я стал сильнее. Да, было невыносимо сложно пережить разрыв. Ещё сложнее оказалось не быть слабым и не простить ей её поступка, уйти навсегда. Оказывается, человек может простить абсолютно всё. Какова степень твоего прощения? Моя оказалась огромной! Я простил её уже на следующей неделе и хотел вернуться в нашу квартиру! Это были болезненные, зависимые отношения и разрыв давался с трудом. Я не мог выносить дни без неё. Пока она не появлялась на горизонте, в моей душе кипела злость и обида. Но стоило ей начать мне звонить, писать, приходить к моим старым друзьям с просьбой сказать им мой новый адрес, как всё, я ощущал, что возводимая мною стена рушится. Самое сложное было не поддаваться на это, не обращать внимание на её слезы в голосовых, на её сообщения в которых она умоляла простить. А ведь я простил. Простил от малодушия, от страха потерять её. Она была моей зависимостью. Я, как наркоман, жаждал новой дозы в виде общения с ней и, не получая этого, сходил с ума! Вот такая ирония! Она меня предала, а я боялся её потерять навсегда. Почему-то вспоминались лишь хорошие моменты, проведённые с ней! О её измене я будто и думать не хотел. Это причиняло такую боль, что мозг просто закрылся от этих воспоминаний. Однажды, вскоре после её раскрывшейся измены, словно сомнамбула, я плёлся по городу, думая о своей судьбе, о боли и разочаровании. Очнулся лишь во дворе, в котором жили мы с ней до расставания. Я стоял на детской площадке, всматриваясь в окна некогда нашей квартиры. Готов был подняться туда и всё ей простить. Готов был упасть на

колени перед ней сам, настолько больно и тяжело мне было без неё. Я сделал даже несколько шагов в сторону парадной, когда увидел, как она вышла из него с каким-то мужчиной. Они шли, державшись за руку, и над чем-то весело смеялись. Сердце, на мгновение замерев, понеслось вскачь. Я хватал ртом воздух, пятясь назад. Она не увидела меня. Я быстро ушёл оттуда и больше никогда не возвращался. В тот момент умерло во мне что-то. Умерла любовь, чистая и искренняя. Она убила её, не моргнув глазом. Эта женщина оказалась подлым, лживым существом. Она рыдала в трубку, прося меня вернуться, и в тот же миг была с другим. Но человек может вынести многое. Это я тоже уяснил, когда переехал после этого всего в ваш дом и поселился у тебя за стенкой. Я учился жить заново. Помогала музыка и ты. Ты не можешь себе представить, как вы помогли мне тогда. Ты и новорождённый наследник престола! Спросишь, как? Всё просто. Я чувствовал, что нужен вам. Понимал, что без меня твой сын плохо спит, да и ты тоже. Я встречал тебя на лестничной клетке и видел темные круги под глазами, видел твой изможденный вид и понимал, что нужен этим незнакомым для меня людям. А это оказалось как глоток свежего воздуха. Я ждал целый день наступления вечера, чтобы своей игрой на гитаре уложить малыша спать. В благодарность за мои труды ты выглядеть стала лучше. Сон исцелил тебя, и кругов под прекрасными глазами больше не было. Я видел твоё радостное лицо и хотел для вас делать всё больше и больше. Готов был сутками играть и петь, лишь бы вам обоим было хорошо. Смешно звучит? Ну что поделать, если это чистая правда! Не я вам помогал, усыпляя каждый вечер твоего малыша, а вы помогали мне снова чувствовать себя нужным, помогали начать жить. Постепенно я успокоился и научился вновь испытывать радость и быть благодарным за то, что я имею. А имел я в соседстве прекрасную девушку и чудесного малыша, который не мог заснуть без меня. Вы оказались моим самым действенным лекарством. Я не говорил этого тебе никогда. Но теперь, раз уж зашёл за это разговор, скажу тебе огромное спасибо. Без вас мне было бы гораздо тяжелее все это пережить и исцелиться от этого предательства. Хотя, наверное, слово исцелиться сюда не подходит. Как ты знаешь, я не могу после неё строить серьёзные отношения. Доверять так слепо уже не получается. Тогда всё же что-то надломилось во мне, как ни крути.

— Я тебе рассказал историю своих родителей и своего детства, чтобы ты понимала, что порой лучше развестись, чем продолжать мёртвые отношения. Да, ситуация, творящаяся в те времена в моей семье, не схожа с твоей, но общее есть. Это ребёнок. Твой сын, ради которого ты плетёшь иллюзорную паутину видимости нормальной семьи. Я был таким же мальчуганом, который видел, как несчастна мать, и который, когда вырос, стал благодарен ей оттого, что она тогда ушла от отца. Спустя годы я увидел, как моя мать счастлива уже в других отношениях и это для меня всё оправдало. И рассказал тебе собственную историю, где был по Ту сторону измены и что мне, мягко скажем, не понравилось. Это очень жестоко и непростительно — лгать, глядя в глаза человеку, с которым живёшь. Эгоистично строить своё счастье, причиняя боль близкому.

Он был прав. Я виновата перед своим мужем. Несколько лет живу в омуте лжи. Сама несчастна и делаю несчастным его. Совесть и так меня не отпускала последнее время. Я уже не могла нести эту ношу одна. В попытке скинуть с плеч тяжкий груз, я сегодня поделилась с лучшим другом своей постыдной тайной. Но облегчение, которое я так жаждала, мне это не принесло. Совесть с новой силой наступила на горло и топталась по нему своими грязными сапогами, оставляя следы. Видимо, я изменилась в лице, потому что Ветер поднялся со своего места, налил в стакан воды и поднес к моим губам. Я сделала пару

глотков и посмотрела на него так, словно он причина моих бед.

— Я чувствую себя ужасно. Я словно перепачкана в грязи..., смогу ли я когда-нибудь отмыться? — я глядела на него во все глаза, будто от его ответа зависела моя судьба.

Ветер пожал плечами и промолчал. Я видела, как он разочарован во мне. Видела, как по его красивому лицу пробежала тень после моего признания. И это ранило меня, да только сама во всём виновата. Я не знала уже, куда прятать свои глаза. Я понимала, что выгляжу перед своим другом в самом дурном свете. Но назад пути нет, история озвучена и услышана, теперь о нашей тайне знаем не только мы с Морем, но и третий человек. Я доверяла Ветру, понимала, что он не станет рассказывать обо всём услышанном моему супругу. Теперь меня гораздо больше волновало то, что он изменит своё доброе отношение ко мне.

— Ты шокирован моим признанием? Не молчи, прошу тебя? — я подалась вперед на диване, желая растормошить Ветра. Казалось, прошла целая вечность, когда он заговорил вновь.

— Я удивлен просто. — он сделал паузу, не глядя мне в глаза. — Ты для меня всегда была ангелом. Образцом идеальной жены. Оплотом верности и порядочности. Теперь же я очень хочу тебя понять, понять твои мотивы. Но пока плохо выходит. Я не знаю, что тут ещё сказать. — он развел руками, по прежнему не глядя на меня. — Просто поверь на слово, больно быть на месте обманутого мужа или жены. И возможно я кажусь тебе глупым моралистом, у которого не укладывается в голове для чего выходить замуж, если потом ты не можешь хранить верность своему близкому человеку. — в голосе послышались стальные нотки. — Но я думаю, стоило тысячу раз подумать, прежде чем выходить замуж, если ты не любила человека. — жёсткий, испепеляющий взгляд. Я забыла, что надо дышать. Во все глаза смотрела на Ветра и понимала, что совершила большую ошибку. Он не понял меня. Его самого предала любимая много лет назад, и от того искать поддержки у него было глобальной ошибкой. Я прикрыла устало глаза. Ну вот, мало того, что меня снедала совесть, да так, что потеряла сон от терзавшего меня чувства собственного ничтожества, так еще и Ветер винит меня в моих же грехах. Я старалась взять себя в руки, постараться не заплакать. Кому нужны слёзы предателя? С трудом проглотив комок в горле, я едва выдавила из себя:

— Всё не так, наверное, как кажется. Я влюбилась в него с первого взгляда. В конце концов, я не знала, что такое может со мной произойти! Я не юная девушка была, когда это со мной случилось. Я вообще не думала, что ещё способна на любовь. А замуж вышла, потому что решила, что достаточно для брака тёплого уважительного отношения. Но когда на моём пути появился Он, я не смогла отказаться от этого чувства, оно захватило меня полностью. — предательская слеза всё же повисла на реснице, угрожая испортить идеально наложенный макияж.

— Знаешь, я наверное никогда этого не пойму. Если у тебя есть супруг ты в принципе не должна позволять никому другому войти в твою жизнь. Ты позволила себе влюбиться, но должна была любого, кто грозил твоему браку отсылать прочь. — Ветер немного повысил голос и я ещё больше внутренне сжалась в комок.

— Конечно, ты не поймёшь этого, не ты прожил столько лет бок о бок с моим Мужем, не ты был одинок имея семью! И в конце концов я возможно и совершила ошибку, но к тебе пришла как к другу за поддержкой, а не как к моральному компасу! — Я поняла, что никакими словами не смогу до него достучаться.

— Знаешь, можно сколько угодно в таком случае совершить ошибок, причинив всем своим родным и близким бесконечную боль, а потом просто сказать «извините, кто из нас

не совершает ошибок?!» Может, тогда стоит простить всех убийц и маньяков? — со злостью прошипел Ветер. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он всегда нежный и ласковый со мной, теперь сделался ядовитым, источающим ненависть, человеком. Я не ожидала такой реакции на своё признание. И очень боялась открыть ему свою душу и оказалось, что не просто так! После такой реакции готова была от отчаяния разрыдаться. Но меня одновременно с этим дико злило, что он ни на секунду не может представить, что я просто человек, женщина, отчаянно уцепившаяся за возможность, хоть и временно, быть любимой.

— Ты переходишь границы! Я не говорю, что можно совершать ужасные поступки и ждать, что тебя простят от одного только слова «извини»! Но как можно тебе объяснить, что я выходила замуж молоденькой девочкой, которая решила, что уважение и тёплое, скорее дружеское отношение к избраннику станет крепким и стабильным чувством для семьи! А вот когда меня нашло, да что уж неожиданно настигло, настоящее всепоглощающее чувство, я не смогла отвернуться от него! Да, я виновата, мне нет прощения, безусловно, но ведь счастливый человек не поступит так! Мне всё время не хватало чувств. Я возненавидела мелодрамы, песни о любви, парочек на остановках, которые, не стесняясь окружающих, растворяются в объятиях друг друга! Я чувствовала, что я словно оторвана, отрезана от мира огромным толстым стеклом. Я вроде нахожусь здесь, как все в этом городе, хожу по тем же улицам, что и все, вокруг меня сотни людей, но меня нет! Я не живая! Без любви человек всё равно что мёртв! И тут не работает, что достаточно любви к ребенку или родителям! Нет! Любому человеку необходимо ощущать себя нужным, любимым, совсем не родственной любовью! — мои глаза метали молнии. Я понимала, что мне его не убедить, не оправдаться за свой поступок. Но и принять то, что Ветер навсегда изменит ко мне своё отношение, я не могла.

— Ты так рассуждаешь, будто не от тебя зависело, что сделать со своей жизнью! Ты ведь всегда могла развестись, если тебя что-то не устраивало!

— Правда есть в твоих словах, но, что я сказала бы своему сыну, когда он вырастит? Что я лишила его родного отца только потому, что мне хотелось любви, которую я недополучала?! Да я, может, не встретила бы никого, кто разбудил бы во мне эти чувства?! И что следовало бы и ребенка отлучить от отца, и остаться одной? — я перешла на крик. Я достаточно импульсивный и эмоциональный человек и Ветер тоже. И всё же за годы нашей дружбы мы ни разу с ним серьёзно не поругались. Это были скорее пустяковые споры, которые быстро прекращались из-за своей нелепости.

— То есть ты от собственной слабости и трусости осталась с таким понятным и удобным мужем под одной крышей и решила, что ничего не изменится, если ты немного предашься любви?! — прорычал Ветер. Он так резко поднялся со своего стула, что тот перевернулся.

— А что ты так защищаешь моего Мужа?! — я смотрела на него со злостью, исподлобья. — Ты невыносим! Я поделилась с тобой своей болью и переживаниями, а ты просто накричал на меня, видимо, рассчитывая, что твои порицания мне чем-то помогут!? Я виновата перед Мужем, это так! Но сделанного не вернёшь, как и не вернёшь спокойную совесть!

— Я за то, что сначала нужно было развестись со своим супругом, а потом уже кидаться в омут своей непрошенной любви с головой! — он перестал кричать, но всё ещё зло смотрел на меня, стоя, уперев руки в бока. Стул по-прежнему лежал на полу.

— Это эмоции! Я была на эмоциях! В тот момент я не чувствовала, что совершаю что-то

предосудительное! Мне казалось, что всё происходящее настолько естественно, что это давно должно было случиться! Наша встреча с ним для меня была благословением! Я упивалась каждым мгновением с ним! Только не представляла себе, что угрызения совести настигнут меня с такой силой! А твои рассуждения хоть и правильны, но что ты знаешь об этом!? Женщине не так просто уйти в никуда с малышом! Кому бы я была нужна одна разведённая, с маленьким ребёнком на руках? — ещё не много и я чувствовала, что взорвусь от негодования.

— Ты была бы нужна...мне... — на этой фразе голос его звучал уже тихо и ровно, меня словно оглушили. Я увидела нас с Ветром со стороны. Я сижу на диване на собственной кухне, из освещения только диодная подсветка на кухонном гарнитуре. Я вся такая воинственно настроенная, рыжие волосы разметались по плечам, лицо покраснелось от жаркой ссоры и только глаза минутой ранее гневно сверкавшие в полумраке, теперь поражённо глядят на него. Ветер стоит, сзади него лежит перевернутый стул, руки упёрты в бока, плечи поникли после высказанных слов. Он неотрывно смотрит на меня, словно ожидая ответа. А у меня в голове лишь одна мысль:

"...Господи...ещё и это я точно не вынесу!"

— Что ты этим хочешь сказать? — я облизала пересохшие от волнения губы.

Ветер поднял стул, поставил его на место, не спеша отвечать. Налил ещё по пол бокала виски себе и мне и выпил одним глотком из своего, протянув мне мой. Я молча приняла из его рук алкоголь, залпом выпила, ощутив, как виски приятно обожгло горло.

— Ты наверняка удивлена? Я не говорил тебе ничего подобного никогда. Ты была для меня всегда образцом идеальной жены, матери. Меня так зацепило, что кто-то, наплевав на твоё семейное положение, воспользовался твоей слабостью, твоим шатким эмоциональным состоянием. Меня всегда останавливало то, что у тебя есть семья. Ты для меня из-за этого была недоступна. — он достал из кармана пачку сигарет, закурил. — Я смотрел на тебя всегда с благоговением. Неужели ты этого не замечала? Мне нужна была всего лишь твоя улыбка, тёплый взгляд, и я уже был счастлив. О, я знаю, я ещё пожалею о своих словах, о том, что признался в своих чувствах. Ты наверняка перестанешь видеть во мне настоящего друга. Мне жаль. Правда жаль. Просто меня до потери сознания возмутило твоё рассуждение о том, что ты никому не стала бы нужна, стоило бы тебе развестись. — Он потушил сигарету, устало провёл ладонью по лицу. Я сидела в полуметре от него и чувствовала себя такой разбитой. Порой не знать правды лучше, чем узнать что-то, после чего мир перестаёт быть прежним.

— Я удивлена, ты прав. Я не знаю, что на это тебе ответить. Не понимаю, почему ты мне раньше ничего не сказал?

— А что я должен был сказать? Что влюблен в тебя с тех самых пор, когда мы встретились на лестничной клетке в первый раз? — он невесело усмехнулся. — Ты в то время совсем измотанная была. Помнишь, какие бессонные были ночи у тебя? Для меня уже было наградой, что ты со мной сдружилась, и эти годы я счастлив был находиться рядом и разделять с тобой всё. — Прости, не стоит нам это всё ворошить. Давай сделаем вид, что ничего не произошло, и ты не в курсе о моих чувствах? — он выглядел сейчас особенно далёким, будто, мысли его были не здесь.

— Спасибо, что рассказал. Я пока не знаю, что делать с этой информацией, но благодарна тебе за то, что ты решился сказать это вслух. — я сидела, потупив взор, мне нечего было ему ответить. Всё с самого начала пошло не по плану. Я должна была ему

признаться в своей связи с Морем. А в ответ Ветер выбил из-под меня почву своим признанием. Я теперь совсем не представляю себе, как мы будем с ним общаться. Как я смогу зайти в домашней одежде к нему среди ночи, разбудить его, если самой не спится, и проговорить на кухне под мерное тарактенье холодильника обо всём на свете до утра? Он был мне всегда верным другом, принимающим мою сторону, никогда не пытался меня задеть и обидеть. Он всегда был важной частью меня. А теперь, а что теперь? Я знаю, что он влюблён в меня и понимаю, что только слепой мог не заметить этого. Часто ловила его грустный, задумчивый взгляд, но, встретившись со мной взглядом, он отводил глаза в сторону. Порой мне казалось, что он хочет что-то сказать, но стоило мне спросить его об этом, отшучивался. Я уже сейчас стала собирать воедино паззлы, которые говорили мне о моей глупости и слепоте. Но хуже всего не это, а то, что я после его признания ощутила острый укол жалости к себе, к нему, что всё в нашей жизни так обернулось. Мои раздумья прервал голос Ветра:

— А по поводу твоей тайны, я думаю, не стоит признаваться мужу в измене. Он этого не перенесет, поверь мне. — горько усмехнулся он своим мыслям. — Это, бесспорно, ужасно то, что ты совершила, но сделанного не воротишь. Что ты можешь изменить? Разве что решить для себя, чего ты хочешь от этой жизни. Нужен ли тебе твой муж, которому ты так легко изменила? Стоит ли жить с ним дальше и, вполне вероятно, снова изменить? Быть всё время в напряжении, что он узнает об этом, страшиться, что тайна откроется? Если ты видишь себя с ним в старости, то тут и говорить не о чем. Будь с ним нежной и ласковой, пытайся загладить вину и даже если через время всё откроется, он не сможет тебя не простить после того, как ты долгое время дарила ему счастье. — он встал. — Я думаю, тебе следует решить, с кем ты хочешь быть, кто и что тебе нужно в этой жизни. Только ты можешь выбрать свою судьбу. Она ведь ежедневно тебе предлагает тысячи дорог, а по какой пойти — решать тебе. А я хотел бы остаться твоим верным другом и дальше. Надеюсь, после сегодняшнего между нами всё останется как прежде.

— Ветер, мне так жаль. — я ощущала, как после виски захмелела немного.

— Чего тебе жаль?

— Твоих родителей, которые развелись, когда ты был маленьким. Жаль твоего отца, который, похоже, очень любил твою мать, но, видимо, алкоголь любил больше. Жаль, что вы с ним так и не стали близки. Но знаешь, хорошо, что хотя бы в последний год его жизни ты был рядом с ним. А ещё мне жаль тебя, что та девушка поступила так жестоко с тобой. И, в конце концов, мне так жаль нас с тобой! Может быть, если бы мы встретились при других обстоятельствах, между нами что-то бы и возникло? — с каждой фразой я всё больше ощущала собственное опьянение и тем более старательно выговаривала слова. Уже была половина четвёртого утра. У меня был слишком насыщенный день, который начался в доме на озере с Морем, а закончился нашим взаимным признанием с Ветром. Я совершенно измотана и виски слишком расслабил мой мозг.

— Спасибо, но никто не виноват моему отцу в том, что он из-за собственной зависимости потерял семью. А насчёт моей бывшей девушки, я рад, что узнал о её слабостях на начальном этапе отношений, было бы гораздо хуже сперва жениться на ней и родить детей, а потом застать в объятиях другого. А что до жалости к нам с тобой, так тут и вовсе не о чем жалеть. Мы бы просто с тобой не сдружились при других обстоятельствах. Вспомни, что наше знакомство, которое позже вылилось в дружбу, произошло благодаря наследнику престола. Потому всё так, как должно быть. Судьба. — многозначительно проговорил Ветер.

— Ты очень мудрый, какой же ты мудрый. — мои веки слипались.

— Пойдем, ты должна прилечь в постель, я посижу с тобой рядом, пока ты не уснешь. — он довел меня до дивана, укрыл одеялом и присел на край. Хочешь, я расскажу тебе одну притчу? Я промышала что-то невнятное в ответ. Он начал:

— «Она его встретила. Он был надежный и сильный.

Он взял ее за руку, и они пошли вместе по дороге жизни, они были счастливы.

Им хорошо было идти вместе, но однажды он отпустил ее руку.

Не специально, просто так получилось.

Она испугалась и уцепилась в него двумя руками.

Он забеспокоился и спросил зачем. Она не смогла ответить, потому что сама не знала точного ответа. Они пошли дальше, но она по-прежнему держала его двумя руками. По дороге жизни идти таким образом было очень утомительно.

Радость от совместного путешествия куда-то улетучилась. Ощущения счастья сменили тревога и недоверие. Он очень устал от этого и однажды, когда она спала, ушел один.

Она проснулась и ей стало очень одиноко, дорога потеряла смысл. Она заплакала, пошла по дороге жизни одна. Через некоторое время ей стало легче. Еще через некоторое время она по-прежнему шла одна и уже улыбалась солнцу.

Ей снова было хорошо, но у нее возникли вопросы... Стоит ли идти с кем-то рядом по дороге жизни? Держаться ли за него? И как за него держаться?

Позже она поняла, что идущим по дороге жизни рядом должно быть одинаково комфортно. Для этого не нужно крепко-накрепко держать друг друга. Достаточно уважения, любви и доверия. Только такой совместный путь имеет смысл и принесет удовольствие обоим.»

— Так вот и в жизни дорога должна приносить радость обоим. Не нужно ни за кого держаться и нужно уметь отпускать. Легче станет, но не сразу. — Ветер укрыл меня одеялом, которое сползло с плеча. Он думал, что я уснула, а я лежала с закрытыми глазами, силясь не уснуть, и обдумывала эту притчу. Так, по сути и есть. Разве можно неволить человека? Если ему не комфортно, то не следует его удерживать силой, пусть даже когда очень страшно человека терять. И чем больше пытаешься удержать человека, тем больше он хочет ускользнуть. Только вот кто кого держит? Муж мой держит меня насильно или же я пытаюсь удержать Море? Блуждая в закоулках этих мыслей, я не заметила, как уснула.

Глава V. Касаясь Ветра

Вечер воскресенья наступил так быстро, что мне хотелось плакать. За единственную отведенную нам ночь субботы, я, как жадная губка, старалась впитать Море в себя. Мы той ночью, как могли, силились не уснуть, чтобы как можно больше сказать друг другу, как можно сильнее прочувствовать этот вечер и насладиться объятиями. Я не отрываясь всматривалась в его лицо, жадно ловя каждый его взгляд и вбирая в себя каждое его прикосновение. Внутри меня что-то сладко сжималось, когда он целовал мои ладони, когда нежно проводил пальцами по моему лицу и крепко обнимал.

Мы собирались в тишине. В той же тишине ехали обратно в город Непогод. Он всю дорогу держал меня за руку и когда прощались возле моего дома, как-то по-особенному меня целовал.

Я вышла из его машины со своей спортивной сумкой и почувствовала, что больше не в силах держать всю тяжесть своего положения в себе. Сейчас я как никогда готова рассказать Ветру обо всём.

Поднявшись в квартиру, автоматически отметила оглушающую тишину, которой она меня встретила.

Я соскучилась по сыну. Завтра вечером родители его привезут ко мне, а пока есть время разобрать вещи после поездки, постирать их, приготовить еду на ближайшие дни и немного поработать.

Сбросив сапоги, сняв куртку и повесив её на вешалку, я устало посмотрела на себя в зеркало. Глядя вчера с утра на своё отражение, я отметила, как у меня горят глаза. А после поездки появилась какая-то обречённость. Я знала, что мне будет ещё тяжелее расставаться сегодня с Морем, чем до этих совместно проведённых выходных. И тем не менее поехала с ним куда глаза глядят. Мне было с ним так хорошо, так спокойно и радостно, что прощаться было выше моих сил. К тому же я знала, что прощаемся мы надолго. Он ясно дал понять, что у него так мало времени, которое он может проводить со мной.

Я прошла в спальню, переделалась в домашние вещи, туго завязала волосы в хвост.

Хандра напала на меня из-за угла и стала душить. Я знала лишь один работающий лично у меня способ сбросить её с себя — включить громко музыку и начать танцевать. Заставляя себя это делать вначале, затем же я знаю, что уже будет не остановиться.

Я посмотрела на настенные часы. Половина девятого. Время, когда я могу позволить себе включить музыку и не бояться, что помешаю соседям. Где-то там, по снежному городу Непогод пробирается к себе домой Море. Его встретят дети и жена. А мне мой Муж за три дня командировки не позвонил ни разу. Такому мужу удобно изменять, мимолетно подумала я. Ему даже не нужно лгать и придумывать какие-то легенды. Он не звонит и не интересуется вообще ничем, ссылаясь на дикую занятость в командировке.

Я включила музыку, на пульте прибавила громкость, и в полумраке комнаты — свет шёл только от торшера, стала танцевать. Сначала медленно, не попадая в такт, отягощённая собственными проблемами. А затем всё более отдаваясь во власть музыки, подхваченная её волнами и уносимая в ритме, дарящем освобождение от мрачных дум.

Сколько прошло времени с момента моего погружения в музыку и танцы, я не знаю. Но закончила я полностью обессиленная и готовая упасть прямо на пол. Мои шаманские танцы принесли мне хоть и временное, но такое желанное освобождение от переживаний.

Изнемождённо рухнула на диван. Руки, ноги распротёрлись по поверхности. Я смотрела в потолок невидящим взглядом. Эти танцы — моя личная медитация.

— Привет, Лучик. — Я слышала улыбающийся голос Ветра. Привстав на локтях увидела его ухмыляющееся лицо.

— Только не говори, что ты это видел. — я рухнула головой на диван и подушкой закрыла лицо. Мне было так неловко.

— Что видел? — по голосу слышала, что он подтрунивает надо мной. Он определенно наблюдал мою "медитацию" и теперь откровенно смеялся.

— Ты дождешься, я заварю эту дверь на балкон. — промычала я в подушку.

— Лучик, я не так давно пришёл. Чего ты там застенялась? Всё было весело, в какой-то момент я хотел присоединиться к тебе, но подумал, что могу только помешать. — он ухмыльнулся. Я почувствовала, как диван просел под его весом рядом с моим бедром. — Выходи из своего укрытия. — он попробовал убрать подушку с моего лица, но я ещё крепче схватилась за неё.

— Никогда отсюда не выйду теперь. — несчастно проговорила я. Затем, убрав подушку из-под полуопущенных ресниц, посмотрела на Ветра. Он улыбался во весь рот. Я не сдержалась и тоже заулыбалась. Ещё на один шаг мы стали ближе друг к другу. Ещё одна моя маленькая тайна раскрыта перед ним. Пусть и не осознанно. Я помрачнела. Осталась ещё одна тайна, которая будет совсем не милой в его глазах. Как эта, с которой он только что познакомился.

— Я скучал по тебе, Лучик. Мы не виделись так долго, и пропустили несколько наших пьяных откровенных пятниц. — Ветер помог мне подняться, из гостиной мы прошли в кухню. Я плюхнулась на диван, Ветер сел напротив на стул. За окном чёрным покрывалом укрылся город Непогод.

— Я тебя не видела с самого открытия твоего ресторана! Сколько прошло времени? Месяц?

— Да, около того. — он с теплотой смотрел на меня. — Прости, я сейчас так был занят, что просто не было времени забежать к тебе.

— Ничего, я всё понимаю, ресторан требует много энергии. Но, я надеюсь, когда вы встанете на ноги, у тебя появится больше времени для себя и, возможно, для меня? — поинтересовалась я.

— Ты знаешь, мы достаточно неплохо начали. У нас уже есть постоянные гости, практически всегда полная посадка. Так что, я думаю, когда мы найдём хорошего управляющего и су-шефа, я смогу немного расслабиться. Ведь сейчас у нас ни того, ни другого нет. Управляющий, которого наняли незадолго до открытия, ушёл от нас, не потрудившись об этом даже уведомить, просто не вышел на работу. С кадрами сплошные проблемы. Но мы боремся с этим. — он посмотрел на наручные часы. — Ты давно ела?

— Эм, да, в обед, кажется. — я вспомнила, как ела в последний раз с Морем и сразу стало грустно.

— Хочешь я приготовлю что-нибудь?

— Уже поздно, всё это нездорово отразится на фигуре. — я улыбнулась.

— Ой, брось, ты идеальна. Паста твоей фигуре не помешает. — Ветер бодро поднялся со стула и прошёл к холодильнику. По-хозяйски открыв его и взяв что ему необходимо, пошёл к мойке. — Так где ты провела свои выходные? Когда ты мне в субботу написала, у нас была полная посадка, я не смог тебе сразу ответить. Так и не понял, куда ты уезжала. К

родителям? — он мыл овощи под проточной водой.

— Нет. — Только и ответила я.

— Так. А где ты была, если не у них? Насколько я помню, твой муж в командировке, да и сейчас его дома нет. Значит, ты была не с ним. — он нарезал мелким кубиком томат, время от времени посматривая в мою сторону.

— Помнишь, я тебе как-то говорила, что есть одна вещь, которой я хочу с тобой поделиться уже давно. Но всё время одёргиваю себя, страшась, что ты меня осудишь и я потеряю единственного друга, который у меня есть? — начала я медленно.

— Помню. — коротко ответил Ветер, уже очищая баклажан, который нашёл у меня в холодильнике.

— Я должна поговорить с тобой. А тебя прошу попробовать меня понять, ну если не понять, то хотя бы не осуждать. — как же сложно было признаться в связи с Морем даже Ветру! Но и держать это всё в себе я больше не могла. Меня тяготила эта тайна и я хотела очистить свою совесть.

Невыносимая усталость навалилась на моё тело, сердце ныло, но я не отрываясь смотрела на друга. Он хозяйничал на кухне, замочил в воде уже нарезанный баклажан, теперь отделял на соцветия брокколи. Я и не знала, что у меня в холодильнике была брокколи! Ветер молчал. Вероятно, давал мне время собраться с мыслями и поделиться тем, что в душе лежит тяжёлым камнем. Благодарение Богу, в моей жизни были лишь достойные мужчины, будь то Муж, Море или мой драгоценный друг.

— Понимаешь, я всегда была слишком правильной. — зашла я издалека. — делала только то, что от меня ждали другие. Родители от меня ждали, что я с отличием окончу школу, и я закончила её с золотой медалью. Затем, они ждали, что я поступлю в престижный университет, и я туда поступила. Да ещё окончила с красным дипломом. Ждали, что я найду достойную работу, и я её нашла. Потом я встретила своего будущего мужа. Тут уже он ждал, что я выйду за него замуж и я таки вышла. Не испытывая особой радости от этого, просто привыкла всегда делать лишь то, что от меня ждали. Я ДОЛЖНА была это делать. Это всё так глупо, но для меня было само собой разумеющимся. Так будто было правильно. Единственно правильно. Все от меня этого хотели. Я родила ребёнка потому что этого захотел муж, и потому что так положено, родить ребёнка в браке. Не смотря, на то, что тогда я к этому совсем не была готова. Я живу так, как того хотят другие, по законам и правилам своих близких. Я играю роль приличной жены, матери своего ребёнка, финансового аналитика в компании, в которой десять лет работаю. Но я не живу полной жизнью. Я словно замурована в этом теле, в этой действительности, которую мне диктуют окружающие. Я не вижу ярких красок жизни, я не ощущаю дыхание природы, солнце в моем мире тусклое, деревья из пластмассы, а пения птиц вовсе не слышу. Я не живу, я не чувствую этого. Я словно во сне, в каком-то глупом и очень утомительном сне. И вот, я всё жду, когда же я проснусь. Когда же я снова начну дышать этим миром. Когда буду слышать щебет птиц, ощущать теплые лучи солнца на своём лице и дуновение тёплого весеннего ветра. Я жила в ожидании, все эти годы будто проживала не свою жизнь, играла роль. Будучи, наверное, хорошей актрисой, заставила поверить всех вокруг, да и себя, собственно то же, что я удовлетворена этой жизнью, что у меня всё хорошо. Я перестала засыпая, представлять свою идеальную жизнь, жизнь, которая уже никогда у меня не будет. Ведь я сделала неправильный выбор выйдя замуж не за того, и живя чьими-то ожиданиями. Однажды, я проснулась от этого сна. Сна, в котором всё было словно в чёрно-белой замедленной

киноплёнке. Я стала ощущать всё, всю прелесть внешнего мира, Ветер, представляешь??? Я стала собой, это было странное чувство, я могла дышать полной грудью. Где-то читала, что человек использует лишь двадцать процентов своих лёгких для дыхания. Так вот я, дышала на все сто процентов! Я чувствовала тепло этого мира. Это было летом несколько лет назад. Научил меня дышать один человек, который, казалось, всегда был в моей жизни. Он так гармонично вписался в неё, что я даже не сопротивлялась этому вторжению. Я сама того не осознавая, впустила его в самую глубину своего сердца, туда, где не был никогда мой муж, туда, куда уже никто и никогда не зайдёт. Он принёс чемоданы в моё сердце, намереваясь, надолго в нём обосноваться. Я понимала его, а он понимал меня. Это был не совсем обычный роман, это было словно воссоединение тех самых двух частей одного целого. Тогда нам не казалось, что мы совершаем что-то запретное, что мы не должны этого делать, понимаешь? Всё было так, будто мы не виделись много-много лет и вот, наконец, произошла наша встреча. Миллионы лет наши души искали друг друга и только в этой жизни встретились. Мы упивались днями, часами, минутами, проведёнными вместе. Мы боялись потерять связь друг с другом даже на несколько часов, порой не спали целыми сутками, чтобы не потерять драгоценного времени и успеть насладиться друг другом. Спросишь, не приходило ли нам в голову, что наша связь неправильна и может причинить боль нашим семьям? Я отвечу тебе, Ветер. Но начну издали...

— Когда я вышла замуж за своего Мужа, в моей душе теплилась надежда, что я смогу его полюбить. Да, я понимала, что это не совсем тот человек, которого я ждала всю свою юность. Но мне с ним было хорошо, спокойно, уютно, что ли. Я осознавала, что любовь со всей бушующей страстью, которая ей присуща, всё равно рано или поздно у всех проходит. И наступает то, что чувствовала я к своему Мужу — доверие, благодарность и уважение. Да-да, то самое уважение, которое вытекает из бурной бушующей любви. Так вот, когда я ставила подпись в свидетельстве о браке, я осознавала, что мы перешагнули через одну ступень. Любви-то не было. Было всё, кроме неё. Тем спокойнее казалась семейная жизнь. У нас не было недопонимания, не было даже ссор. Мы спокойно существовали вдвоём. Но в том-то и дело, что только существовали. Это была странная пародия на отношения и на брак. Я не могла спокойно смотреть на пары, пропитанные романтической любовью, которые видела то тут, то там. Я немного даже завидовала им, понимая, чего лишена. Как я ни старалась, не могла ничего с собой поделать. Ты думаешь, я не пробовала убедить себя в том, что мне не нужна никакая любовь? Что я и без неё счастлива со своим Мужем? Я пыталась, видит Бог, я пыталась, как могла. Я осознавала, что мне достался в мужья хороший человек, добрый, понимающий, честный, щедрый. Все положительные стороны будто бы собрались в нём. Но этого оказалось для меня мало. Я хотела любви. Понимала, что и он заслуживает её также, как и я. Но не могла с собой нечего поделать. Я была с ним чёрствой и сухой. Порой чувство вины душило меня своими холодными руками, и я становилась с ним ласковой, но только из жалости и всепоглощающей вины. Я пыталась с ним говорить, старалась объяснять, чего я жду от отношений, чего хочу. Он понимающе кивал головой, но я осознавала, что ему не под силу понять безумства отчаявшейся женщины. Была ли я честна с ним, когда выходила за него замуж? Да. Он знал, что я не ощущаю той самой чистой и светлой любви. Но он, как и я, надеялся, что всё к нам придёт. Он всегда говорил, что это не самое главное в отношениях, важнее уважение, которое мы испытываем. И его чувств хватит на нас двоих. Я всё равно ждала, что любовь постучится в мои двери, когда мы станем жить вместе, потом, когда распишемся с ним. Последней надеждой стало рождение малыша. Я надеялась, что после

этого точно придёт в нашу семью любовь. Но, видно не суждено было... Я стала отдаляться от него, не забывая играть роль хорошей жены. Но это была пародия. А знаешь ли ты, что без любви жить нельзя? Думал ли ты про это? О том, как неумоготу жить на одной жилплощади с мужчиной, которого не хочется обнять, поцеловать, с которым тебе не хочется говорить, ждать его с работы? Это невыносимо, должна я тебе сказать. Ежедневно выполнять механические действия, когда в душе пустота. День за днём играть роль, чуждую тебе. Если бы я не встретила человека, благодаря которому я стала дышать, жить, я, наверное, рано или поздно просто сломалась бы. Если бы не появился он тогда в моей жизни, я бы погибла. Погибла, так и не узнав, что любовь существует не только в сказках и фильмах. Ты осуждаешь меня, наверное. — я не дала ему и секунды для ответа — Думаешь, что я обычная изменница, которая оправдывает себя? Твоё право. Но знал бы ты, как я была счастлива эти несколько лет, живя пусть даже не полноценной счастливой жизнью. А лишь урывками, имея возможность быть рядом с тем, с кем хотелось дышать одним воздухом, с кем хотелось поделиться всем, что у тебя есть.

Ветер молчал. Замолчала и я. Осуждал ли он меня? Кто знает. Весь свой монолог я проговорила на одном дыхании, боясь посмотреть ему в глаза и увидеть в них презрение ко мне. Так и не услышав от него ни слова, тяжело вздохнув, я продолжила:

— Можешь ли ты представить, у него тоже была грустная история любви. Его жена резко изменилась после свадьбы и на смену спокойной, умной и понимающей женщины пришла жёсткая, властная и грубая стерва. Она не давала ему сделать шага. Бесконечный контроль и подчинение. Он думал, она смягчится после рождения ребёнка. Но всё только усугубилось. Она стала неуправляемой, и порой ему казалось, что она сходит с ума от ревности и агрессии. Все попытки вразумить и успокоить заканчивались плачевно. Вскоре он отчаялся что-либо сделать с ней и просто ждал, когда это у неё пройдёт. Однажды ему необходимо было ехать в командировку в соседний город. Сколько было проклятий послано в его адрес, сколько ему пришлось пережить перед отъездом. А ведь он действительно должен был там работать. Поэтому, отвечая на твой невысказанный вопрос — нет, мы тогда совсем не жалели о том, что встретились. Нас не мучили угрызения совести. Мы жили, упиваясь теми мгновениями, что нам были с ним отпущены. Ты осуждаешь меня? — я первый раз за весь мой долгий рассказ взглянула Ветру в глаза, в них я увидела то, что боялась увидеть. В них плескалось разочарование и усталость. Похоже, он не ждал от меня подобных откровений, А я не могла больше держать все переживания в своей душе. Ни один человек не знал обо мне с Морем, и порой мне казалось, что сердце треснет пополам от невысказанной боли.

Ветер молчал. Он перестал нарезать овощи, почти с самого начала моего рассказа сидел напротив и глядел на меня как-то странно. Но вот, наконец, тяжело вздохнув, он тихо спросил:

— Когда ты окончательно поняла, что не полюбишь своего Мужа почему ты не развелась?

— Я понимала, что так живут многие семьи. Тем более мне даже грешно было жаловаться. Муж-то мой не пьёт, меня не бьёт, не изменяет мне. Просто нет любви между нами. Но так многие ведь живут, правда? Вот и я решила, что ради сына мы будем считаться нормальной семьёй.

— А когда ты встретила того..., того кхм, мужчину? Почему ты не ушла от Мужа? — Ветер устало потёр глаза.

— Если бы я видела, что мой уход от мужа приблизит меня к совместному жительству с Ним..., я бы ушла. Но я понимала, что он-то жену и детей своих не бросит. Даже ради меня. Даже ради любви. Долг для него стоит на первом месте.

— Я думаю, сейчас тот самый случай, чтобы рассказать тебе о том, как я оказался твоим соседом... — Ветер поднял на меня свои глаза, цвета расплавленного шоколада и в них я увидела то, от чего по телу побежали мурашки.

Ветер встал из-за стола, достал из моего шкафа бутылку виски, которую он как-то принёс со старой работы. В наши пьяные откровенные пятницы мы пили либо вино, либо виски добавляли в кофе. Эта бутылка была даже не распечатана. Взяв со стола два бокала, он наполнил каждый из них наполовину. Один поставил передо мной, второй держал в руках, слегка покачивая, наблюдая, как янтарная жидкость лизала стеклянные стенки.

— Я никогда тебе не рассказывал о том, как переехал сюда, стараясь забыть свою прошлую жизнь. Но сегодня мне хочется с тобой этим поделиться. Думаю, моя история откликнется у тебя в душе.

Мои родители развелись, когда мне было восемь. У меня в памяти до сих пор встают образы из прошлого: страшная ссора, слёзы и мольбы отца не уезжать, гневные речи мамы и её решимость, когда она собирала наши вещи. Мы взяли с собой лишь одну лёгкую полупустую сумку на двоих. В которой была одна моя игрушка — синий заяц с оторванным ухом, пара моих скомканных вещей и несколько наспех брошенных платьев моей мамы, которые она в гневе сорвала с вешалки, повреждая ткань. Мы на последние деньги купили билеты в далёкий город N, о котором в своей невзрослой жизни я ни разу не слышал. Помню перрон, серые равнодушные лица прохожих, все толкаются, гудок поезда и жёсткое сидение плацкартного вагона. Мы приехали в незнакомый мне до этого город, в котором жила мамина сестра. Я видел её всего несколько раз за свои восемь лет. Помню, уже смеркалось и срывался мелкий снежок. Холодно было очень, а на мне была лёгкая осенняя курточка. Я ёжился и всё бежал за мамой, которая решительными шагами пересекала привокзальную площадь. Я семенил за ней до автобусной остановки и, сойдя со старого ржавого скрипучего автобуса, до дома тётки. Мы прожили у неё тогда два долгих года. Тётка оказалась сварливой и отчего-то люто невлюбившей меня. Сказать, что я был сильно балованным ребёнком, я не могу. Но моё присутствие раздражало мамину сестру до головной боли, от которой она потом лежала в своей постели и жалобно, даже скорее не жалобно, а надрывно, с укоризной стонала. У нее не было своих детей, и присутствие в доме ребёнка было для неё тяжёлым испытанием. К счастью, через два года мы съехали в комнату коммунальной квартиры на другой конец города. Это было неплохое для меня время. Мы с мамой были вдвоём и, нуждаясь друг в друге, духовно сблизились. Но и здесь мы надолго не задержались. Маме предложили работу в соседней области, и нам пришлось переехать. Отца я не видел с восьми лет, но он и не рвался к общению со мной. Переехав в ещё больший город, чем тот, в котором мы несколько лет прожили, жизнь потекла совсем иначе. Мама устроилась в крупное предприятие и перестала практически интересоваться моей жизнью. Она поздно возвращалась домой, уезжала в длительные командировки, и в свой переходный возраст я влился самостоятельно. Не горжусь своим поведением в то время, но без того меня не было бы сейчас меня настоящего. Не стану описывать всего, но скажу так, что вспоминать об этом мне неприятно по сей день. Когда я был на последнем году учёбы в школе моя мама вышла замуж во второй раз. Плотная занятая своей личной жизнью, она практически самостоятельно отрезала все нити, связывающие нас в моём детстве. Муж ей попался

неплохой, но она была из тех женщин, что отдавались эмоциям на все возможные проценты. И я ей, как это ни грустно, только мешал. К тому времени она полностью утратила контроль надо мной и моей жизнью, а я, как это свойственно подросткам, которые росли на улице, был неуправляем. Мы много и серьёзно ругались. И наши отношения с мамой дошли до того, что она меня выставила из дома, заявив, чтобы я больше никогда не появлялся в её жизни. Ужасный, необдуманый поступок, не правда ли? Но ещё более безрассудным было с моей стороны поддаться юношескому максимализму и, собрав сумку, с несколькими смятыми вещами, и синим зайцем с оторванным ухом, ставший моим талисманом за эти годы, уехать куда глаза глядят. Уже отойдя от билетной кассы вокзала, я осознал, что в руке у меня был смятый билет в город, в котором я родился и рос восемь лет. Город, в котором я был счастлив и несчастлив одновременно. Город, который я потерял в одночасье.

Я приехал тогда к отцу ранним утром. Помню, как стоял у калитки его дома, в котором некогда жили мы с родителями. Калитка была не заперта, но входить я боялся. Отец не звонил мне девять лет, а пара звонков, которые делал я, встречались его сухим тоном, и вскоре я перестал звонить. Теперь же, будучи взрослым, я боялся, что здесь меня снова не ждут. Что отец, так же, как и мать, меня выгонит из дома, где мне не место. Не знаю, сколько я тогда стоял, прислонившись лбом к холодной железной калитке, не осмеливаясь войти. Мимо меня проходили люди. Кто-то даже спросил у меня, что мне нужно и могут ли мне помочь. Были ли это соседи отца или просто прохожие люди, я не знаю, но я не отзывался. Мне нужны были силы. Мне, юному парню семнадцати лет, выросшему практически на улице, было по-настоящему страшно, что от меня сможет отказаться второй родной человек вслед за мамой. Калитка скрипнула, когда я, набравшись смелости, толкнул её от себя. Двор был небольшой, но сильно запущенный. Мой детский мозг запомнил его совершенно другим, намного больше и чище, чем он предстал моему взору. Тут и там лежали груды мусора, металла. Под худым навесом, прислонённой к западной стене дома, стояла старая железная, с пружинами кровать. Тут же лежал на боку поломанный деревянный стул. Тут и там росла огромная, с меня ростом, трава. Вид у двора был нежилой.

Ветер встал из-за стола, где я напряжённо его слушала. В его голосе сквозила печаль и давняя, но не забытая боль. Он подошёл к окну и невидящим взглядом устремился в густую зимнюю тьму. Я послушно ожидала продолжения его рассказа. Но он так долго молчал, что мне казалось, уже не станет продолжать. Однако Ветер отделился от окна и снова сел напротив меня за стол, продолжая:

— Я подошёл к входной двери, слегка нажал на ручку, и она отворилась с протяжным жалобным скрипом. В нос мне ударил неприятный запах. Подавляя в душе тревогу, я скользнул в полумрак дома. Старые ссохшиеся половицы скрипели под моим весом. Глаза не сразу привыкли к полумраку, и я то и дело спотыкался о разбросанные на полу вещи. Дом был небольшой, старый. Здесь когда-то жили родители моего отца. В доме было всего две жилые комнаты, кухня и ванная, уборная была на улице. Минуя первую комнату, я прошёл во вторую, готовясь к худшему. Здесь было немного светлее. Из маленьких, плотно зашторенных окон слабо пробивался свет. Среди беспорядка на диване лежал отец. Я подбежал к нему, страшась самого ужасного, но когда коснулся его, понял, что он крепко спит. Видно, от страха, я боялся все это время дышать и не ощутил запаха перегара, повисшего в комнате. Всё встало на свои места. Отец был беспробудно пьян. Не стану долго описывать всю свою жизнь в отчем доме, но одиннадцатый класс я всё-таки окончил, проживая с ним. Он пил много и запойно. Я, как мог, его пытался вытащить из этого

состояния. Сначала он пил от радости, что я приехал. Потом, потому что соседская младшая дочь вышла замуж, а потом и вовсе просто так. Я убирал дома, готовил отцу и себе, разобрал хлам, выкинул со двора весь мусор и навёл везде порядок. Но отцу, казалось, было всё равно. В редкие моменты между запоями он говорил со мной о маме. Это была единственная тема, которая его интересовала. А я не мог отказать ему, а главное, себе, в том, чтобы по-человечески поговорить с ним. Он рассказал мне о своей молодости, о том, что очень любил мою мать. Но был он человеком слабым и не мог перестать пить. В один из таких дней, когда он не помнил себя от пьянства, он замахнулся на свою жену, и это стало последней каплей для неё. Он клялся, что не ударил бы её, но это уже было неважно. Она в спешке собрала вещи и вместе со мной навсегда исчезла из его жизни. Отец догадывался, что она сбежала к своей единственной сестре, но ехать за нами не стал. Понимал, что пить бросить он не сможет, а на других условиях она не вернётся. Так и прошли эти девять лет, пока я не приехал к нему. И порой — он сделал паузу — лучше двум людям развестись сразу, чем тянуть ради детей бессмысленные отношения. И ты знаешь, мы так и не стали с ним близки. В день моего выпускного вечера он умер, оставив меня в одиночестве. Я прожил после его похорон в старом доме лишь неделю. Потом приехали дальние родственники отца, о которых я никогда в жизни не слышал. И попросили, а вернее потребовали, чтобы я покинул дом, в котором теперь будут жить они. Я был молод, неискущён в наследственных делах, и больше в этом городе меня не держало ничего. Я купил билет в город, в котором осталась жить мама с отчимом, но по приезде понял, что не сильно им там нужен. Пошёл учиться, окончил высшее учебное заведение, сходил в армию, успел поработать. Я старался с мамой не прекращать общения все эти годы. Приезжал к ней раз в месяц стабильно. Но она всё время была чем-то занята, и наше общение сводилось к сухому обмену информацией. И вот, встретив прекрасную девушку, решив жениться, долго думал, приводить её знакомиться с мамой или нет. Честно скажу, эта идея не вызывала у меня положительных эмоций. Чувствовал, что может всё пойти не так гладко, как хотелось бы. Но, успокоив себя тем, что это же моя мама, мой родной человек, я отбросил страхи и сомнения, и мы поехали знакомиться. — тут голос его стал тише и печальнее. — С самого начала всё пошло не по плану. Мой отчим, когда мы пришли, слишком много стал уделять внимания моей избраннице. Я с трудом её отдираю из его цепких объятий. Это, разумеется, повергло мою мать в бешенство. Сначала разговор с трудом клеился, но с каждой минутой в воздухе все больше ощущалось приближение грозы. Не хочется это всё детально вспоминать, но если вкратце, то мама моя обвинила меня в том, что я специально привёл с собой развратницу, чтобы совратить её мужа. Был жуткий скандал, финалом которого было заявление мамы, что она никогда не благословит нашу пару и больше ноги в её доме, чтобы не было этой...эм, женщины. После этого дня избранницы у меня больше не было. Как я ни силился ей всё объяснить, она и слышать про меня и мою семью не хотела. Я не винил её в этом, но сложно переживал этот момент своей жизни, силясь понять поступок мамы и не позволить этому событию испортить всё. Много работал, появляться стал в отчем доме раз в год под Рождество. Всё время теперь моё занимала работа. Параллельно заканчивал аспирантуру. И там, среди бесчисленных запруженных людьми коридоров, я встретил прекрасную девушку, с которой какое-то время был счастлив. Но это счастье продлилось недолго. — он откинулся на спинку стула, запрокинул голову и закрыл глаза. В таком положении он просидел пару минут.

Я молчала и боялась пошевелиться, не хотела спугнуть его откровенный поток мыслей.

Но буквально нутром ощущала этих демонов, что преследовали его всю жизнь. Они сейчас вышли из его души и кружили вокруг его измождённого тяжёлыми воспоминаниями тела. Я так хотела, чтобы они его оставили в покое, что сделала первое, что пришло на ум. Подалась к нему через стол и взяла его за руку, безвольно лежащую на столе. Мне хотелось этим жестом передать ему сил, чтобы он смог и дальше бороться со своими демонами. Он среагировал не сразу. Сначала продолжил полулежать на стуле, затем его ладонь едва ощутимо встrepенулась под моей. Я, не отрываясь, смотрела на его измученное неприятными воспоминаниями красивое лицо. Его веки вздрогнули, и глаза приоткрылись на мгновение. Затем снова ресницы опустились на щёки. Но спустя пару секунд Ветер поднял голову и в упор посмотрел на меня. Я, подавшись незадолго до этого через стол к нему, оказалась буквально в паре десятков сантиметров от его лица. Виски, выпитые мной во время его монолога, сыграли со мной злую шутку. Я почувствовала себя как-то странно. Глядев в его глаза цвета расплавленного шоколада, ощущала тёплую волну нежности, которая подступала всё выше к горлу. Сегодня я взглянула на него другими глазами. И была поражена до глубины сознания от увиденного и своих ощущений. Я заворожённо рассматривала его, словно никогда не видела прежде. Глаза цвета растопленного шоколада с тем же удивлением глядели на меня. Я словно впервые заметила в своём лучшем друге высокого, статного, красивого настоящей мужской красотой мужчину. Я легонько коснулась его щеки ладонью, провела ею в нерешительности по едва пробивающейся щетине, убрала руку, непонимающе взглянув на ладонь. Доселе не существующие эмоции начали просачиваться наружу, но я к ним не была готова. Ветер глядел на меня не менее удивлённо и как-то устало, будто до него уже успел дойти смысл этих ощущений. Он положил свою руку поверх моей. Я перевела взгляд на неё. Ладонь его была большая и тёплая, она закрыла мою полностью. Он слегка сжал мою руку. Я снова взглянула ему в глаза. В них было столько эмоций, которые я никогда не замечала прежде. Я хотела бы всё это списать на алкоголь, но мы немного выпили. Да и положила руку на сердце, мы выпивали с ним прежде, а таких ощущений не было. В квартире стояла звенящая тишина, Было слышно лишь наше дыхание. Мы говорили глазами, нам не нужны были больше слова...

Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, и я кожей ощущала, как воздух вокруг нас накалялся. Как тогда, в его кабинете ресторана.

Пронзительный звонок в дверь оглушил нас с Ветром и раскинул в разные стороны друг от друга. Сердце лихорадочно стучало в груди от испуга. Никогда прежде не замечала, что у нас в квартире такой громкий звонок. Вздохнув, я встала из-за стола и прошла в прихожую. Даже не взглянув в глазок, открыла дверь.

— Здравствуйте! Пылесос нового поколения с мощностью... — я, не дослушав, захлопнула перед носом торговца пылесосами дверь. Надо же, испортил такой момент. Я понимала, что уже его не вернуть. Это что-то новое для меня. То, с чем нужно ещё разобраться. Возможно уже не сегодня, но я обязательно разберусь с этими эмоциями. Потёрла лицо ладонями, пытаюсь себя привести в чувство, прошла в кухню.

— Прости, продолжай, пожалуйста.

Ветер выглядел уже как прежде, словно не было между нами мгновение назад никакого напряжения. Он похлопал по дивану напротив себя, приглашая меня присесть. Я повиновалась. Он продолжил:

— Я любил её безумно. Это была какая-то нездоровая юношеская влюблённость, от которой я сходил с ума. Не мог заснуть без её голоса, не мог смеяться, когда её рядом не

было. Казалось, даже не мог дышать, пока она не позволит. Она тоже казалась влюбленной в меня, выглядела счастливой. Вскоре все мои друзья мне периодически стали намекать на то, что она мне изменяет. Я ругался со всеми, доказывая, что этого не может быть. Спустя время у меня не осталось рядом друзей. Я всех разогнал. Они ведь пытались меня с ней рассорить. Зато была рядом та, которую я боготворил. Мне этого было достаточно. Я жил и радовался, пока однажды сам не увидел подтверждения её неверности. Сначала это были сообщения, приходящие на её телефон. Она говорила, что это ошиблись номером и всё такое. Затем пошли странные звонки глубокой ночью. Она говорила, что кто-то разыгрывает её и это просто чьё-то баловство. Я вовсе не дурак. Просто легче верить в сладкую ложь, чем услышать горькую правду вопреки поговоркам.

Не думал, что когда-нибудь окажусь внутри дурацкого анекдота про неудачника мужа, который вернулся раньше из командировки. Правда, не совсем из командировки. Я уехал на несколько дней к матери в другой город. Она оставалась одна дома, прощаясь со мной, плакала, говоря, что не хочет расставаться со мной даже на несколько дней. Я два дня разлуки места себе не находил. В итоге решил ехать на ближайшей электричке, не в силах больше быть без неё. Приехал на день раньше. Зашёл в квартиру, положил ключи на столик у входа, снял туфли, бросил дорожную сумку рядом. До меня донеслись обрывки фраз. Я решил, что она говорит то телефону с кем-то в ванной. Решив сделать ей сюрприз, я заранее купил её любимые цветы и с веником из белых роз распахнул дверь ванной. Мгновение я молчал, молчали и они, она всё прикрывала лицо руками, возможно, ей было стыдно, но скорее всего просто страшно. На моём лице была лишь малая доля той ненависти, что я ощутил, увидев их. Первым моим порывом было убить и его и её, но здравый смысл, как ни странно, возобладал. Я наотмашь кинул розы о стену, они, ударившись, рассыпались по ванной. Вышел и захлопнул за собой дверь. Я не помню, как собирал вещи, не помню, что делали они в этот момент. Я двигался быстро и точно, словно всю жизнь уходил от неё. Вещи брал только те, которые мне пригодятся в ближайшее время. Удивительно, но на все сборы я потратил не больше десяти минут. Не взяв ничего лишнего, покинул квартиру навсегда. Я больше не появлялся в ней ни сразу, ни потом. Не видел в этом смысл. Лишь однажды я вновь её встретил. Встретил, чтобы уйти, наконец, навсегда. Ветер замолчал и тяжело вздохнул. Было очевидно, что ему нелегко далось это признание. Похоже, он ещё никому не рассказывал этого. Он встал, прошёлся по кухне взад-вперёд и снова сел на стул.

— Понимаешь, я не жалею, что жил с ней, что так ушёл, что вообще повстречался с этим человеком. Я понял вот что: всё, что происходит с нами, необходимо для становления нашей личности. Нам не посылаются те испытания, которые мы не можем вынести. Эта история показала мне, что нельзя растворяться в человеке без остатка. Что слепо верить кому-то глупо. Я стал сильнее. Да, было невыносимо сложно пережить разрыв. Ещё сложнее оказалось не быть слабым и не простить ей её поступка, уйти навсегда. Оказывается, человек может простить абсолютно всё. Какова степень твоего прощения? Моя оказалась огромной! Я простил её уже на следующей неделе и хотел вернуться в нашу квартиру! Это были болезненные, зависимые отношения и разрыв давался с трудом. Я не мог выносить дни без неё. Пока она не появлялась на горизонте, в моей душе кипела злость и обида. Но стоило ей начать мне звонить, писать, приходить к моим старым друзьям с просьбой сказать им мой новый адрес, как всё, я ощущал, что возводимая мною стена рушится. Самое сложное было не поддаваться на это, не обращать внимание на её слезы в голосовых, на её сообщения в которых она умоляла простить. А ведь я простил. Простил от малодушия, от страха потерять

её. Она была моей зависимостью. Я, как наркоман, жаждал новой дозы в виде общения с ней и, не получая этого, сходил с ума! Вот такая ирония! Она меня предала, а я боялся её потерять навсегда. Почему-то вспоминались лишь хорошие моменты, проведённые с ней! О её измене я будто и думать не хотел. Это причиняло такую боль, что мозг просто закрылся от этих воспоминаний. Однажды, вскоре после её раскрывшейся измены, словно сомнамбула, я плёлся по городу, думая о своей судьбе, о боли и разочаровании. Очнулся лишь во дворе, в котором жили мы с ней до расставания. Я стоял на детской площадке, всматриваясь в окна некогда нашей квартиры. Готов был подняться туда и всё ей простить. Готов был упасть на колени перед ней сам, настолько больно и тяжело мне было без неё. Я сделал даже несколько шагов в сторону парадной, когда увидел, как она вышла из него с каким-то мужчиной. Они шли, державшись за руку, и над чем-то весело смеялись. Сердце, на мгновение замерев, понеслось вскачь. Я хватал ртом воздух, пятясь назад. Она не увидела меня. Я быстро ушёл оттуда и больше никогда не возвращался. В тот момент умерло во мне что-то. Умерла любовь, чистая и искренняя. Она убила её, не моргнув глазом. Эта женщина оказалась подлым, лживым существом. Она рыдала в трубку, прося меня вернуться, и в тот же миг была с другим. Но человек может вынести многое. Это я тоже уяснил, когда переехал после этого всего в ваш дом и поселился у тебя за стенкой. Я учился жить заново. Помогала музыка и ты. Ты не можешь себе представить, как вы помогли мне тогда. Ты и новорождённый наследник престола! Спросишь, как? Всё просто. Я чувствовал, что нужен вам. Понимал, что без меня твой сын плохо спит, да и ты тоже. Я встречал тебя на лестничной клетке и видел темные круги под глазами, видел твой изможденный вид и понимал, что нужен этим незнакомым для меня людям. А это оказалось как глоток свежего воздуха. Я ждал целый день наступления вечера, чтобы своей игрой на гитаре уложить малыша спать. В благодарность за мои труды ты выглядеть стала лучше. Сон исцелил тебя, и кругов под прекрасными глазами больше не было. Я видел твоё радостное лицо и хотел для вас делать всё больше и больше. Готов был сутками играть и петь, лишь бы вам обоим было хорошо. Смешно звучит? Ну что поделаться, если это чистая правда! Не я вам помогал, усыпляя каждый вечер твоего малыша, а вы помогали мне снова чувствовать себя нужным, помогали начать жить. Постепенно я успокоился и научился вновь испытывать радость и быть благодарным за то, что я имею. А имел я в соседстве прекрасную девушку и чудесного малыша, который не мог заснуть без меня. Вы оказались моим самым действенным лекарством. Я не говорил этого тебе никогда. Но теперь, раз уж зашёл за это разговор, скажу тебе огромное спасибо. Без вас мне было бы гораздо тяжелее все это пережить и исцелиться от этого предательства. Хотя, наверное, слово исцелиться сюда не подходит. Как ты знаешь, я не могу после неё строить серьёзные отношения. Доверять так слепо уже не получается. Тогда всё же что-то надломилось во мне, как ни крути.

— Я тебе рассказал историю своих родителей и своего детства, чтобы ты понимала, что порой лучше развестись, чем продолжать мёртвые отношения. Да, ситуация, творящаяся в те времена в моей семье, не схожа с твоей, но общее есть. Это ребёнок. Твой сын, ради которого ты плетёшь иллюзорную паутину видимости нормальной семьи. Я был таким же мальчуганом, который видел, как несчастна мать, и который, когда вырос, стал благодарен ей оттого, что она тогда ушла от отца. Спустя годы я увидел, как моя мать счастлива уже в других отношениях и это для меня всё оправдало. И рассказал тебе собственную историю, где был по Ту сторону измены и что мне, мягко скажем, не понравилось. Это очень жестоко и непростительно — лгать, глядя в глаза человеку, с которым живёшь. Эгоистично строить

своё счастье, причиняя боль близкому.

Он был прав. Я виновата перед своим мужем. Несколько лет живу в омуте лжи. Сама несчастна и делаю несчастным его. Совесть и так меня не отпускала последнее время. Я уже не могла нести эту ношу одна. В попытке скинуть с плеч тяжкий груз, я сегодня поделилась с лучшим другом своей постыдной тайной. Но облегчение, которое я так жаждала, мне это не принесло. Совесть с новой силой наступила на горло и топталась по нему своими грязными сапогами, оставляя следы. Видимо, я изменилась в лице, потому что Ветер поднялся со своего места, налил в стакан воды и поднес к моим губам. Я сделала пару глотков и посмотрела на него так, словно он причина моих бед.

— Я чувствую себя ужасно. Я словно перепачкана в грязи..., смогу ли я когда-нибудь отмыться? — я глядела на него во все глаза, будто от его ответа зависела моя судьба.

Ветер пожал плечами и промолчал. Я видела, как он разочарован во мне. Видела, как по его красивому лицу пробежала тень после моего признания. И это ранило меня, да только сама во всём виновата. Я не знала уже, куда прятать свои глаза. Я понимала, что выгляжу перед своим другом в самом дурном свете. Но назад пути нет, история озвучена и услышана, теперь о нашей тайне знаем не только мы с Морем, но и третий человек. Я доверяла Ветру, понимала, что он не станет рассказывать обо всём услышанном моему супругу. Теперь меня гораздо больше волновало то, что он изменит своё доброе отношение ко мне.

— Ты шокирован моим признанием? Не молчи, прошу тебя? — я подалась вперед на диване, желая растормозить Ветра. Казалось, прошла целая вечность, когда он заговорил вновь.

— Я удивлен просто. — он сделал паузу, не глядя мне в глаза. — Ты для меня всегда была ангелом. Образцом идеальной жены. Оплотом верности и порядочности. Теперь же я очень хочу тебя понять, понять твои мотивы. Но пока плохо выходит. Я не знаю, что тут ещё сказать. — он развел руками, по прежнему не глядя на меня. — Просто поверь на слово, больно быть на месте обманутого мужа или жены. И возможно я кажусь тебе глупым моралистом, у которого не укладывается в голове для чего выходить замуж, если потом ты не можешь хранить верность своему близкому человеку. — в голосе послышались стальные нотки. — Но я думаю, стоило тысячу раз подумать, прежде чем выходить замуж, если ты не любила человека. — жёсткий, испепеляющий взгляд. Я забыла, что надо дышать. Во все глаза смотрела на Ветра и понимала, что совершила большую ошибку. Он не понял меня. Его самого предала любимая много лет назад, и от того искать поддержки у него было глобальной ошибкой. Я прикрыла устало глаза. Ну вот, мало того, что меня снедала совесть, да так, что потеряла сон от терзавшего меня чувства собственного ничтожества, так еще и Ветер винит меня в моих же грехах. Я старалась взять себя в руки, постараться не заплакать. Кому нужны слёзы предателя? С трудом проглотив комок в горле, я едва выдавила из себя:

— Всё не так, наверное, как кажется. Я влюбилась в него с первого взгляда. В конце концов, я не знала, что такое может со мной произойти! Я не юная девушка была, когда это со мной случилось. Я вообще не думала, что ещё способна на любовь. А замуж вышла, потому что решила, что достаточно для брака тёплого уважительного отношения. Но когда на моём пути появился Он, я не смогла отказаться от этого чувства, оно захватило меня полностью. — предательская слеза всё же повисла на реснице, угрожая испортить идеально наложенный макияж.

— Знаешь, я наверное никогда этого не пойму. Если у тебя есть супруг ты в принципе не должна позволять никому другому войти в твою жизнь. Ты позволила себе влюбиться, но

должна была любого, кто грозил твоему браку отсылать прочь. — Ветер немного повысил голос и я ещё больше внутренне сжалась в комок.

— Конечно, ты не поймёшь этого, не ты прожил столько лет бок о бок с моим Мужем, не ты был одинок имея семью! И в конце концов я возможно и совершила ошибку, но к тебе пришла как к другу за поддержкой, а не как к моральному компасу! — Я поняла, что никакими словами не смогу до него достучаться.

— Знаешь, можно сколько угодно в таком случае совершить ошибок, причинив всем своим родным и близким бесконечную боль, а потом просто сказать «извините, кто из нас не совершает ошибок?!» Может, тогда стоит простить всех убийц и маньяков? — со злостью прошипел Ветер. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он всегда нежный и ласковый со мной, теперь сделался ядовитым, источающим ненависть, человеком. Я не ожидала такой реакции на своё признание. И очень боялась открыть ему свою душу и оказалось, что не просто так! После такой реакции готова была от отчаяния разрыдаться. Но меня одновременно с этим дико злило, что он ни на секунду не может представить, что я просто человек, женщина, отчаянно уцепившаяся за возможность, хоть и временно, быть любимой.

— Ты переходишь границы! Я не говорю, что можно совершать ужасные поступки и ждать, что тебя простят от одного только слова «извини»! Но как можно тебе объяснить, что я выходила замуж молоденькой девочкой, которая решила, что уважение и тёплое, скорее дружеское отношение к избраннику станет крепким и стабильным чувством для семьи! А вот когда меня нашло, да что уж неожиданно настигло, настоящее всепоглощающее чувство, я не смогла отвернуться от него! Да, я виновата, мне нет прощения, безусловно, но ведь счастливый человек не поступит так! Мне всё время не хватало чувств. Я возненавидела мелодрамы, песни о любви, парочек на остановках, которые, не стесняясь окружающих, растворяются в объятиях друг друга! Я чувствовала, что я словно оторвана, отрезана от мира огромным толстым стеклом. Я вроде нахожусь здесь, как все в этом городе, хожу по тем же улицам, что и все, вокруг меня сотни людей, но меня нет! Я не живая! Без любви человек всё равно что мёртв! И тут не работает, что достаточно любви к ребенку или родителям! Нет! Любому человеку необходимо ощущать себя нужным, любимым, совсем не родственной любовью! — мои глаза метали молнии. Я понимала, что мне его не убедить, не оправдаться за свой поступок. Но и принять то, что Ветер навсегда изменит ко мне своё отношение, я не могла.

— Ты так рассуждаешь, будто не от тебя зависело, что сделать со своей жизнью! Ты ведь всегда могла развестись, если тебя что-то не устраивало!

— Правда есть в твоих словах, но, что я сказала бы своему сыну, когда он вырастит? Что я лишила его родного отца только потому, что мне хотелось любви, которую я недополучала?! Да я, может, не встретила бы никого, кто разбудил бы во мне эти чувства?! И что следовало бы и ребенка отлучить от отца, и остаться одной? — я перешла на крик. Я достаточно импульсивный и эмоциональный человек и Ветер тоже. И всё же за годы нашей дружбы мы ни разу с ним серьёзно не поругались. Это были скорее пустяковые споры, которые быстро прекращались из-за своей нелепости.

— То есть ты от собственной слабости и трусости осталась с таким понятным и удобным мужем под одной крышей и решила, что ничего не изменится, если ты немного предашься любви?! — прорычал Ветер. Он так резко поднялся со своего стула, что тот перевернулся.

— А что ты так защищаешь моего Мужа?! — я смотрела на него со злостью,

исподлобья. — Ты невыносим! Я поделилась с тобой своей болью и переживаниями, а ты просто накричал на меня, видимо, рассчитывая, что твои порицания мне чем-то помогут!? Я виновата перед Мужем, это так! Но сделанного не вернёшь, как и не вернёшь спокойную совесть!

— Я за то, что сначала нужно было развестись со своим супругом, а потом уже кидаться в омут своей непрощенной любви с головой! — он перестал кричать, но всё ещё зло смотрел на меня, стоя, уперев руки в бока. Стул по-прежнему лежал на полу.

— Это эмоции! Я была на эмоциях! В тот момент я не чувствовала, что совершаю что-то предосудительное! Мне казалось, что всё происходящее настолько естественно, что это давно должно было случиться! Наша встреча с ним для меня была благословением! Я упивалась каждым мгновением с ним! Только не представляла себе, что угрызения совести настигнут меня с такой силой! А твои рассуждения хоть и правильны, но что ты знаешь об этом!? Женщине не так просто уйти в никуда с малышом! Кому бы я была нужна одна разведённая, с маленьким ребёнком на руках? — ещё не много и я чувствовала, что взорвусь от негодования.

— Ты была бы нужна...мне... — на этой фразе голос его звучал уже тихо и ровно, меня словно оглушили. Я увидела нас с Ветром со стороны. Я сижу на диване на собственной кухне, из освещения только диодная подсветка на кухонном гарнитуре. Я вся такая воинственно настроенная, рыжие волосы разметались по плечам, лицо покраснелось от жаркой ссоры и только глаза минутой ранее гневно сверкавшие в полумраке, теперь поражённо глядят на него. Ветер стоит, сзади него лежит перевернутый стул, руки упёрты в бока, плечи поникли после высказанных слов. Он неотрывно смотрит на меня, словно ожидая ответа. А у меня в голове лишь одна мысль:

"...Господи...ещё и это я точно не вынесу!"

— Что ты этим хочешь сказать? — я облизала пересохшие от волнения губы.

Ветер поднял стул, поставил его на место, не спеша отвечать. Налил ещё по пол бокала виски себе и мне и выпил одним глотком из своего, протянув мне мой. Я молча приняла из его рук алкоголь, залпом выпила, ощутив, как виски приятно обожгло горло.

— Ты наверняка удивлена? Я не говорил тебе ничего подобного никогда. Ты была для меня всегда образцом идеальной жены, матери. Меня так зацепило, что кто-то, наплевав на твоё семейное положение, воспользовался твоей слабостью, твоим шатким эмоциональным состоянием. Меня всегда останавливало то, что у тебя есть семья. Ты для меня из-за этого была недоступна. — он достал из кармана пачку сигарет, закурил. — Я смотрел на тебя всегда с благоговением. Неужели ты этого не замечала? Мне нужна была всего лишь твоя улыбка, тёплый взгляд, и я уже был счастлив. О, я знаю, я ещё пожалею о своих словах, о том, что признался в своих чувствах. Ты наверняка перестанешь видеть во мне настоящего друга. Мне жаль. Правда жаль. Просто меня до потери сознания возмутило твоё рассуждение о том, что ты никому не стала бы нужна, стоило бы тебе развестись. — Он потушил сигарету, устало провёл ладонью по лицу. Я сидела в полуметре от него и чувствовала себя такой разбитой. Порой не знать правды лучше, чем узнать что-то, после чего мир перестаёт быть прежним.

— Я удивлена, ты прав. Я не знаю, что на это тебе ответить. Не понимаю, почему ты мне раньше ничего не сказал?

— А что я должен был сказать? Что влюблен в тебя с тех самых пор, когда мы встретились на лестничной клетке в первый раз? — он невесело усмехнулся. — Ты в то

время совсем измотанная была. Помнишь, какие бессонные были ночи у тебя? Для меня уже было наградой, что ты со мной сдружилась, и эти годы я счастлив был находиться рядом и разделять с тобой всё. — Прости, не стоит нам это всё ворошить. Давай сделаем вид, что ничего не произошло, и ты не в курсе о моих чувствах? — он выглядел сейчас особенно далёким, будто, мысли его были не здесь.

— Спасибо, что рассказал. Я пока не знаю, что делать с этой информацией, но благодарна тебе за то, что ты решился сказать это вслух. — я сидела, потупив взор, мне нечего было ему ответить. Всё с самого начала пошло не по плану. Я должна была ему признаться в своей связи с Морем. А в ответ Ветер выбил из-под меня почву своим признанием. Я теперь совсем не представляю себе, как мы будем с ним общаться. Как я смогу зайти в домашней одежде к нему среди ночи, разбудить его, если самой не спится, и проговорить на кухне под мерное тархтенье холодильника обо всём на свете до утра? Он был мне всегда верным другом, принимающим мою сторону, никогда не пытался меня задеть и обидеть. Он всегда был важной частью меня. А теперь, а что теперь? Я знаю, что он влюблён в меня и понимаю, что только слепой мог не заметить этого. Часто ловила его грустный, задумчивый взгляд, но, встретившись со мной взглядом, он отводил глаза в сторону. Порой мне казалось, что он хочет что-то сказать, но стоило мне спросить его об этом, отшучивался. Я уже сейчас стала собирать воедино паззлы, которые говорили мне о моей глупости и слепоте. Но хуже всего не это, а то, что я после его признания ощутила острый укол жалости к себе, к нему, что всё в нашей жизни так обернулось. Мои раздумья прервал голос Ветра:

— А по поводу твоей тайны, я думаю, не стоит признаваться мужу в измене. Он этого не перенесет, поверь мне. — горько усмехнулся он своим мыслям. — Это, бесспорно, ужасно то, что ты совершила, но сделанного не воротишь. Что ты можешь изменить? Разве что решить для себя, чего ты хочешь от этой жизни. Нужен ли тебе твой муж, которому ты так легко изменила? Стоит ли жить с ним дальше и, вполне вероятно, снова изменить? Быть всё время в напряжении, что он узнает об этом, страшиться, что тайна откроется? Если ты видишь себя с ним в старости, то тут и говорить не о чем. Будь с ним нежной и ласковой, пытайся загладить вину и даже если через время всё откроется, он не сможет тебя не простить после того, как ты долгое время дарила ему счастье. — он встал. — Я думаю, тебе следует решить, с кем ты хочешь быть, кто и что тебе нужно в этой жизни. Только ты можешь выбрать свою судьбу. Она ведь ежедневно тебе предлагает тысячи дорог, а по какой пойти — решать тебе. А я хотел бы остаться твоим верным другом и дальше. Надеюсь, после сегодняшнего между нами всё останется как прежде.

— Ветер, мне так жаль. — я ощущала, как после виски захмелела немного.

— Чего тебе жаль?

— Твоих родителей, которые развелись, когда ты был маленьким. Жаль твоего отца, который, похоже, очень любил твою мать, но, видимо, алкоголь любил больше. Жаль, что вы с ним так и не стали близки. Но знаешь, хорошо, что хотя бы в последний год его жизни ты был рядом с ним. А ещё мне жаль тебя, что та девушка поступила так жестоко с тобой. И, в конце концов, мне так жаль нас с тобой! Может быть, если бы мы встретились при других обстоятельствах, между нами что-то бы и возникло? — с каждой фразой я всё больше ощущала собственное опьянение и тем более старательно выговаривала слова. Уже была половина четвёртого утра. У меня был слишком насыщенный день, который начался в доме на озере с Морем, а закончился нашим взаимным признанием с Ветром. Я совершенно

измотана и виски слишком расслабил мой мозг.

— Спасибо, но никто не виноват моему отцу в том, что он из-за собственной зависимости потерял семью. А насчёт моей бывшей девушки, я рад, что узнал о её слабостях на начальном этапе отношений, было бы гораздо хуже сперва жениться на ней и родить детей, а потом застать в объятиях другого. А что до жалости к нам с тобой, так тут и вовсе не о чем жалеть. Мы бы просто с тобой не сдружились при других обстоятельствах. Вспомни, что наше знакомство, которое позже вылилось в дружбу, произошло благодаря наследнику престола. Потому всё так, как должно быть. Судьба. — многозначительно проговорил Ветер.

— Ты очень мудрый, какой же ты мудрый. — мои веки слипались.

— Пойдем, ты должна прилечь в постель, я посижу с тобой рядом, пока ты не уснешь. — он довел меня до дивана, укрыл одеялом и присел на край. Хочешь, я расскажу тебе одну притчу? Я промычала что-то невнятное в ответ. Он начал:

— «Она его встретила. Он был надежный и сильный.

Он взял ее за руку, и они пошли вместе по дороге жизни, они были счастливы.

Им хорошо было идти вместе, но однажды он отпустил ее руку.

Не специально, просто так получилось.

Она испугалась и уцепилась в него двумя руками.

Он забеспокоился и спросил зачем. Она не смогла ответить, потому что сама не знала точного ответа. Они пошли дальше, но она по-прежнему держала его двумя руками. По дороге жизни идти таким образом было очень утомительно.

Радость от совместного путешествия куда-то улетучилась. Ощущения счастья сменили тревога и недоверие. Он очень устал от этого и однажды, когда она спала, ушел один.

Она проснулась и ей стало очень одиноко, дорога потеряла смысл. Она заплакала, пошла по дороге жизни одна. Через некоторое время ей стало легче. Еще через некоторое время она по-прежнему шла одна и уже улыбалась солнцу.

Ей снова было хорошо, но у нее возникли вопросы... Стоит ли идти с кем-то рядом по дороге жизни? Держаться ли за него? И как за него держаться?

Позже она поняла, что идущим по дороге жизни рядом должно быть одинаково комфортно. Для этого не нужно крепко-накрепко держать друг друга. Достаточно уважения, любви и доверия. Только такой совместный путь имеет смысл и принесет удовольствие обоим.»

— Так вот и в жизни дорога должна приносить радость обоим. Не нужно ни за кого держаться и нужно уметь отпускать. Легче станет, но не сразу. — Ветер укрыл меня одеялом, которое сползло с плеча. Он думал, что я уснула, а я лежала с закрытыми глазами, силясь не уснуть, и обдумывала эту притчу. Так, по сути и есть. Разве можно неволить человека? Если ему не комфортно, то не следует его удерживать силой, пусть даже когда очень страшно человека терять. И чем больше пытаешься удержать человека, тем больше он хочет ускользнуть. Только вот кто кого держит? Муж мой держит меня насильно или же я пытаюсь удержать Море? Блуждая в закоулках этих мыслей, я не заметила, как уснула.

Глава VI. Касаясь Мужа

Утром я проснулась с хорошим настроением. Сладко потянувшись, приоткрыла один глаз. Комната освещалась таким редким зимним солнцем, что на душе сразу стало радостнее. Я лежала, укрытая в гостиной на диване. Едва подумав, почему я вчера уснула не в своей постели, а здесь, на меня тут же обрушились воспоминания предыдущего вечера. Моё признание Ветру в супружеской измене, его рассказ о непростом детстве и предательстве девушки, наша ссора, его обвинения в моей непорядочности и, в конце концов, оглушительное признание Ветра в его чувствах ко мне. Я крепко зажмурила глаза и укрылась с головой, в надежде, что это просто сон и я сейчас проснусь в моей привычной реальности. Но этого не произошло. Зло откинув одеяло, будто оно было во всём виновато, я поднялась с постели. Похоже, мне всё это не приснилось. Я не представляю теперь, что мне делать и как общаться с Ветром. Я не испытала облегчения после того, как открыла ему душу. Скорее наоборот, понимала, что в его глазах я навсегда останусь изменницей. Я не та хорошая жена и мать, как он думал. И его доброе ко мне отношение разбилось о реальность. Один Бог знает, как он после вчерашнего будет ко мне относиться. И как теперь мне нужно к нему относиться. Вместо облегчения всё запуталось ещё больше вокруг меня. Настроение стремительно портилось по мере того, как я вспоминала подробности нашего диалога с Ветром. Пройдя босыми ногами по прохладному полу на кухню, я поставила чайник на плиту. Теперь даже утренний кофе для меня не такой вкусный, как тогда, когда мы с Ветром его пили вместе, не считая чашек. Насыпав из банки травяной чай и залив его кипятком, я плюхнулась на диван. Хотелось пойти к Ветру. Вчера мы будто бы не договорили. Хотелось увидеть его и понять, насколько между нами всё изменилось. Но я боялась увидеть вчерашнее разочарование на его лице и потому продолжала сидеть на диване за обеденным столом и смотреть, как над чашкой чая поднимается пар. Вечером мои родители должны привезти сына. Хорошо, что хотя бы с ним мои отношения находятся на прежнем уровне. Я по-прежнему для него любимая мама. Но что будет, когда он вырастет и поймёт, что я изменяла его отцу? Станет ли он винить меня, если мы с его отцом разведёмся именно по этой причине? Жутко не хочется быть самой виноватой во всём. Это синдром отличницы или жертвы, я ещё не разобралась. Я вообще ни в чём не могу разобраться! Как же хотелось, чтобы всё как-то само уладилось! Но нет, только ещё больше запутывается. У меня был муж. Много лет я хранила ему верность, при том, что, будучи замужем за ним, я не была счастлива. Появился Море. Вот оно, казалось бы, то самое счастье! Но нет. Всё стало нещадно запутываться. С ним я не могла быть, ведь уходить от своей жены он не собирался, и мы виделись урывками и втайне. Но и от мужа уходить в никуда тоже не могла, поддерживая для сына и моих родителей иллюзию нормальной семьи. А теперь ещё и Ветер! Мой драгоценный, настоящий друг оказался влюблённым в меня. А я только недавно разглядела в нём мужчину. Я перестала понимать что-либо в своей жизни. Как у других всё просто. Женились-живут вместе, счастливо и понятно. А у меня какой-то дешёвый сериал, а не жизнь. С другой стороны, моя семейная жизнь со стороны тоже выглядит понятной и стабильной. Мне сейчас не под силу разобраться в собственных чувствах и в личной жизни. Слишком я запуталась. Стоит поехать к родителям за сыном, заодно сменить обстановку. Только сперва нужно немного поработать.

В фирме, в которой я много лет тружусь, сейчас многие болеют, и я ушла на удаленную

работу, благо должность моя позволяла это сделать без потери производительности. Приняв контрастный душ, я оделась в рабочую одежду, открыла ноутбук. Сегодня у меня две видеоконференции. Связавшись сперва с начальством, с которым я была в товарищеских отношениях, а затем с парой коллег, я увлеклась работой. Да так, что не заметила, как открылась дверь в гостиную, где я сидела за ноутбуком, и в дверном проёме показалась голова мужа.

— Привет, ты занята? — не ожидала его увидеть, ведь он пару дней назад уехал в командировку.

— Скоро. — одними губами проговорила я. Он вышел из комнаты, а я выпала из конференции, потому как мысли усиленно закопошились в моей голове. Почему он приехал домой? Он сейчас должен быть в командировке. Неужели Ветер с ним говорил и оттого Муж вернулся? Я действительно очень скоро закончила с работой, закрыла ноутбук и пошла в кухню, где уже обедал супруг.

— Я не ждала тебя так рано. — есть мне совсем не хотелось, и я просто присела напротив него.

— А я как в анекдоте: приехал пораньше, чтобы ты не успела любовника выгнать. — то ли шутит, то ли нет, я не поняла по интонации, а сил выяснять это у меня просто не было. Он исподлобья посмотрел на меня, но не продолжил эту тему.

— Ты всего пару дней назад уехал. Ещё полторы недели ты не должен был появляться дома. Что случилось? — Я не верила, что Ветер мог меня подставить и доложить Мужу мою тайну.

— Может, я соскучился? — он был странный, но не более. Понять из его ответов я ничего не могла.

— Ты надолго дома? Или нужно будет снова уезжать?

— Я приехал на пару дней, у моей... начальницы, с которой мы вместе были в командировке, заболели дети, и она предложила мне тоже вернуться в город. Через пару дней, я думаю, мы снова поедem.

Я смотрела на него с нескрываемым раздражением. Но он не замечал этого, потому как не отрывал носа от тарелки. Он устроился на эту работу, как только я забеременела. Сразу стал ездить по командировкам. Две недели был дома, две недели проводил в поездках по областным филиалам. Эта работа не приносила нам больших денег, скорее даже приносила сущие копейки. Но он говорил, что скоро его повысят и зарплата станет больше. Правда, его всё не повышали никак. На этой работе ему нравился коллектив и то, что он не скучает в офисе дни напролёт. В командировки он уезжал с радостью, в принципе, как и возвращался. Меня устраивало, что его часто не бывает дома, потому как в это время я занималась собой, хозяйством и порой виделась с Морем. Я смирилась, что Муж не зарабатывает на этой работе, но хотя бы не мешается под ногами и не нудит над ухом. Я задолго до нашего знакомства устроилась в крупную фирму к своему бывшему однокласснику. Мы чудесно сработались и я уверенно шла по карьерной лестнице, зарабатывая в два, а порой и в три раза больше супруга. Опять же, нам не нужно было платить по ипотеке. Квартира, в которой мы живём, была в собственности моих родителей. И как только мы решили пожениться, они её переписали на меня. У нас две хорошие машины, кредиты, за которые я давно выплатила из своей высокой зарплаты. Потому мне не особенно важно было, сколько мой Муж зарабатывает. Мне было важно, что он есть в жизни нашего сына, пусть и две недели в месяц. А в остальные две недели мы прекрасно проводили врозь. Но сейчас, когда я так

нуждалась в покое и тишине, нуждалась в одиночестве, чтобы разобраться в себе, он вернулся домой! Ещё и на неопределённый срок! Насколько я могу судить, он ничего не знает обо мне с Морем. Только само присутствие Мужа сейчас в квартире меня тяготило.

— Раз ты приехал так неожиданно, может, поедешь заберёшь сына у моих родителей? Они должны были его вечером привезти. Но я соскучилась по нему и думала сама съездить, как только закончу с работой.

— Может, лучше ему побыть у бабушки с дедушкой, пока мы не наладим наши отношения?

— Какие отношения? О чем ты? — я с вызовом взглянула на него. Муж поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза. После непродолжительной паузы он заговорил:

— Ты отдалилась от меня. Что происходит?

Я не сразу нашлась, что ответить. Мне так не хотелось затевать этот разговор.

— Наверное, это кризис, знакомый каждой семье. — я надеялась, что этот ответ его удовлетворит и он не будет больше задавать эти вопросы.

— Не в каждой семье случается то, что происходит сейчас между нами. Ты сама не своя. Я совсем не знаю, как себя вести с тобой. Ты будто другой человек.

Хотелось крикнуть ему, что он и не знал меня вовсе, что мы никогда не были слишком близки настолько, чтобы потом говорить подобные фразы. Но понимала, что этот разговор ни к чему хорошему не приведет.

— Я такая же. Возможно, в этом вся беда. Я слишком устала от себя такой и хочу, наконец, расправить крылья, но не могу. В этой банке, под названием наша с тобой жизнь, мне слишком тесно и крылья упрутся в стенки.

— Может, нам стоит обратиться к семейному психологу?

— Что за глупости ты говоришь? — я посмотрела на него недоуменно. — Неужели ты думаешь, что семейный психолог в силах что-то между нами изменить? Ты думаешь, очевидно, что всё, что сейчас происходит — лишь временные трудности? — я чувствую, как нарастает раздражение в груди, как оно теснится внутри и требует выхода. Я держу его из последних сил, не желая затевать ссору, но это выше меня. Мне уже не удержать бушующего урагана эмоций, что прочно хранила я в себе всё это время. — Где же ты был раньше со своим семейным психологом, пока всё не запуталось настолько сильно? — перехожу на повышенный тон, но всё ещё удерживаю в себе негодование. Муж как-то подозрительно молчит, что раздражает меня ещё больше. Я вскидываю на него глаза, но он по-прежнему спокоен и не отвечает. Видя его искреннее недоумение я успокаиваюсь. Гнев улетучивается так же быстро, как появился. Я силюсь теперь удержать его внутри. Ведь гораздо легче, когда ярость бушует в груди, нежели обреченность и боль снедает сердце. Но уже поздно, злость уступила место равнодушию и усталости от ситуации, в которую я сама себя загнала.

Я знала только один способ донести до Мужа, что нам точно не поможет никакой семейный психолог. Это признаться ему здесь и сейчас в измене. Но, помня, как среагировал Ветер на эти слова, я боялась даже представить себе, как отреагирует Муж. Он продолжал есть, всем своим видом показывая, что его зацепил мой отказ обратиться к психологу.

Порывисто поднявшись с дивана, я вышла из-за стола. Мне необходимо было чем-то себя занять, пока в голове царил такой хаос. Я принялась за мытьё посуды, одновременно думая, что сейчас самое лучшее время, чтобы во всём ему признаться. В конце концов, я больше не могу так жить. Я много лет несчастлива в этом браке. Настолько, что кинулась в объятия первого встречного. И если сперва я получила то, чего так жаждало моё сердце, то

вскоре появились угрызения совести. Этого всего могло не быть, если бы я не находилась в этом гнетущем браке. Похоже, единственный выход из сложившейся ситуации — это развестись с Мужем. Что, думаю, он и сделает, когда узнает о моей измене. Я продолжала мыть посуду, собираясь с мыслями и с силами для рокового признания. Как же мне не хватало сейчас сильного плеча Моря. Его рассудительности и уверенности. Да и поддержка Ветра была бы сейчас очень кстати. Ветер..., так всё усложнилось после его признания. И будем ли мы после этого ещё дружить? Я искала и не находила в себе сил, чтобы сказать Мужу всю правду. За окном сгустились чёрные тучи, солнце надолго скрылось за ними. Настроение моё было таким же пасмурным, как и погода. Совсем скоро Новый год. Что я за гнилой человек такой, если хочу признаться Мужу в измене перед самым семейным праздником в году?

С погодой творилось что-то невероятное. Для нашего города Непогод сейчас было непривычно тепло. Снег растаял ещё неделю назад. А теперь небо заволочило тучами, и было ощущение, что пойдет дождь. Я домыла посуду и подошла к окну. Тишину квартиры разрезал раскат грома. Вот так новость. Гром в декабре! Снова раскат, ещё и ещё. Я стояла и наблюдала, как молния разрезала тучи то тут, то там. И вот крупными каплями с неба пошёл дождь. Погода, как и я, сошла с ума.

Погружённая в свои мысли, я вздрогнула от прикосновения к плечу холодной руки законного супруга. Обернулась, взглянула на него. Он всегда слишком тактичен со мной. Увидев меня в подавленном состоянии, решил не трогать и дал побыть мне наедине со своими мыслями и чувствами некоторое время. А мне хотелось, чтобы это время длилось вечность.

— Что с тобой творится? — бесцветно спросил Муж. Я никогда не могла понять, что он чувствует, о чем думает. Он всегда был закрытым человеком. Я отвернулась от него, уткнулась лбом в холодное стекло окна. Об него с обратной стороны методично разбивались крупные капли дождя, стекая ручейками вниз, растворялись в лужицах на карнизе. То тут, то там всполохами мелькала молния. Серое небо неприветливо и даже сердито выжимало на землю подол чёрных туч. Погода была отражением моего душевного состояния. Глубоко внутри меня серела та же неприветливость, и, кажется, скоро это состояние разольётся дождем уже из моих глаз. Разбираться в непростых отношениях с мужем не хотелось, но, похоже, не было другого выхода. Он настойчиво повторил вопрос, от которого сводило зубы. Я боролась с желанием закрыть уши ладонями и закричать, что больше не вынесу этого. Подумать только, я когда-то любила его голос. Необычный, глубокий тембр с приятной хрипотцой. Но слишком много изменилось за последние годы, и то, что когда-то доставляло удовольствие, всё больше стало раздражать. Его объятия, в которых некогда я находила покой, его манера говорить теперь попросту выводили из себя. Я боролась с собой, боролась изо дня в день, чтобы не грубить, быть такой же, как раньше. Но эта искусственность угнетала меня ещё больше. Я жила во лжи. Больше выносить её я не могла. Тихо порадовалась, что накануне отвезла сына к своим родителям. Теперь я могла поговорить с мужем, не боясь быть услышанной ребёнком. Я хотела разрубить, наконец, этот узел, разобраться с пугающей, вяжущей сердце пустотой. Искала силы в каплях дождя за окном, в небе, полном сердитых туч. Искала силы и не находила их. Открывала и снова закрывала глаза в попытке проморгать реальность, как соринку из слезящегося глаза. Хотелось кричать от бессилия, измождённое сердце рвалось из груди.

Я сама себя завела в эту пустошь. Искать виноватых среди окружающей

действительности достаточно глупо, ведь кроме меня не виноват никто. Я осознанно совершала поступок за поступком, будто нарочно шла по зыбкому песку в ожидании, когда же он меня поглотит. И вот уже ощущаю, как проваливаюсь в бездну отчаяния и страха. Сомнения уже поглотили меня, разочарование от совершенных поступков наступило. Угрызения совести вползли чёрными влажными змеями в душу. Опускаю руки, закрываю глаза, чувствуя, как медленно сдаюсь, как разбивается хрустальный дом гармонии внутри на миллиард осколков.

Он ждёт моих объяснений, сверлит меня взглядом. Я не вижу этого. Стою к нему спиной, до сих пор упираясь горячим лбом о холодное запотевшее стекло, но ощущаю его взгляд затылком. Он чувствует напряжение между нами, чувствует мою недосказанность. А мне так много есть, что ему сказать. И в то же время так не хочется затевать этот непростой разговор. Как могу, оттягиваю этот момент. Выжидаю, надеясь на спасения извне. И оно пришло вместе с телефонным звонком. Муж вздохнул, очевидно, поняв, что на этом наш разговор закончился, не успев начаться. Я подняла трубку. Мама сказала, что они не смогут привезти сына сегодня ко мне. Машина сломалась и я должна приехать сама. Я так обрадовалась, что вселенная мне подарила небольшую паузу. Всё же я не смогла бы сейчас перенести весь этот разговор. Не сегодня. Не оборачиваясь, говорю Мужу, что поедем вместе за сыном. Он молчит, очевидно, надеясь, что я отвечу всё-таки ему на вопрос, что со мной происходит. Но я не отвечаю. Супруг, что-то недовольно бормоча, уходит переодеваться. А я равнодушно наблюдаю, как стекают капли по стеклу, и вместе с ними стекаю на пол я. Слёз нет, комок в горле проглочен с трудом, так и не позволив прийти успокоению вместе со слезами. Холодный пол, под потолком жужжит большая муха, в соседней комнате работает телевизор. До слуха доносятся обрывки фраз из рейтинговых скандальных передач. Обхватываю колени руками, как маленькая, тихо всхлипываю, жалея себя. Но слёз по-прежнему нет. Устала бороться с собой, устала лгать и не видеть счастливого конца. Хочется уснуть и проснуться, когда уже всё закончилось, все объяснения высказаны, все вещи собраны и решение есть. Но это слишком просто. Нам даются эти жизненные ситуации, чтобы мы принимали решения сами, ошибались, набивали шишки, получали жизненные оплеухи и снова вставали и боролись. Я обязательно во всём признаюсь Мужу, хотя бы для того, чтобы этот камень, наконец, упал с моей души. Но я не могу сделать это сегодня. Помня, как вчера к моей тайне отнесся Ветер, я с содроганием представляла реакцию Мужа. Уверена, что с ним мне понадобится гораздо больше душевных сил.

Родительский дом был полон запахов и звуков, знакомых с детства. Мы прошли на веранду и оставались всё ещё не замеченными моими родными. На кухне что-то шипело на сковороде, до носа скоро добрался запах жареных блинов. В зале работал телевизор и доносились голоса отца и нашего сына. Папа что-то объяснял ребёнку, слышался детский голосок и следом смех. Мы вошли в прихожую и всё ещё не обнаруживали себя, стоя молча на пороге. Но вот муж поставил сумку на пол, пакет зашуршал, и голоса в зале затихли. Топот детских ножек и в дверном проеме показалось удивлённое личико сына:

— Деда, папа с мамой приехали! — шум и голоса родных заполнили дом. Мама вышла из кухни, вытирая руки полотенцем.

Быстро накрыли на стол и поужинали, как в старые добрые времена. Все вместе. Когда ужин закончился, мужская часть семьи ушла в зал смотреть телевизор, а мы с мамой, убрав со стола, сели пить чай за большим круглым столом в кухне.

— Что гнетёт тебя, дочь? У тебя в глазах такая печаль. — мамин голос вывел меня из

приятного оцепенения. Что говорить? Не знаю, как объяснить ей, что я совершала в своей жизни ошибку за ошибкой? Как объяснить, что я вышла замуж не за того и теперь глубоко несчастна, но должна притворяться счастливой женой для всех них? Как растолковать, что не ощущаю себя частью этого мира, пока любимый человек далеко от меня? Как передать, что меня съедает заживо чувство вины за то, что изменила мужу и одновременно сожаление о своём замужестве? Как донести до неё, что мой лучший друг, возможно, навсегда для меня потерян? Сложно с чего-то начать, сложно что-либо объяснить, пусть и близкому, родному человеку. Я помолчала немного, понимая, что мне нужен совет мамы, всё же решилась заговорить:

— Я запуталась, мам. Сама не знаю, чего я хочу. Но точно понимаю, что то, как есть сейчас меня совсем не устраивает. Хочется вернуться в прошлое и исправить ряд своих ошибок.

— В прошлое вернуться нельзя, но всегда можно начать исправлять свои ошибки.

— Я боюсь. Страшно ошибиться. Вдруг сердце лжёт? И, изменив всё, я только ещё больше наломаю дров?

— Ты говоришь очень метафорично, дорогая. Но я так понимаю, что сказать откровенно и прозрачно ты не можешь. — она говорила спокойно и без укора. — Не умею я говорить метафорами, если честно. Скажу просто, если тебе очень плохо там, куда ты пришла, то тебе нужно уйти оттуда.

— Это причинит боль близкому человеку. — я посмотрела на маму. Она всё так же сидела, откинувшись на спинку стула. Её глаза были прикрыты. Но я знала, что она меня слышит и пытается понять ход моих бессвязных мыслей. Я хотела бы рассказать маме обо всём, но не могла. Они с папой консервативны касательно брака. И моё признание очень её расстроит. А я и так причинила достаточно боли Мужу, разочаровала Ветра, что маму просто не могла подвести.

— А если ты останешься там, где есть, тебе это не причинит боли? — мама зрит в корень, даже не зная проблемы.

— Причинит. Уже причиняет.

— Тогда для чего эти жертвы? Как я понимаю, при любом раскладе больно будет либо тебе, либо кому-то ещё? Мне, как матери, совсем не хочется, чтобы больно было именно тебе. Эти слова ещё долго эхом отзывались в моей голове. Оставшийся вечер прошёл спокойно и уютно. Мы решили остаться на ночь, а утром выехать обратно в город.

Все ушли спать, а я сидела на кухне. Спать совсем не хотелось. Я размышляла над своей жизнью, над тем, что сказала мама и поняла, что если не признаюсь Мужу во всём, я сойду с ума. Чайник закипел. Отключила конфорку, насыпала кофе в чашку, залила кипятком. Присела на стул. Слезы сами собой потекли по щекам. Я уже не могла их сдерживать. Видимо, копившееся за столько времени напряжение прорвалось наружу нечеловеческими слезами. В доме было тихо, и я не хотела разбудить кого-нибудь своей непрошенной истерикой. Но рыдания из беззвучных грозили перерасти в полноценные. Я была рада, что у родителей большой двухэтажный дом и спальня родителей находилась как раз на втором этаже. Меня они точно не могли слышать. А муж так крепко всегда спит, что легко можно было рядом с ним запустить ракету, его это не разбудит. Сын унаследовал от него такой же здоровый, крепкий сон. Я дала волю своим слезам и не слышала, как открылась дверь, не видела, когда муж появился на пороге. Я рыдала, оплакивая свою жизнь, ощущая, что даром прожила её и что, возможно, я никогда не буду счастлива. Я плакала, положив голову на

согнутую в локте руку. Волосы разметались по столу медным морем. Только когда рыдания перестали сотрясать моё тело, и когда слезы постепенно стали высыхать на моём лице, я подняла голову и увидела мужа. Он прислонился к дверному косяку кухни и с болью смотрел на меня.

— Ты давно тут стоишь? — я говорила прерывисто, от стенаний моих началась икота, впрочем, так было со мной с самого детства.

— Давно, просто не хотел тебе мешать, тебе нужно было выплакаться. Как бы я ни хотел тебе помочь, я не должен был мешать тебе выплеснуть всё то, что давно уже накопилось в душе. — он прошел в кухню, присел рядом на стул, взял меня за руку. — Что тебя беспокоит? Я же вижу, что ты сама не своя. Чем я могу тебе помочь?

— Я не...могу ска...зять. — икала я.

— Ну хорошо, не говори, просто иди, я тебя обниму? — он расставил руки и ждал, что я его обниму. Я кинулась ему на шею так резко, что он охнул и покачнулся на стуле. — Ну чего ты? Все хорошо, вместе мы всё переживем. — от этих слов слёзы вновь заструились из глаз, я рыдала уже на плече родного мужа и не могла больше вымолвить ни слова. Мне было жаль себя, жаль его, жаль нашего сына, который заслуживал другую адекватную мать, а не меня.

Я рыдала, оплакивая свою жизнь от начала и до конца. Не знаю, сколько прошло времени, когда я, наконец, успокоилась и смогла спокойно дышать и думать. Я присела рядом с мужем, чья рубашка была насквозь пропитана моими слезами, он выглядел растерянным и уставшим.

— Прости, что так бурно себя жалела. — я снова пыталась шутить.

— Все хорошо, расскажешь тогда, когда посчитаешь нужным.

Я была в этот момент благодарна ему за то, что он не требует от меня никаких объяснений и не ждёт, что я стану выворачивать свою душу наизнанку. У меня не было уже на это никаких сил. Всё, что я хотела в этот момент — это закутаться в одеяло и постараться ни о чём не думать. Муж отвел меня в спальню, укрыл одеялом и поцеловал в плечо. Я чувствовала его поддержку, но от неё мне становилось лишь хуже. Я его предала и не заслуживала такого отношения. Погружённая в самокопание, я уснула. Утром, прежде чем уехать домой, мы с мамой решили убрать в доме.

Основные комнаты были быстро приведены в порядок, а вот в спальне, когда я стала разбирать ящики комода, обнаружила коробку с фотографиями, которую я привезла из квартиры пару месяцев назад. Хотела привести их в порядок и разложить по альбомам. Я так давно их не пересматривала, что глядя первые секунды на фото, казалось, что я видела их первый раз.

Я села на пол у комода и стала перебирать кое-где желтые выцветшие фотографии, но в основной массе яркие и глянцевые.

Словно вернулась на много-много лет назад, во времена своего далёкого детства и юности. С фотографий на меня смотрела улыбающаяся девчушка, у которой нет передних зубов. Она была такая потешная, что я задержалась на этом снимке. В детстве все такие беспечные, что это даже на фотографиях отражается. Вот я чуть постарше, уже в школу хожу, ем конфету, глядя в объектив, довольная очень. Дальше шли снимки более старших лет, и, наконец, я добралась до семейных фотографий. Я всматривалась в своё лицо и не видела на нём радости, пыталась разглядеть на нём хоть немного задора и веселья, но везде было одно и то же унылое выражение. Ну что за такая тоска везде? Единственные фото, где я

улыбалась, были сделаны с моим малышом. Дико захотелось прижаться сейчас к нему, чтобы он обвил мою шею своими ручонками и никуда не отпускал. Но родители вместе с моим мужем и сыном поехали за покупками, а я осталась на хозяйстве. Почему я раньше не задумывалась над тем, насколько я несчастна? Почему никто из близких этого не видел?

Глава VII. Финал истории

До Нового года оставалась всего неделя. Кто не успел заранее подумать о подарках близким, теперь проводил всё своё свободное время в поисках. Торговые центры наводнили желающие купить хоть что-то, что осталось на полках в магазинах, подходящее под категорию подарков.

Я всегда готовлюсь за месяц до Нового года, потому не участвовала во всеобщей истерии. Мне осталось решить, где же мы с сыном будем отмечать праздники. Который год подряд Муж уезжал за неделю до Нового года в командировку и оставался там до Рождества. Сперва я удивлялась этому: ну кто будет работать в праздники-то? Но он меня убедил, что работа там кипит и они обязаны выйти на службу уже первого января. Соответственно, он остаётся без полноценных праздников, что его очень огорчало. В этом году я его только спросила, будет ли он с нами отмечать праздники или, как и в прошлом, в это время будет в командировке. Он развёл руками, говоря, что, скорее всего, будет так же, как и в прошлом году. Я не особенно расстраивалась. Для меня уже давно Новый год был просто очередным днём. Я перестала к нему относиться, как к чему-то волшебному. И создавала атмосферу праздника только для сына. В прошлом году мы с ним в этот день смотрели фильмы и ели много сладостей, в которых в обычные дни я стараюсь его ограничивать. Вечером я запекла курицу в духовке под новогодние песни, которые поднимали настроение. Сделала пару салатов, а сын активно мне помогал в этом. С теплотой вспоминаю тот Новый год. Мы были с ним дружной командой. Вечером, в начале седьмого раздался осторожный короткий звонок в дверь. Я никого не ждала. Вытерев руки полотенцем, пошла в прихожую. Не взглянув в глазок, щёлкнула замком, толкнула стальную дверь и замерла, как вкопанная. На пороге стоял тот, кого я меньше всего ожидала увидеть.

— Что ты здесь делаешь?

— Я не мог завершить год, не увидев тебя. — он улыбнулся своей фирменной чарующей улыбкой. Я не смогла не улыбнуться в ответ, но, тем не менее, строго проговорила:

— А если бы открыл Муж? Зачем ты так рискуешь?!

— Я бы назвал любую фамилию и спросил, здесь ли они живут. Соответственно, он бы ответил, что нет, и я, извинившись, удалился восвояси. — он усмехнулся.

— Да, ты всё продумал. — я держала его за порогом, не впуская в квартиру.

— Муж наверняка салаты нарезает? — он прислонился к дверному косяку.

— Не угадал, муж любезно оставил нас, он в командировке.

— Может, тогда я могу войти?

— Ты что, сын дома. Да и в любой момент может друг зайти. Нет, я не могу так. Что я ему скажу? — я так хотела его впустить, но понимала, что это может плохо кончиться.

— Мам, кто там? — сын выбежал в коридор и, увидев Море, радостно заулыбался.

— Привет, парень. Дед Мороз ещё не приходил?

— Нет! Мама сказала, раз папа не смог с нами быть на праздники, то и Дед Мороз придёт к нам, когда папа вернётся. — Заходи! — он взял своей маленькой ладошкой большую ладонь Море и потянул в квартиру. Я попыталась остановить его, но Море уже проскользнул внутрь. Мне ничего не оставалось, как захлопнуть входную дверь. На мгновение прикрыла глаза, глубоко дыша, успокаивая встрепенувшееся сердце.

Море уже снял обувь и прошёл в кухню. Сын что-то энергично ему рассказывал, а я,

опершись о дверной косяк, смотрела на них, скрестив руки на груди. Я так хотела, чтобы Море отмечал с нами праздник, но понимала, что он пришёл на считанные минуты.

— Ладно, беги к себе в комнату, нам нужно немного поговорить.

— Ну, маааам. — недовольно протянул сын.

— Взрослые разговоры не для детских ушек. Всё, беги. — я выпроводила его из комнаты. Море стоял посреди кухни, категорически в неё не вписываясь. Как будто в этой точке сошлись две реальности: та, в которой есть моя семья, дом, моя кухонная утварь. И та реальность, где мы с Морем сбегает от всех. Как правило, это где-то загородом, в отелях. Но эти реальности никогда не соединялись прежде. И теперь я не могла поверить, что вижу его здесь и что это не моя фантазия.

— Вы будете отмечать вдвоём?

— А ты хочешь присоединиться? — я улыбнулась.

— Хочу. Но не могу. На самом деле я давно уже должен был вернуться домой. Жена отправила меня за покупками, а я не мог проехать мимо твоего дома и не повидать тебя, Мышка. — он подошёл ко мне, и приподняв мой подбородок двумя пальцами, посмотрел прямо в глаза. — Я бы хотел, чтобы мы год за годом отмечали все праздники вместе. Но я ничего не могу поделать с нашим положением. Хоть и искренно хочу этого. — сердце замерло на этих словах и болезненно сжалось. Очередное напоминание мне, что мы не можем быть с ним вместе. Он легонько коснулся моих губ своими губами и тут я услышала какой-то звук на балконе.

— Это мой друг! Тебе пора! — я вывернулась из его объятий и с силой потянула за руку из кухни.

— Есть кто дома? Лучик! Наследник престола! — я услышала голос Ветра уже практически на кухне.

Море быстро обувался. Я вложила ему в руки его куртку и поцеловала в губы на прощание. Захлопнув за ним дверь, обернулась ровно в тот момент, когда Ветер зашёл в прихожую.

— Ты чего тут делаешь, Лучик? — он удивлённо смотрел на меня. — Ходила куда-то? Я сегодня сбежал пораньше. Ты же знаешь, как мне это сложно в праздники даётся.

— Ошиблись дверью. В сто восьмую гости приехали, по ошибке ко мне позвонили. — я постаралась непринуждённо пожать плечами. А у самой сердце выпрыгивало из груди.

— Пойдём. У нас сегодня будет очень маленькая компания, но такая уютная.

И мы с Ветром тогда не спали до пяти утра, начав год с разговоров по душам и вспышек весёлого смеха.

Как будет праздноваться этот Новый год, для меня было загадкой. По традиции мы с сыном первого января ездим к моим родителям. Не хотелось ехать к ним тридцать первого, потому как придётся отстоять в больших пробках. В этот день все стремились уехать из города. Ветер навряд ли придёт праздновать с нами, как в том году. После того как он признался мне в своих чувствах, мы не виделись. Прошла уже неделя. Я думаю, что мы встретим год с сыном и ляжем спать после курантов. Вот и все планы. Да, не густо и не очень весело. Но если не придавать такого большого значения праздникам, то и огорчение не наступает, когда планы что-то нарушает.

— Привет, Лучик. — Ветер отодвинул тюль, заглядывая в кухню. Я в это время готовила ужин. Сын играл в детской, а муж был на работе и как всегда задерживался.

— Привет. — не оборачиваясь, ответила я. Мне до дрожи в коленях было страшно

увидеть то самое разочарование в его глазах, которое появилось, стоило мне признаться ему в измене мужу.

— Прости, давно не заходил к тебе. У меня была неделя, полная душевных потрясений и странных событий. — я слышала, что он присел за стол. Интересно, это он таким образом намекает на моё признание или у него ещё что-то произошло? Не оборачиваясь, спрашиваю его что случилось.

— Сперва расскажи, как твои дела? Как с мужем сейчас отношения? Он снова оставляет вас с наследником престола одних на Новый год? — диван под ним скрипнул. Я помешивала овощи на сковороде и прислушивалась к тому, что происходило сзади. Но там была тишина. Ветер, очевидно, ждал от меня ответов.

— Дела наши такие же, как и неделю назад. — проговорила я. — Всё ещё не могу ему признаться во всём. Но так устала от этой лжи и давящей совести, что, скорее всего, не сдержусь и признаюсь ему во всём после праздников. Он действительно будет отмечать Новый год не с нами, а в командировке.

— Удивительно удобная работа у твоего мужа. — я вздрогнула. Голос Ветра звучал прямо над ухом. Он стоял сзади, не прикасаясь ко мне, но и не отходя.

— Что... что ты имеешь в виду? — я ощутила внутреннее волнение сродни тому, что испытала в его кабинете в ресторане. Но, тем не менее, не оборачивалась.

— Почему ты не смотришь на меня, Лучик? — его голос стал мягче и тише.

— Я готовлю. — неестественным высоким голосом ответила я. Он в ответ едва слышно рассмеялся.

— Тебе неловко после моего признания в любви? — он коснулся моих плеч обеими руками. Я не отвечала, прислушиваясь к своим ощущениям. Ветер мягко, но настойчиво развернул меня к себе лицом. Но я не поднимала на него глаз, всё ещё страхась увидеть в них презрение или разочарование мной.

— Посмотри на меня, Лучик. Я же твой друг. Всё ещё, не смотря ни на что. — пару секунд я смотрела перед собой и видела только футболку. Затем медленно стала поднимать взгляд. Ямка между ключицами, высокая шея, мужественный подбородок, прямой нос и в итоге остановила взгляд на шоколадного цвета глазах. Внутри всё обмерло, когда я увидела с какой нежностью он смотрит на меня. В его глазах не было ни укора, ни презрения. Там была всепоглощающая нежность, которая обезоружила меня.

— Я боялась, что ты теперь меня ненавидишь. — не отрываясь от его глаз, проговорила я. А он не убирал рук с моих плеч. Мы стояли достаточно близко, чтобы я ощущала тепло его тела. Я смотрела на него и не понимала, почему раньше не замечала, какой же он привлекательный.

— Я сам виноват, тогда так бурно среагировал. Просто ты меня ошеломила правдой. Я идеалист, и это не вписалось в мою идеальную картину мира. Но это мои личные проблемы. — Он отпустил мои плечи и отодвинул меня от плиты. — У тебя овощи пригорели. Это из-за меня. — он добавил немного воды, помешал лопаткой и убавил газ.

— Что у тебя случилось? Ты так и не ответил мне. — я с удовольствием передала ему бразды правления на кухне. Присела на диван, отпила из кружки уже остывший кофе.

— Ты не поверишь, но вчера ко мне заявила бывшая. Та самая, которую я застал в ванной с другим. Уж не знаю, откуда она нашла мой адрес. Его даже мама не знает.

— И что она хотела?

— Помириться. — он отключил конфорку. Обернулся на меня.

— А ты что? — ох, как мне это не нравилось. Он любил её так долго и так сильно, что вполне мог всё ей простить, когда увидел у себя на пороге.

— А я не знал, как на это реагировать, честно говоря. После стольких лет она заявила ко мне и просила всё вернуть. А так как она с другого города и ей негде было переночевать, она попросила, чтобы я её не прогонял хотя бы до утра.

Я чувствовала, как во мне разгоралось негодование.

— И что, ты оставил её на ночь? — я постаралась не выдать своего раздражения.

— Я не мог выгнать её на улицу. Она ночевала у меня. Но спала на кухне. — добавил он поспешно, всё же заметив, как я недовольно сверкнула глазами.

— Ты простил её? — прямо спросила я.

— Нет. — он достал из кармана пачку сигарет, с плиты коробок спичек, подкурил сигарету. Я позволяла ему здесь курить, потому как он делал это крайне редко. Он курил, только когда сильно нервничал. А уж история с бывшей явно его выбила из колеи.

— Она же уедет? — слишком напористо спросила я. И меня осенило. Я ревную Ветра! Ревную к его прошлому, к этой дамочке, которая сначала причинила ему боль, потом несколько лет думать о нём не думала, а тут заявила нарушить нашу с ним идиллию. И тут же я одёрнула себя. Он мой друг. У меня есть муж и даже любовник. Я никакого права не имею ревновать ещё и Ветра. Всё, что я должна, это порадоваться за него, если у него всё наладится с ней. Но у меня не получалось это сделать. Я по-настоящему ревновала друга.

В замочной скважине входной двери повернулся ключ. Дверь отворилась и через мгновение захлопнулась. Вернулся Муж с работы. Сын бегом выбежал из детской, встречая отца.

Ну почему он пришёл именно сейчас?! Ветер так и не ответил, уедет ли она или они решили помириться. У меня столько вопросов к нему. Ещё эта обжигающая ревность внутри, которая оглушала сознание. Я знаю, что Ветер не будет разговаривать при Муже о таких вещах. Теперь я останусь со своими вопросами один на один.

— Я завтра постараюсь к тебе зайти. — Ветер потушил сигарету в пепельнице. Муж вошёл в кухню, пожал руку моему другу, совсем не удивившись, что тот был у нас дома.

— Может, останешься на ужин? — предприняла попытку остановить его. Мне ужасно не хотелось, чтобы он шёл в свою квартиру, где была его бывшая.

— Нет, спасибо, у меня же гости. Я приду завтра. — и он скрылся на балконе.

Я недовольно смотрела на Мужа. Он всё всегда портил. Абсолютно всё! Но мои гневные взгляды я кидала в пустоту. Мой супруг даже не смотрел в мою сторону. Он открыл холодильник и стал доставать оттуда продукты.

А я сидела и думала, что я могу не дожидаться Нового года и преподнести ему "подарок" в виде признания в измене накануне праздника.

Пока я бросала на своего Мужа гневные взгляды, он достал из холодильника кастрюлю с картофельным пюре, сковороду с жареным мясом и стал всё это разогревать, несмотря на меня.

Мне хотелось в него чем-то запустить. Из-за него я не смогла поговорить с Ветром и он вынужден был уйти к себе. Я не представляла себе, чем сейчас занимается мой друг и его бывшая сожительница. Они находятся от меня всего через стенку, но абсолютно недосыгаемы. Я же не могу прийти к Ветру в квартиру, сесть и контролировать эту дамочку. Но во мне кипела ревность. Хотелось заявиться туда и обозначить, что есть я. И Ветер вроде как даже влюблён в меня. Пусть я не имею на это никакого права, но он мой. Пусть даже

просто мой друг.

— Завтра новогодний корпоратив в ресторане. Ты же не пойдешь, как, впрочем, и всегда? — заявил Муж, ставя тарелку на стол, полную еды.

— Ну не люблю я все эти корпоративы. Где обязательно все напиваются, а потом, на следующий день всем стыдно из своих кабинетов показываться. Программа обычно на таких мероприятиях так себе.

— Да я так и думал, что ты не пойдешь. Ты же ни разу не ходила. И нечего начинать. — неприятно хохотнул он.

— А в каком ресторане будет празднование?

— Я не помню название. По-моему Парадис. — он поглощал еду с такой скоростью, как будто ничего не ел три дня.

— Подожди, это, кажется, в здании напротив ресторана Ветра. Да? Я на открытии ещё очень удивлялась, как будут работать два ресторана напротив друг друга.

— Не помню, но всё может быть. — он равнодушно пожал плечами, уплетая третью куриную ножку.

— Во сколько мероприятие начинается?

— В шесть. А что? — резко спросил он.

— Я пойду с тобой. В коем-то веке могу посетить корпоратив с собственным мужем.

— Зачем? То есть, ну зачем тебе идти в коем-то веке? Ты же не любишь эти развлечения. Да и тухло там всегда. Веселья никакого. Только напьются все, творят всякие глупости, а потом из своих кабинетов боятся нос высунуть на работе, сгорая от стыда. — он даже есть перестал, повторяя мои же аргументы. И так рьяно меня отговаривал, что я точно решила, что пойду.

— Да нет. Ну, раз в жизни я могу посетить с тобой это тухлое мероприятие? Могу. Как раз платье я надевала лишь раз на открытии ресторана Ветра. Оно новое, считай. Надеть есть что, почему бы не пойти? — меня удивило, конечно, что Муж так отговаривал меня. Но, может, он просто боится, что не сможет расслабиться возле жены. Не знаю. Только чего ему бояться? Он немного пьёт и когда выпивает, то обычно не ведёт себя неприлично. Ну да ладно. Мне нужно было зайти к Ветру. Я не могла успокоиться. В его квартире сейчас его бывшая. А я тут. И не знаю, что там у них происходит. Нужно найти какой-то предлог, чтобы зайти. Но предлога, как назло, не было. Хотя, зайду к ним и спрошу Ветра про ресторан Парадис. Рядом ли он с его рестораном. Может, смогу к нему забежать, как раз на работу. Я поднялась, прошла в прихожую, посмотрела в зеркало. Рыжие волосы заколоты в высокий хвост. Глаза накрашены, щеки розовые. Отлично, его бывшая должна увидеть, что я хороша собой. Чтобы не разевала рот на Ветра. Я решила идти через балкон, чтобы она увидела, что у нас с ним очень близкие отношения.

Пройдя через балкон, я толкнула его дверь, выходящую в кухню. Тут было пусто. Внутри всё оборвалось. Я услышала голоса и женский смех из глубины квартиры. Наверное, они в спальне и я опоздала. Душу сковало холодом. Я попятилась назад, не разбирая, куда иду, споткнулась о табурет, стоящий возле стола. Он упал, я подняла его и в спешке покинула квартиру друга. Вот так, едва обретя любовь Ветра, я её потеряла. Было так грустно, что хотелось плакать. Смешно, наверное. При том, что у меня был муж и Море, меня так больно ранило, что теперь Ветер воссоединился со своей бывшей. И в его душе нет больше места для меня. Я потеряла его любовь, но надеюсь, я не потеряла его дружбу.

Весь следующий день я занимала себя работой, чтобы не думать о Ветре и его бывшей, с

которой он, судя по всему, прекрасно проводит время. У меня было два совещания и четыре часа плодотворной работы после. Я отмыла всю кухню, перебрала продукты в холодильнике и собрала игрушки сына в детской. Но в голове упорно кружились в ритуальном танце навязчивые мысли. Что там делают Ветер со своей бывшей? Пошёл ли он на работу или остался с ней? Почему он не зашёл ко мне сегодня, хотя собирался? Тут же подключались другие, не менее неприятные мысли. Почему Море уже неделю не звонил? Отчего Муж не хотел, чтобы я присутствовала на корпоративе? И как удержаться и не признаться ему в измене в канун Нового года? Каждый день я несла в себе эту тяжесть и она грозила расплескаться горьким признанием. В общем, мне совсем не было покоя. Поэтому я даже рада была, что сегодня вечером иду на мероприятие. Потому как если бы я оставалась дома, эти все мысли задушили бы меня. А так, может развеюсь. И если честно, я хотела зайти в ресторан Ветра, разведать у него обстановку касательно его прошлого и этой девицы, не понятно откуда взявшейся. Муж пришёл с работы в четыре часа вечера. Я в это время гладила своё платье, в котором собиралась идти на корпоратив. Он зашёл в гостиную и, увидев меня, удивлённо вскинул брови.

— Я думал, ты передумаешь!

— Почему я должна передумать? Я тоже хочу развеяться. — меня интригует то, что он так упорно не хочет, чтобы я туда ехала. Зря он не понимает, что теперь я поеду в любом случае. Столько лет живём вместе, а он так и не узнал меня. Чем рьянее он на чём-то настаивает, тем больше вероятности, что я поступлю совершенно противоположно.

— Ну как же, ты же не любишь такие места. Да и ни разу не ходила со мной на корпоратив. Я был уверен, что ты вчера либо пошутила, либо просто настроение было такое вредное. А сегодня будет всё как обычно. Но что я вижу, ты накрашена и гладишь платье! — он был прямо возмущён. А меня это ещё больше раззадорило.

— Я вот думаю, что зря я раньше отказывалась. В следующий раз тоже пойду обязательно. Кто же отказывается от совместного отдыха с мужем? Только дуры. Я не дура. Будем вместе сегодня с тобой отдыхать! — я взглянула на него и увидела, как он побледнел. Если бы меня не мучила совесть перед ним, я бы вволю над ним посмеялась и продолжила его раздражать. Но решила, что хватит с него и того, что я просто целый вечер буду рядом с ним и этот новогодний корпоратив он запомнит надолго.

Под косые взгляды Мужа я надела платье, которое уже один раз выгуляла на открытии ресторана Ветра. Меня не смущало то, что уже второе мероприятие я проведу в нём. Вещи должны носиться. А не раз надеться и висеть в шкафу, пока не выбросят. Муж предпринял ещё пару попыток меня отговорить, но, увидев, что я непреклонна, насупившись, замолчал.

Мы добирались в ресторан, где должно было состояться мероприятие, на такси. И я увидела себя словно со стороны. Я ехала на абсолютно неинтересное и ненужное для меня мероприятие с человеком, который тоже мне был не интересен и не нужен. А сердце моё рвалось к мужчине, который обременён семьёй. А теперь ещё мои мысли занял Ветер. Я растеряна и раздавлена. Моя душа давно потеряла покой и мечется от одного мужчины в моей жизни к другому. И нигде нет ей места.

Мы подъехали к ресторану. Он действительно находился напротив работы Ветра. Мне хотелось пойти сразу к нему, а не на дурацкий новогодний корпоратив. Но я понимала, что это просто неприлично. Думаю, что час-другой побуду с Мужем на корпоративе, а потом потихому сбегу в ресторан Ветра. Мне было необходимо увидеть его и узнать, было ли у него что-то с его бывшей или это только моя воспалённая фантазия.

Мы вышли из такси. Здание, в котором должно было проводиться мероприятие, было из красного кирпича. Огромные окна, всё в иллюминации. Миленько. Мы поднялись по ступеням, вошли внутрь. Муж снял с себя и с меня верхнюю одежду, отдал подошедшему официанту. Зал был очень большим и делился на две части широкими колоннами. В обеих частях стояло множество столов. Сотрудники моего супруга в основном стояли группками с бокалами шампанского. Но были и те, кто скучал за столиками. Муж стал меня оттеснять к дальнему столику справа от центрального входа, говоря, что мы с ним там будем сидеть. Я не перечила, потому как не понимала, действительно ли есть какая-то заранее спланированная рассадка или нет. Усадив меня за стол в углу, он сказал, что ему надо увидеть начальство, поздороваться со всеми, обозначить своё появление. Он отошёл от столика, прошёл мимо всех сотрудников, кому-то кивая, с кем-то здороваясь за руку, и скрылся за одной из колонн. А я, как назло, захотела в уборную. Оглядевшись в поиске нужной мне двери и не увидев её, решила пойти вглубь зала. Как раз в ту же сторону, где скрылся Муж. Подумав, что если его встречу, он может подсказать мне, куда идти.

Продвигаясь между столов чувствовала себя максимально неловко здесь, среди чужих мне людей. Но успокоила себя тем, что мне нужно выдержать всего час-два и я смогу сбежать к Ветру в ресторан. Там и спокойнее мне будет рядом с другом и заодно смогу у него узнать всё, что меня интересует.

Я увидела, что в конце зала есть коридор. Скорее всего, нужное мне помещение находится там. В этой части зала было, очевидно, тише и меньше народа. Я замедлила шаг. Дойдя до угла, увидела, что в уборную очередь. Остановилась возле декоративной гипсокартонной колонны. С другой стороны от неё был крайний столик. Он был несколько в отдалении от остальных. Я не смотрела, кто там сидел, но подумала, что им повезло. Музыка здесь была едва слышна. В отличие от нашего столика, здесь она играла комфортно для слуха и не мешала разговаривать. Её не приходилось перекрикивать. Стоя за колонной, я внезапно услышала знакомый голос. Он принадлежал моему законному супругу. Сперва я не придала этому значение, но услышала фразу, после которой стала прислушиваться к диалогу.

— Я пару часов назад вернулся из командировки. И сразу сюда, не стал даже домой заезжать. Детей к родителям отвезла?

Я закатила глаза. Вот врёт же кому-то! Ни в какой командировке он не был. Уже сколько дней он дома-то! Но тут я услышала женский голос.

— Да, они недовольны, что ты так часто ездешь по командировкам.

— Ну что поделаться, работа такая.

— Может, тогда надо уйти с такой работы? Тебе всё равно платят немного. А ты по две недели в месяц дома не бываешь. Меня, дочь не видишь! Я понимаю, что сама неплохо зарабатываю и квартира мне досталась от бабушки. Хорошо хоть не ипотека. Иначе как мы платили бы за неё? Моей зарплаты на всё не хватит.

— Ну, малыш, скоро меня повысят и тогда зарплата будет побольше. — я обессиленно прижалась спиной к колонне. Всё, что я сейчас слышала, мне Муж тоже говорил.

— Ты уже пять лет обещаешь! Дочь скоро в школу пойдёт, а тебя всё не повышают. Хорошо, что ты мне за несколько недель сказал о корпоративе на твоей работе. Я подготовила целую речь для твоего начальства. Покажи, кто из этих людей твой начальник, и я ему всё выскажу! — я слышала, что женщина за колонной негодуяще топнула ногой.

— Ты что, малыш, нет, не надо! Я сам во всём разберусь. Сегодня корпоратив, давай отдыхать. Потанцуй, поешь вкусно. Я, правда не смогу весь вечер с тобой провести. Мне

нужно будет то с одним начальством посидеть, то с другим. Ты же понимаешь?

Я никогда не слышала, чтобы мой Муж говорил таким медовым голосом хоть с кем-то. Ни мне, ни нашему сыну не доставалось нежности от него. А тут...

Меня подташнивало от волнения. Я хотела обойти колонну и посмотреть ему прямо в глаза. Но ноги как будто приклеились к полу. Да и я хотела услышать как можно больше от этих голубков. Я пока ничего не понимала, какая такая командировка, если он дома в это время был. Или он пока для меня находился в командировке, на самом деле жил с этой женщиной и наоборот. Я не понимала ничего.

— Хорошо. Завтра тогда после работы поедем за детьми к моим родителям и ты сам им объяснишь, почему тебя ещё не повысили.

— Обещаю тебе, что поедем к твоим родителям завтра. Малыш, мне надо идти. Я не со всеми ещё поздоровался, а скоро начнутся эти дурацкие конкурсы. Как только смогу, я подойду к тебе.

— Я всё равно хочу в туалет сходить, макияж подправить. А то мне некогда было сегодня собираться сюда. Я нашу с тобой дочь на другой конец города везла на метро к моим родителям.

— Иди, я тебя поцелую и пойду покажусь перед начальством.

Я услышала громкий чмок за колонной. И решила, что сейчас самое время ретироваться. Чтобы он меня не заметил. Мне надо переварить эту информацию. Да и к сцене на людях я вообще не готова.

Из уборной вышла ярко-накрашенная женщина, подошла ко мне и громко заявила:

— Очереди нет, можете идти! Ой, у вас такой шикарный цвет волос! Чем вы красите их, чтобы они были такими рыжими?!

За колонной притихли. Я испугалась, что сейчас меня обнаружат. Не отвечая подвыпившей женщине, я кинулась в уборную. За спиной услышала пару нелюбезных слов о себе от этой самой женщины.

Прикрыв за собой дверь, подошла к раковине. Включила воду. Намочив руки, протёрла лоб. Меня подташнивало. В груди громко стучало сердце. Сзади меня, в одной из трёх кабинок кто-то смыл воду. Спустя пару секунд оттуда вышла женщина и, не помыв рук, вышла в зал.

Я осталась одна. Ноги подкашивались. Я взялась обеими руками за холодную раковину. Взглянула на себя в зеркало. Ошарашенный, немигающий взгляд, пересохшие губы. В остальном я выглядела так же, как и до того, когда узнала, что мой Муж живёт двойной жизнью.

Дверь распахнулась и на пороге появилась высокая блондинка с родинкой возле верхней губы. Она смерила меня оценивающим взглядом, поздоровалась.

— Ох, эти дурацкие корпоративы. Ненавижу всё это. Сидишь одна, пока муж пытается наладить в нерабочей атмосфере связь с начальством. — она подошла к зеркалу, которое тянулось по всей длине стены. Положила возле раковины маленькую сумочку, достала оттуда помаду. Мы с ней встретились взглядом в зеркале.

— Тебе плохо? Что-то цвет лица не очень.

— Немного подташнивает. — еле выдавила из себя я. Это она! Её голос я слышала за колонной! Сейчас или никогда! Я должна всё выяснить.

— А кто ваш муж?

— Ой, он не совсем муж! Уже пять лет вместе, дочь растим, а расписаться так и не

можем. Сперва говорил, что рано ещё, потом, что и без этого хорошо живём. А теперь, что уже и ни к чему это. Возраст-то не юный. После тридцати, мол, глупо уже расписываться. Ну, ничего, я продавлю в итоге его и он распишется со мной. — она открыла помаду и стала подкрашивать губы. Я во все глаза смотрела на неё, всё ещё не верив в то, что это не сон.

— У вас дочь?

— Давай на "ты". К чему эти расшаркивания. Да, у нас дочь. Хочешь, фотку покажу? — похоже, она была из болтливых дам. Я смогла только молча кивнуть.

Блондинка достала из сумочки телефон, пару раз нажала на экран и протянула мне его в руки. Я дрожащей рукой приняла его из её рук и ошарашенным взглядом уставилась в экран. С него на меня смотрела эта самая дама, маленькая девочка со светлыми волосами и мой Муж. В глазах потемнело. Я моргнула пару раз. Внутри всё дрожало. Я не ожидала такого поворота событий.

— Красивая. Это ваш муж? — всё же выдавила из себя.

— Да, он. Уже пять лет вместе. А я всё не могу его заставить уволиться с этой работы. — она понизила голос. — Ой, а вдруг вы его начальница, а я тут такое говорю. — она прикрыла ладошкой рот.

— Нет, я тоже с мужем пришла. — я не знала, как себя вести дальше. Просто не знала. Сказать ей, что у нас один мужчина на двоих? Что он и её обманывает? Или промолчать. Я не люблю его, он меня тоже, раз завел семью на стороне. Пусть живут вместе и радуются? Но с другой стороны, это нечестно по отношению к этой, судя по всему, не плохой, хоть и болтливой женщине.

— Ой, и хорошо. А твой муж тоже по командировкам ездит? Они, может, тут практикуют все такое? — он подкрашивала глаза, не глядя на меня. Если бы посмотрела, то увидела в них сочувствие.

— Да. Он тоже ездит по командировкам. Две недели в месяц. — я решила, что пока не буду ей ничего говорить. Но надо узнать у неё как можно больше информации о моём...её муже.

— Вот! Мой тоже так! Ещё зарплата за такой график просто смешная! Пятьдесят тысяч всего! Разве это деньги?! Если бы я не работала и не получала хорошие деньги, то как бы мы на них выжили в нашем-то городе непонятно.

Я немного пришла в себя и даже усмехнулась в душе. Хитро он всё придумал. Мне он тоже приносил зарплату в пятьдесят тысяч. Зарабатывая сто тысяч в месяц, делил деньги между двумя семьями и жил две недели в одной семье и две в другой. Но остался один не выясненный вопрос, который я намеревалась прояснить.

— А где вы живёте? В городе?

— Да, конечно! В северной части города. — она расчёсывала свои белые волосы. А у меня сложился пазл. Он для меня "уезжал в командировку", а сам ходил спокойно на свою работу, на которой даже не догадывались, что он командировочный. И вечером возвращался к ней домой. Где у него росла пятилетняя дочь. А ещё две недели он жил у меня дома и ходил на ту же работу, а ей говорил, что в командировке. Я была поражена его смекалке. Но только для чего ему это всё? Зачем столько сложностей и содержать две семьи? На мне он женился раньше, соответственно, жениться на ней он не мог официально, потому придумывал разного рода причины, чтобы этого не делать. Сыну нашему шесть. То есть он нашёл её когда я была беременна примерно на третьем-четвёртом месяце и она от него сразу же забеременела... Соответственно, мы были обе беременные и он решил никого не бросать

и жить двойной жизнью. Только её, похоже на то, он всё же любил. А я все эти годы ждала от него ласку и проявления чувств. А он всё дарил ей. Только почему не развёлся со мной и мы жили в иллюзии семьи? По той же причине, что и я не разводилась? Чтобы у сына была полная семья? Боже, что же мы натворили! Я сходила с ума от мучившей меня совести, заведя отношения с Морем! Хотя мы с ним виделись крайне редко, урывками. А тем временем у Мужа была вторая семья. Полноценная семья на две недели в месяц. Может его тоже мучила совесть? И потому он порой проявлял ко мне жалость и сострадание? Как тогда в доме моих родителей, когда я бурно себя жалела и рыдала ночью. Может, он подумал, что я догадываюсь, что он мне изменяет? Или просто чувствую себя несчастной из-за него и потому он тогда пожалел меня?

Мне кажется, у меня сейчас лопнет голова от всех этих догадок, от свалившейся на меня новости.

— Хорошо ещё, что мой только приехал из командировки и две недели будет с нами, просто ходить на работу, как все нормальные мужчины. А твой когда в командировку едет? Раз вы на корпоративе, значит, он в городе? — блондинка складывала косметику назад в сумочку.

— Через неделю. — я сказала первое, что пришло на ум. Голова всё ещё кипела от всех мыслей. У блондинки завибрировал телефон, она посмотрела в экран и улыбнулась.

— Красоту навела, теперь я пошла, муж мой обошёл всё начальство и уже ждёт меня за столом. Хорошего тебе вечера, подружка. — и она круто развернувшись на каблуках, оставив меня в облаке своих сладких духов, вышла из уборной.

Я снова посмотрела на себя в зеркало. Уже не такие бешенные глаза, но по лицу видно, что я только что перенесла эмоциональное потрясение. Надо идти обратно в зал. Но так, чтобы не встретиться с Мужем. Чьим только? Моим или моей новой "подружки"?

Озираясь по сторонам, я насколько можно обошла колонну, за которой находился мой Муж с блондинкой. Дошла к своему столику и не присаживаясь выпила налитое в бокал шампанское. Поняла, что не совсем успокоилась, выпила из соседнего бокала ещё и тогда присела. За столом никого не было кроме меня.

Громко играла музыка, рядом смеялись люди, а я сидела и невидящим взглядом смотрела в одну точку. Я не знаю сколько так просидела, но в один момент увидела что передо мной кто-то машет рукой. Повернув голову, я увидела Мужа.

— О чём задумалась? — ему приходилось повышать голос, потому как возле нас находилась колонка, откуда гремела музыка и периодически в микрофон кричал ведущий. Я хотела ему ответить, что задумалась о том, какой он хитроумный стратег и как он много лет успешно обманывал двух ничего не подозревающих женщин. А ещё хотела спросить почему его не мучила совесть, как меня. Но это скорее риторический вопрос. Если я ему сейчас всё это скажу, это будет скандал. А я не любила ругаться в принципе, а тем более на людях. Решила, что скажу ему всё дома.

— Да так, ни о чём.

— Слушай, ты сможешь сама уехать на такси сегодня? Может к другу после мероприятия пойдёшь в ресторан, вместе домой поедете? — я смотрела в его глаза и не видела ни капли совести. У меня в голове всё сошлось. Он же "из командировки" приехал. Значит, должен домой вернуться к блондинке. И с завтрашнего дня должен тоже быть у неё. Её очередь...

— Почему?

— Да сослуживец предлагает после ресторана к нему поехать, у него дома бильярдный стол есть, хотим поиграть. Ты же не против? — не моргнув глазом солгал он.

— Не против. Сама до дома доберусь. — я дождусь тебя, дорогой и завтра расставим все точки над "и".

— Вот и отлично. Да, кстати, от него я поеду сразу в командировку. Помнишь, я прервал её недавно? Ну вот, едем снова. Сумка с вещами осталась на работе тогда, заеду в офис, заберу и поеду. Вернусь уже после Рождества. — он так виртуозно лгал, что если бы я не знала правду, не усомнилась бы в его словах.

— Ладно. — только и смогла проговорить я. Ничего, ты вернёшься после праздников и тебя будет ждать сюрприз. Я думаю ты удивишься узнав, что я обо всём осведомлена. Как раз мне хватит времени подумать, что делать со всем этим дальше.

— Ну вот и ладненько, я пойду ещё с главбухом поздороваюсь, может она добавит мне всё же зарплату. — и он странно усмехнулся. Очевидно тому, как он ловко дурит нас с блондинкой.

— Я что-то устала, пойду прямо сейчас к Ветру в ресторан. Может действительно вместе домой поедем. — я встала. — Думаю никто не заметит, что я ушла.

— Нет, конечно, иди. — он заметно повеселел, расслабившись. Теперь ему не надо бегать между двумя женщинами через весь зал и бояться, что одна увидит другую.

Я забрала в гардеробе своё пальто, накинув его на плечи вышла на улицу, намереваясь перейти улицу, чтобы увидеть Ветра. В это время улица была такой оживлённой, что мне пришлось достаточно подождать, чтобы перейти её. Каблуки на туфлях разъезжались по припорошённому снегом асфальту, но я упорно шла к своему другу. Он, как никогда, мне был сейчас нужен.

Перейдя на другую сторону улицы, я открыла тяжелые двери ресторана, где работал Ветер. Вошла внутрь. И сразу меня обнял тёплый воздух и негромкая инструментальная музыка. Рай для ушей. Какая глобальная разница между двумя заведениями — этим и напротив. Здесь был приятный полумрак, на каждом столе стоял подсвечник с зажжённой свечой. При всём том, что почти за каждым столом сидели люди, не было никакого гула от голосов. Даже после такого эмоционального потрясения я смогла оценить, какой шикарный ресторан открыли в нашем городе, благодаря в том числе и Ветру.

Я огляделась. Подумала, что он, возможно, вышел к кому-нибудь из гостей. Но нет. В зале его не было. Сняв пальто и отдав его в гардероб, я прошла в ту часть ресторана, где был бар, надеясь, что увижу Ветра там. За барной стойкой сидело двое мужчин. Одна из стен зала была с нишами, в которых сидели гости ресторана. Отметила про себя, что это очень удобно. Там можно было легко спрятаться от посторонних глаз. Мимо меня в одну из ниш с подносом в руках проплыл официант с азиатской внешностью. Я его вспомнила. Это он тогда заглянул в кабинет Ветра, когда между нами с ним возникла искра.

Официант поставил блюда перед гостями и пошёл обратно. Я преградила ему дорогу, поинтересовавшись, здесь ли шеф-повар. Он сказал, что сегодня его целый день не было на работе. Очевидно, он тоже узнал меня, потому как предложил выпить кофе за счёт заведения в баре. Я согласилась, думая о том, что мне всё равно нужно где-то дождаться такси. Усевшись на барный стул, ожидая кофе, я подумала, что у меня последнее время не самые удачные дни. Сперва к Ветру заявила его бывшая любовь. Я до сих пор не могу поговорить с ним, узнать его отношение к этому. Теряюсь в догадках, какие между ними теперь отношения. Моя фантазия рисует не самую радужную картину. И он ещё не пришёл на

работу. А сегодня суббота. Он после открытия ни разу в субботу не был дома, всё время пропадая на работе. Сегодня же не появился здесь. Это всё мне не нравилось. Он определённо с ней. И я сегодня же зайду к нему домой. И прямо спрошу его обо всём. Я должна знать правду. Это же Ветер! Мы так давно дружим вместе, делимся друг с другом всем. Да и теперь, когда он признался мне в своих чувствах, я всё больше не хочу, чтобы его прошлое к нему вернулось. Сегодня он мне нужен как никогда. При всём том, что я не любила своего Мужа, меня искренне потрясло то, что он жил двойной жизнью. Как пыльным мешком по голове ударило. Я хотела это обсудить с тем, кто как никто другой меня знает и понимает. Если окунуться в собственные ощущения, то можно сказать, что я до сих пор не могу поверить в то, что я подслушала на корпоративе. Не могу принять это, несмотря на то, что я даже разговаривала с любовницей моего Мужа, с той блондинкой. Казалось бы, какие мне ещё нужны доказательства? Я видела в её телефоне его фотографию, но мозг не мог поверить в то, что это всё реально. Я ведь за все годы совместной жизни не усомнилась, что он ездит в командировки. Не возникло никаких подозрений, что он мне изменяет. Я чувствовала себя такой душой.

Передо мной поставили чашку с дымящимся ароматным кофе. Я благодарно улыбнулась. Решила, что позвоню Ветру, узнаю, где он. Но когда я набрала его номер, его телефон оказался выключенным. Я совсем поникла. Ведь если он не пришёл на работу, выключил телефон, и в это время с ним его бывшая, это означает только одно — он вернулся к ней. И на радостях обо всём забыл, о работе, обо мне.

Мне сейчас так нужна была поддержка, так нужно было сильное мужское плечо рядом, а Ветер исчез куда-то. Я посидела немного, глядя невидящим взглядом в свой телефон. Решила, что я не справлюсь в одиночку со всем тем, что на меня свалилось. Родителям я не могла позвонить, потому как не хотела их расстраивать. Во всяком случае, до того момента, пока я не поговорю с Мужем и не приму решение, что же мне со всем этим делать дальше. Сейчас же я просто хотела поделиться с кем-то этим всем. Кто смог бы меня поддержать, кто дал бы совет, как лучше поступить в этой ситуации. Кто хотя бы просто выслушал меня и понял мои переживания и волнения. Я поняла, что помимо Ветра в моей жизни есть ещё один человек, кто смог бы предложить мне своё мужское плечо, на которое я могла бы опереться. Я взглянула на часы. Начало десятого. Море наверняка дома с женой и детьми. Звонить ему точно плохая идея, а вот написать можно. Я написала ему, что у меня сегодня ужасный день, который выбил почву из-под моих ног. И что хотела бы с ним встретиться как можно скорее. Ещё приписала в конце, что очень соскучилась по нему. Отправила. Отпила кофе из маленькой чашки. Оно приятно согрело горло и немного привело меня в чувства. Нужно бы заказать такси и поехать домой. Да так, чтобы не пересечься с Мужем и его..., его женщиной.

Телефон, лежащий рядом на барной стойке, завибрировал. Это он ответил. На душе потеплело. Хоть что-то в моей жизни осталось неизменным. Это моя отдушина, моё Море. Мой мир в последнее время пошатнулся. Можно сказать, он стал как желе, нестабильным и грозит вот-вот разрушиться. Ветер, только признавшись мне в любви, похоже, теперь вернулся к своей большой любви из прошлого. Муж вообще, оказалось, создал на стороне семью. И теперь живёт на два дома. Просто двоеженец какой-то. И только Море готов мне ответить даже ночью, даже когда ему явно не удобно это делать. Я разблокировала телефон, открыла сообщение и удивлённо уставилась в экран. Ответом мне было странное сообщение с номера Моря.

"Кто это?"

Я непонимающе смотрела в экран телефона. Такого я не ожидала. Единственное объяснение этому сообщению было то, что у него что-то с телефоном. И, возможно, удалились все номера, а он не подумал, что это я пишу. Ведь аватарки у меня не стояло ни в одном месенджере. Но с другой стороны, кто ещё может ему такое написать, как ни я. Не жена же.

Я ответила на это сообщение, что, конечно же, это я, кто же ещё. А раз не понимает, кто это, пусть вспомнит наш совместный отдых в Турции. Ещё дописала, что это не смешно и он мог догадаться, кто ему пишет. Спросила, что у него с телефоном. После этого сделала глоток кофе. Мне тут же пришёл ответ. Я поднесла телефон к глазам.

"О чём речь? Что за отдых?!"

Я сперва разозлилась на него. Если это шутка, то совершенно несмешная! Но через мгновение внутри меня всё похолодело. А вдруг телефон оказался в руках его жены и это она мне отвечает? В голове пронеслись тысяча мыслей. Начиная с того, что я попала на разборки с его женой, заканчивая тем, что мне надо как-то отвести от него бурю. Напишу, что ошиблась номером. Я не хотела ему создавать проблем. Но не успела я ничего написать, как мне приходит очередное сообщение:

"Что тебе нужно от моего мужчины?!" — внутри всё оборвалось. Точно. Это, должно быть его жена. Я не знаю, как выпутываться из этой ситуации. Я только хотела немного поддержки от Моря, а получается, просто взяла и подставила его. Мне нужно как-то выкрутиться. Мой мозг лихорадочно соображал, как правильнее выйти из этой ситуации. Появилась мысль написать любое мужское имя, чтобы отвести подозрения от Моря, но решила просто сказать, что я, наверное, ошиблась номером.

Я ждала ответ, ощущая, как от волнения вспотели ладони. Это же надо так вляпаться и вляпать Море!

Когда мне пришёл ответ и я стала его читать, строчки поплыли перед глазами. Я несколько раз перечитывала их, не понимая сути:

"Послушай меня, кем бы ты ни была, он мой! И то, что рядом с ним сейчас я, а не ты — очередное тому подтверждение! Сейчас он в душе, а когда выйдет, у нас продолжатся потрясающие выходные вдвоём. И чтобы ты знала, за эти пол года, что мы вместе, он не был ни в какой Турции! Так что либо ты ошиблась номером, либо ты из его далёкого прошлого. В настоящем у него есть только я, да его старая жена, которую он не может бросить, потому что ему жалко детей и он не хочет, чтобы они росли без отца. Но жена у него в телефоне подписана, а ты пишешь с неизвестного номера. Я, кстати, у него тоже подписана. Значит, ты из такого лохматого прошлого, что я могу даже не беспокоиться ни о чём и лишь пожалеть тебя. Забудь этот номер. Он мой и я сделаю всё, чтобы он был только моим. А то, чего я хочу — всегда добиваюсь. За свои двадцать два года я добилась всего, чего хотела. Он не будет исключением".

Я читала и не понимала ничего. Меня кинуло сначала в жар, потом стало зябко. Снова перечитала текст. В голове был какой-то шум, он не давал мыслям быть ясными. Но, как будто уже всё поняв, я всё же решила написать на номер Моря:

"кто вы?"

Ответ не приходил несколько минут, показавшимися мне целой вечностью. Как ни банально это звучит. Я вцепилась в телефон мёртвой хваткой. Не мигая, смотрела в экран, ожидая сообщения. И оно пришло:

"я его единственная любимая женщина. Мы уже пол года вместе и я уверена, что он скоро бросит свою старую жену ради меня. Потому как всё своё свободное время он проводит только со мной. А с ней он лишь ради детей. Но это полный бред. Он любит меня. Так что отвали от него."

Если можно разрушить мир человека несколькими фразами, то сейчас это произошло со мной. Мой мир в одночасье разбился на миллиард осколков. От собственной слабости, я подумала, может это какая-то шутка? Или Море меня так нелепо проверяет? Может, хочет вывести на эмоции? Но я понимала, что сколько бы я себя не пыталась успокоить этими мыслями, в итоге мне не отгородить своё сердце от правды и вместе с ней от боли. Сегодня я потеряла всё. И всех.

Ещё утром я думала, что моя жизнь понятна и стабильна. У меня был Муж, с которым я не была особо счастлива, но это был тыл. Я понимала, что я не одна. У меня есть семья. Пусть не та, о которой я мечтаю, но всё же. У меня был друг, который даже признался мне в своих чувствах. Он смог стать самым близким из всех мужчин в моей жизни. У меня был, в конце концов, Море. Тот, кто открыл мне мир чувств и ярких эмоций. Тот, кто показал, какими могут быть отношения, когда в них есть любовь. Тот, ради которого хотелось вставать по утрам и для которого хотелось свернуть горы.

А сейчас мой мир окончательно и бесповоротно обрушился. У мужа на стороне есть вторая семья, у Ветра вернувшаяся серьёзная любовь, а Море...., а Море променял меня на молодую девушку. Мы действительно редко стали видеться в последнее время. Реже общались по телефону. Но при каждом таком случае он вёл себя так, словно не изменилось ничего. Как будто я ему всё ещё нужна. В груди болезненно заныло сердце. Я оказалась на отшибе собственной жизни.

На барной стойке передо мной стояла чашка с остывшим кофе. Всё ещё играла инструментальная музыка на фоне. Мужчины в метре от меня что-то активно обсуждали. Но я не видела и не слышала ничего. Я за эти минуты испытала весь спектр эмоций. Сперва я, словно оглушённая, ошарашенно сопоставляла всё в своей голове. Потом, когда до меня дошло, что Море нашёл вместо меня какую-то молоденькую девушку, боль пронзила моё кровоточащее сердце. А сейчас я ощущала собственную никчёмность и полную обречённость. Я потеряла всех. В один день я поняла, что все люди, которые окружали меня, все они меня предали. Кто-то менее масштабно, кто-то более. Но они все меня предали. Каждый из них нашёл мне замену. И самый абсурд, что узнала я об этом в один момент.

Сегодня был явно не мой день.

В один момент я ощутила, что я никому по факту не была нужна никогда. И всё, что меня окружало, было фикцией. Я придумала себе всё. Или просто меня обманывали, заставляя думать, что я нужна. А может просто разлюбили или не любили никогда. Глаза наполнились слезами. Я как могла, старалась их подавить. Но они, дрожа на ресницах, стали срываться с них и, омывая щеки, капать с подбородка. Я, не видя ничего перед собой, встала из-за барной стойки. Голова кружилась, в груди стало тесно, дыхание стало сбивчивым и неглубоким. Споткнувшись о барный стул, я пошла, не разбирая дороги, как пьяная к выходу. Мне хотелось бежать. Куда? Я не знала. Просто разрываемая на части своими растрёпанными чувствами, я хотела убежать от всего. От этих проблем, от этой боли, от себя. Едва не сбив с ног людей на входе в ресторан, я выбежала на улицу. Не чувствуя холода, я, скользя туфлями на каблуках по покрытому инеем асфальту, прошла пару метров в неизвестном направлении. Сердце кровило, душа была полна смятения. Я даже не заметила,

что не забрала пальто из гардероба и сейчас шла в одном платье с голой спиной. Машины ездил рядом со мной, периодически кто-то что-то выкрикивал. Улица была узкой. С одной стороны припаркованы были автомобили, с другой ездил бесчисленное множество машин на высокой скорости. Прохожие смотрели на меня с удивлением, очевидно, думая, что я пьяна. Позади себя я услышала громкий взрыв женского смеха. Он почему-то эхом отдался в ушах. Следом послышался весёлый мужской хохот. Я остановилась как вкопанная. Это был смех моего Мужа. Обернувшись, сквозь слёзы жалости к себе, застилавшие мне глаза, я увидела, как мой Муж усаживает на заднее сидение такси свою жену... В этот момент в моей голове что-то щёлкнуло. В одно мгновение в моей душе вспыхнула ярость, которая затуманила разум. Я хотела подбежать к своему Мужу и со всей силы дать ему пощечину. За всё! За то, что я столько лет жила в жалком подобии семьи, за то, что он так и не смог дать мне любви. За то, что позволил нашим отношениям продлиться столько лет во лжи. И, в конце концов, за то, что он завёл на стороне другую семью. Я слышала, как он смеялся, видела, как он влюблён в эту блондинку. И это ещё отчётливее мне напоминало, что я совсем никому не нужна. Не видя перед собой ничего, кроме Мужа, который уже сидел в такси на противоположной стороне узкой улицы, я побежала. Каблуки скользили по покрытому инеем асфальту, но я уже выбежала на проезжую часть. Такси с моим Мужем и блондинкой внутри стало отъезжать. Я что есть сил бросилась за ними. В какой-то момент почувствовала, что подо мной что-то хрустнуло и стало разъезжаться. Всё произошло так быстро. Визг шин, страшно-громкий сигнал автомобиля и в следующее мгновение — полная удушающая темнота.

Кромешная тьма обволакивает и напрочь подавляет волю. Воздух тяжёлый, он давит на грудь своей широкой стопой, не желая проникать в лёгкие. Пространство сужается и расширяется, словно живой организм. Сознание тонет в этой пучине безнадёжности, которой наполнена окружающая действительность. Оно очертаниями напоминает тесную комнату, где редкие всполохи надежды разрезают вязкую черноту тьмы. Пытаюсь ухватиться за неё, но лёгкая невесомая рука проходит сквозь. Мне не зацепиться и не покинуть её. Хочется просто принять это, поддаться тоске и безнадёжности. Страха нет. Есть желание слиться с мягкой, воздушной и такой манящей стеной, обещающей вечный покой.

Впереди едва различимо появляется огонёк. Он трепещет и грозит потухнуть, но неумолимо движется на меня. Боюсь закрыть глаза, чтобы не потерять его из вида. Боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть его. Не знаю этого, но чувствую, что в нём моё спасение. Вот он уже совсем близко и напоминает мне что-то знакомое, но я не могу вспомнить, что именно. Он успокаивает, даря надежду. На что? Не знаю. Просто с ним есть ощущение, что я не одна. Мне даже кажется, что он разговаривает со мной так тихо, почти беззвучно. Я не могу разобрать слов, просто наблюдаю за его светом. Хочется закрыть веки и провалиться в мягкую тьму, которая уже даже не пугает меня. Но огонёк начинает гореть ярче, голос его становится громче. Я уже стала различать отдельные слова. Он зовёт меня, просит не останавливаться и куда-то идти. Свет от огонька и громкость его голоса всё нарастают и нарастают. Хочется закрыть уши и не слышать его. Но я просто устало закрываю глаза. Кажется, всё исчезло. Наступила спасительная тишина. Ещё немного и я всё же решаю открыть веки и посмотреть, здесь ли он. Но в них ударяет яркий свет, который причиняет нестерпимую боль. Закрываю их.

Снова слышу этот голос, который не даёт мне провалиться в черноту. Почему он не может меня просто оставить в покое? Мне так было хорошо и спокойно в этой тёмной

комнате, которая обволакивала и поглощала меня. Голос не умолкает, он снова зовёт. Открывать глаза я не пытаюсь. Мне хватило той боли, что пронзила меня насквозь при первой попытке.

Но что это? Я ощутила прикосновение к своей ладони чего-то тёплого. Похоже, это чья-то рука. Но чья?

Голос неумолимо что-то твердил. Он, по-моему, не оставит меня в покое, пока я не пойму, что он мне говорит.

— Наконец-то ты пришла в себя. — я не узнала, кто это говорит. А глаза было больно открывать. Но я поняла одно: крошечная тьма отступила, выплюнув меня в действительность. — Я боялся потерять тебя. Тебя сбила машина пять дней назад. — кто-то снова коснулся моей ладони, слегка пожимая её. — Я договорился со своим другом, чтобы тебя положили в частную клинику. Он главный врач здесь. Они меня всё это время успокаивали, что с тобой будет всё в порядке. Но когда тебя ввели в искусственную кому, я не на шутку испугался.

Я лежала и думала, кто же это? Голос мне не знаком. А может и знаком, просто я не могу вспомнить, чей он? И вроде я всё остальное помню. То, как узнала, что у моего Мужа есть вторая семья. Помню, что пришла в ресторан Ветра, но его не было. Я решила, что он со своей бывшей. А потом была переписка с новой возлюбленной Моря. И я побежала, практически сойдя с ума. А на улице увидела Мужа сего любовницей. И у меня совсем помутилось сознание. Я бежала по проезжей части и у меня сломался каблук. Визг шин и сигнал автомобиля. Это последнее, что я помню. А дальше чернота. То есть я ещё успела в коме побыть? В голове всё ещё был туман. Я боялась шевелиться. Но боли не чувствовала. Интересно, что со мной? Язык меня плохо слушался. Во рту будто пересохло. Я еле-еле выговорила:

— Что со мной?

— Врач обещает, что ты полностью поправишься. Надо, правда, время для восстановления. Но я буду тебе всячески помогать. Самое главное, что ты жива. — хоть убей, я не пойму, с кем говорю. Я попробовала приоткрыть глаз, но свет так больно полоснул по нему, что я не стала продолжать эти попытки. Я подумала, что это должно быть Муж. Но я своим догадкам не сильно доверяла, потому что в голове была вата. И я ощущала себя странно, словно изрядно выпила.

— Когда я узнал, что тебя сбила машина, я не знал, что и думать. — он поцеловал тыльную сторону моей ладони. — Хорошо, что всё обошлось.

— Где мой сын?

— Он в коридоре. Ты нас так напугала. — в голове немного стало проясняться. И кажется, я поняла, кому принадлежал этот мужской голос. Который так не хотел, чтобы я осталась в чёрном небытие. Я шла на этот голос, хоть и думала, что он исходит от огонька.

— Я хочу его услышать. — едва слышно проговорила я.

— Конечно. — он положил мою руку обратно на больничную кровать. Я услышала, как отодвинулся стул и он прошёл к двери, через мгновение она скрипнула, открывшись. И он с любовью в голосе позвал моего сына:

— Наследник престола! Мама очнулась!

Я сидела на берегу моря, нежные волны игриво касались моих ступней, то набегая на них, то снова отступая. Лёгкий ветер ласково перебирал пряди свободно струящихся волос. Я задумчиво смотрела вдаль, туда, где совсем скоро скроется солнце. На горизонте не было ни одного облака. Стояла прекрасная погода уже которую неделю. Мой сын, радостно вскрикивая, когда волны доставали до его шорт, бегал по берегу. Посмотрев на него, я улыбнулась. За последние годы я научилась радоваться жизни, как мой ребёнок. У меня был долгий путь к счастью. Через утомительные, безрадостные отношения, через слёзы расставания, но я обрела своё счастье.

Он подошёл сзади меня, присел рядом, положив мне на талию свою большую тёплую ладонь. Я прижалась к нему головой, продолжая смотреть на моё любимое море.

— Почему ты тогда не приехал в ресторан? И выключил телефон? — я давно хотела задать эти вопросы. Но последние два года в них как будто не было нужды. Сперва я восстанавливалась после аварии. Потом был бракоразводный процесс. Кроме общего ребёнка нам нечего было делить, потому он, в принципе не особо затянулся. Затем продажа двух квартир, переезд к морю, покупка своего дома на второй линии от него. Мы пытались в это время заново узнавать друг друга. Уже не как друзья, а как муж и жена. А ещё расписались и обвенчались в тот же день, когда переехали в наш новый дом. Сын остался со мной. Его отец продолжил счастливо жить со своей второй семьёй. И, как мне казалось, выдохнул с облегчением, когда вся эта история вскрылась и можно было никого не обманывать.

А Море..., Море я видела после всего этого лишь раз. Последний раз. По иронии судьбы я выходила из здания суда уже абсолютно свободной женщиной. Он же владел строительной фирмой, которая располагалась по совершенной случайности в соседнем здании с судом.

После инцидента в ресторане, когда я имела "удовольствие" переписываться с его молодой любовницей, прошло два месяца. В течение которых он ни разу мне не написал и не позвонил. Думаю, он был бы рад сделать вид, что он меня не знает, но это было слишком глупо и не по-мужски. Море подошёл ко мне и это был самый короткий и нелепый диалог в наших с ним отношениях:

— Привет. Как ты?

— Всё хорошо. Уже. — я смотрела в его глаза цвета морской волны и не могла унять удивления. Я искала и не находила в своей душе чувств к нему. После того случая меня резко отпустили когти порочной любви.

— Ты извини, что всё так вышло. Но я сразу тебе говорил, что у наших отношений нет будущего.

— Я знаю. Но думала, ты это говорил из-за того, что у каждого из нас была семья.

Он пожал плечами. Я не знала, о чём ещё с ним говорить, потому просто сказала на прощание:

— Спасибо за то, что было. И ещё большее спасибо за то, что никогда не произойдёт. — развернулась и ушла навсегда.

Сейчас, глядя на морскую гладь, я подумала, что я счастлива оттого, что всё так случилось. Каждая ситуация меня приближала к настоящему счастью. Но, желая покончить с прошлым, я решила, что хочу знать ответы на свои вопросы.

— Ты знаешь, что моя бывшая приехала ко мне и даже ночевала у меня дома. Спали мы в разных комнатах и на следующий день я сказал ей, что она должна уехать. Ей всё это время кто-то звонил. Когда я сказал, что между нами с ней ничего не будет, она расплакалась и сказала, что любит другого. Но накануне между ними произошла страшная ссора. Она уехала ко мне, решив ему так отомстить. В общем, я предложил ей отвезти её на вокзал, чтобы она вернулась к нему и больше не появлялась в моей жизни. Когда мы приехали на вокзал, оказалось, что нужный поезд уже ушёл. А следующий будет проходить лишь утром. Оставлять её ещё на одну ночь я не хотел, потому предложил отвезти домой, чтобы эта история, наконец, благополучно завершилась. В дороге телефон совсем разрядился. Я не мог ни позвонить тебе, ни написать. Привёз её к дому, где они жили. Её мужчина уже ждал её у подъезда. Мы с ней попрощались и в зеркало заднего вида я видел, что они, обнявшись, скрылись в подъезде. Приехав обратно в город Непогод, я зашёл к тебе домой, но тебя там не было. Потом, когда поставил на зарядку и включил телефон, увидел пропущенные от тебя и от твоих родителей. Они мне сообщили, что ты в реанимации. До этого они позвонили твоему на тот момент мужу, но он сказал, что в командировке и приедет в город через две недели. Это потом ты мне рассказала, что у него никаких командировок на работе отродясь не было. Но тогда звучало правдоподобно. Дальше ты всё знаешь. Я договорился, чтобы тебя определили в частную клинику и чтобы позволили быть рядом с тобой, пока ты не очнулась.

Я отодвинулась от Ветра и с любовью посмотрела в его шоколадного цвета глаза.

— Стоило столько всего пережить, чтобы через много лет разглядеть свою любовь в том, кто всегда был рядом. — и крепко-крепко его обняла, наконец, ощущая себя по-настоящему счастливой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net